

ЛУИ НИЛЬСОН

ВНЕ ВНЕ ФИЛЬТРОВ

Резонанс сердца

Луи Нильсон

Вне фильтров: Резонанс сердец

<https://litres.ru/74043271>

SelfPub; 2026

Аннотация

Александра — виртуозный звукорежиссер, способный услышать фальшь в малейшем колебании голоса.

Ее жизнь подчинена четкому ритму дыхания и цифровым фильтрам, за которыми она прячется от собственного прошлого. Но новый проект — озвучка романа загадочного автора под псевдонимом Мирон — превращается в опасную психологическую игру. Его баритон полон «технического брака»: затаенной ярости и боли, которые невозможно вырезать при монтаже.

Мирон затягивает Александру в изощренный аудио-лабиринт, заставляя столкнуться с ее самыми глубокими страхами.

В мире, где каждый звук можно отредактировать, им обоим придется рискнуть и впервые зазвучать искренне. Это история о любви без дублей и жизни в полный голос.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	23
ГЛАВА 3	41
ГЛАВА 4	60
ГЛАВА 5	78
ГЛАВА 6	96
ГЛАВА 7	114
ГЛАВА 8	132
ГЛАВА 9	147
ГЛАВА 10	165
ГЛАВА 11	183
ГЛАВА 12	200
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Вне фильтров: Резонанс сердец

ГЛАВА 1

Моя личная зона отчуждения начинается в тот момент, когда я надеваю наушники. Мир снаружи схлопывается, превращаясь в немую пантомиму за толстым стеклом студии, и остается только гул в ушах - белый шум ожидания. Это похоже на то, как ты стоишь на стартовой тумбе, пальцы ног впиваются в шершавый край, а легкие уже раздуты до предела, превращая грудную клетку в плотный, звенящий барабан. Я привыкла дышать по графику. Вдох на три счета, задержка, резкий выдох в воду. Сейчас воды нет, есть только цифровой поток, который мне предстоит вычистить, вылизать и превратить в нечто, что люди будут слушать в своих машинах, пытаясь сбежать от реальности.

Я смотрю на монитор. Звуковая волна романа Игры теней выглядит как кардиограмма пациента, находящегося в состоянии очень странного, контролируемого возбуждения. Пики слишком острые, провалы слишком глубокие. Мой внутренний профессор консерватории, тот самый желчный старик в потертом пиджаке, который живет у меня в голове, уже недовольно морщится. Слишком много экспрессии,

Александра, - говорит он, поправляя воображаемое пенсне. - Вы только посмотрите на эти частоты. Здесь не чтение, здесь какая-то анатомическая выставка.

Я щелкаю мышкой, выделяю первый сегмент и нажимаю плей.

В уши врывается баритон. Он не просто низкий, он объемный, как старое красное вино, которое оставило терпкий след на нёбе. Но я не слушаю слова. Я слушаю тембр. У этого человека - автора, который решил сам начитать свой текст под псевдонимом Мирон - есть одна странная особенность: он обрывает гласные так, словно они обжигают ему язык. Он не дает звуку дозвенеть, он рубит его топором. Это создает рваный, тревожный ритм. Мои мышцы спины между лопатками непроизвольно сокращаются. Это рефлекс. Так тело реагирует на звук падающего стекла или на скрип двери в пустой квартире.

Я задерживаю дыхание. Один, два, три.

Мирон начинает читать первую главу. Текст пропитан цинизмом, как губка - дезинфицирующим средством. Короткие предложения, сложные термины, которые он выплевывает с какой-то извращенной гордостью. Он прячется за этими словами, я это чувствую. Каждое многосложное прилагательное для него - это кирпич в стене. Он строит баррикаду между собой и слушателем. Но его голос... голос его подводит. В обертонах слышно дребезжание, которое невозможно скрыть даже самой дорогой аппаратурой. Это субгармоники

страха или, может быть, застарелой ярости.

Я настраиваю эквалайзер, срезаю низкие частоты ниже восьмидесяти герц, чтобы убрать этот утробный гул, который заставляет мое солнечное сплетение вибрировать. У него во рту явно пересыхает каждые десять минут - я слышу характерные щелчки слюны. Это непрофессионально. Это раздражает. Я помечаю тайм-коды, где нужно будет применить де-эссер, чтобы смягчить его свистящие "с". Он производит их слишком остро, как будто вонзает спицы в микрофон.

- Опять ты замерла, Саш, - раздается в интеркоме голос Олега, моего ассистента, который сидит в аппаратной.

Я вздрагиваю, и это движение отдается резью в шее. Я не заметила, как выпрямилась в струну, словно жду сигнала к прыжку в бассейн.

- Я не замерла, я анализирую спектр, - отвечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально плоско.

- Ты не дышишь уже минуту. У тебя лицо как у манекена. Этот парень на записи - он что, настолько плох?

- Он технически сложен, - отрезаю я. - У него грязная задача. Много лишнего шума. И он не умеет работать с паузами. Он их заглатывает.

- Зато тембр - пушка, - Олег усмехается, я вижу его расплывчатый силуэт за стеклом. - Девчонки из отдела маркетинга уже текут от одного демо-файла. Говорят, это голос мужчины, который знает, где у женщины находится точка

невозврата.

- Девчонкам из маркетинга нужно проверить слух, - я снова ухожу в мониторы. - У него в голосе маска. Он врет в каждой второй фразе. Слушай сюда.

Я прокручиваю запись назад и включаю фрагмент, где Мирон описывает предательство.

- "Никто не уходит просто так, - звучит в наушниках. - Мы всегда оставляем за собой выжженную землю, чтобы было удобнее ориентироваться в темноте".

- Слышишь? - спрашиваю я Олега. - Слышишь этот микро-провал на слове "землю"? У него связки сомкнулись чуть раньше времени. Он испугался собственной метафоры. Или вспомнил что-то, что не планировал вспоминать. Это фальшь, Олег. Это технический брак.

- Это жизнь, Саш. Ты слишком требовательна. Люди не роботы.

- В студии они обязаны быть роботами, если хотят, чтобы я сделала из них богов, - я отключаю интерком.

Мне не нужны его комментарии. Мне нужно понять, почему этот голос вызывает у меня такое сильное отторжение на физическом уровне. Я чувствую его кожей, как холодную воду, которая просачивается под плавательные очки. Это неприятно, это мешает обзору.

Я продолжаю работать. Час за часом я чищу дорожку. Я вырезаю его тяжелые вздохи. Он дышит так, словно только что пробежал марафон, хотя он просто сидел на стуле перед

поп-филтром. Каждое его "вдо" - это шумный, жадный глоток воздуха. Я слышу, как расширяются его легкие, слышу треск его рубашки, когда он шевелится. Он слишком живой в этой записи. Слишком неряшливый в своей искренности, которую он пытается замаскировать под интеллектуальный снобизм.

Мой отец уходил так же. Я помню этот звук. Сначала - резкий выдох в коридоре, словно он сбрасывал с себя груз нашего присутствия. Потом - тяжелые шаги, которые становились все тише, пока не растворялись в шуме лифта. Я научилась определять его настроение по тому, как он ставил ключи на тумбочку. Звонкий, короткий звук - он в духе, можно подойти. Глухой, скрежещущий - лучше спрятаться в комнате и не дышать. Вся моя жизнь - это попытка расшифровать тишину и шумы, чтобы не быть застигнутой врасплох.

К трем часам дня у меня начинает болеть затылок. Это привычная боль, она сигнализирует о том, что мой внутренний резонатор перегружен. Я дохожу до конца первого аудиофайла. Последние десять минут были сущим адом. Мирон начал торопиться, его темп речи ускорился, он стал глотать окончания предложений, словно за ним кто-то гнался. Профессор в моей голове уже не просто морщится, он бьет указкой по крышке рояля. Ритм сорван! Где такт? Где дисциплина?

Я собираюсь закрыть программу, но замечаю, что после официального финала главы, там, где должна быть абсолют-

ная тишина перед концом файла, идет еще какая-то активность. Тонкая, едва заметная линия на графике. Почти на уровне шума - минус сорок восемь децибел.

Обычно дикторы выключают микрофон сразу после чтения. Или это делает звукорежиссер на той стороне. Но здесь... здесь что-то осталось.

Я выкручиваю громкость на максимум. Мониторные наушники давят на череп, я слышу ток собственной крови.

Сначала идет тишина. Но это не мертвая тишина цифрового нуля. Это живая тишина комнаты. Я слышу работу кондиционера где-то вдалеке. Слышу, как гудит системный блок. А потом раздается звук.

Резкий, сухой щелчок. Окно. Кто-то открыл окно.

Я замираю. Мои пальцы впиваются в подлокотники кресла. Я не дышу. Я - одно большое ухо.

В наушниках слышен уличный шум - далекий гул машин, крик какой-то птицы. И дыхание. Очень близкое. Он не отошел от микрофона. Он остался стоять там, глядя в открытое окно.

Проходит секунд тридцать. Мое сердце начинает биться в ритме этого далекого, едва уловимого шума города на записи. И вдруг - шепот.

Он настолько тихий, что я скорее чувствую его кожей, чем слышу. Это не баритон. Это лишенный всякой окраски, обглоданный до костей звук человеческой усталости.

- Сегодня я снова видел ее, и она даже не посмотрела на

меня, - говорит голос.

Файл обрывается.

Я сдергиваю наушники. В студии становится оглушительно тихо. Этот звук тишины бьет меня по лицу, как холодная волна в бассейне, когда ты не успела вовремя закрыть нос. Я хватаю ртом воздух. Один. Два. Три.

Что это было? Ошибка монтажа? Случайная запись? Или он знал, что я буду это слушать?

Я смотрю на монитор, на черную пустоту в конце дорожки. Эта фраза не имеет никакого отношения к роману Игры теней. В романе главный герой - холодный аналитик, который играет чужими жизнями, как шахматными фигурами. Там нет места такому беззащитному шепоту. Там нет места этой интонации - когда человек признает свое полное, сокрушительное поражение.

- Саш? Ты там жива? - голос Олега в интеркоме заставляет меня подпрыгнуть.

- Да, - я быстро закрываю окно программы. - Я закончила с первой главой. Скидываю на сервер.

- Ты какая-то бледная. Опять забыла пообедать?

- Все нормально. Просто... слишком много высоких частот. Утомление слуха.

Я вру. Мой слух в полном порядке. Это мое тело меня выдает. Руки слегка дрожат, и я прячу их под стол, сжимая в кулаки. Я чувствую этот шепот в своем солнечном сплетении. Он застрял там, как инородное тело, как заноза, кото-

рую невозможно вытащить, потому что она вошла слишком глубоко.

Я выхожу из студии, быстро прохожу мимо стола Олега, не глядя на него. Мне нужно на улицу. Мне нужно смыть с себя этот голос.

Город встречает меня своим обычным хаосом. Трамваи скрежещут на поворотах - это фа-диез второй октавы, слишком резкий, неприятный. Толпа гудит на частоте около двухсот герц - этот звук я называю "социальным фоном", он усыпляет бдительность. Я иду по тротуару, стараясь ни с кем не соприкоснуться. Каждый случайный контакт для меня - это лишний звук, лишнее движение в моем личном пространстве, которое и так переполнено.

Я захожу в небольшое кафе, где всегда мало народу и играет скучный, предсказуемый джаз. Я сажусь в углу, заказываю двойной эспрессо. Мне нужно заземлиться.

"Сегодня я снова видел ее..."

Кто она? И почему он говорит об этом микрофону, словно это его единственный исповедник?

Миرون. Я видела его только на фотографиях, которые прислало издательство для оформления релиза. На них он выглядит именно так, как звучит его текст: резкие черты лица, жесткий взгляд, идеально сидящий костюм. Человек-крепость. Человек-алгоритм. Но этот шепот в конце записи не принадлежит человеку в костюме. Он принадлежит кому-то, кто стоит у открытого окна и понимает, что он неви-

дим.

Я делаю глоток кофе. Горькая жидкость обжигает язык, и я концентрируюсь на этой боли. Это хорошо. Боль - это реальность. Шепот в наушниках - это просто запись, кусок магнитного кода, цифровая пыль.

Но я знаю, что это не так. В моей профессии есть понятие "эффект присутствия". Это когда запись настолько качественная, что слушатель начинает чувствовать запах одеколона диктора или тепло его кожи. Я же почувствовала не запах. Я почувствовала его одиночество. Оно было таким плотным, что его можно было резать ножом.

Мой мобильный вибрирует на столе. Издатель. Аркадий Львович. Человек, чей голос всегда звучит так, будто он пытается продать тебе страховку от падения метеорита - слишком бодро, слишком настойчиво, с фальшивым дружелюбием в верхних регистрах.

- Саша, деточка! - орет он в трубку. - Как тебе наш таинственный автор? Ну что за голос, а? Золото! Мы на этом аудиокнижном рынке всех порвем. Ты уже начала чистку?

- Начала, Аркадий Львович, - я стараюсь дышать ровно. - Голос сложный. Много артефактов.

- Какие артефакты, Сашенька? Это харизма! Это жизнь! Мирон очень трепетно относится к результату. Он просил, чтобы именно ты занималась его книгой. Сказал, что слышал твои работы и ему нравится твоя... как он выразился... хирургическая точность.

Я замираю с чашкой в руке.

- Он знает меня?

- Ну, в наших узких кругах все всех знают. Он хочет встретиться завтра. Посмотреть на процесс, внести правки. Он очень капризный, предупреждаю сразу. Но талант, Саша, талант оправдывает всё.

- Я не люблю, когда авторы сидят над душой во время сведения, - мой голос звучит резче, чем я планировала. - Это мешает. Звук - это интимный процесс.

- Брось свои штучки, - Аркадий смеется, и этот звук напоминает мне рассыпающийся сухой горох. - Он платит тройной тариф. Завтра в одиннадцать в студии. Будь паинькой, выпей своего успокоительного чая или что ты там пьешь, и сделай из него конфетку.

Он отключается раньше, чем я успеваю возразить.

Завтра. Он придет завтра.

Я смотрю в окно кафе. По стеклу начинают стекать первые капли дождя. Они создают ритмичный, едва слышный стук. Я пытаюсь поймать этот ритм, подстроиться под него своим дыханием, но у меня не получается. В моей голове все еще звучит этот шепот.

"И она даже не посмотрела на меня".

Я чувствую, как в животе завязывается тугой узел. Это не страх. Это предчувствие опасности, как когда ты плывешь в открытой воде и вдруг понимаешь, что под тобой - бездна. Ты не видишь дна, ты не знаешь, что там прячется, но твоя

кожа чувствует изменение температуры и давления.

Я возвращаюсь домой поздно. Моя квартира - это храм тишины. Здесь нет ковров, нет лишних вещей, которые могли бы поглощать или отражать звук. Минимум мебели, белые стены, тяжелые звуконепропускаемые шторы. Я называю это своей камерой сенсорной депривации. В конце дня мне нужно, чтобы мир замолчал.

Я ложусь на пол в гостиной. Холодный ламинат приятно холодит спину. Я закрываю глаза и пытаюсь выполнить упражнение, которому меня научил мой первый тренер по плаванию. Представь, что ты - это просто сосуд с водой. Вода должна быть неподвижной. Никаких волн. Никаких всплесков.

Но сегодня вода в моем сосуде бурлит.

Я снова и снова прокручиваю в голове его голос. Я деконструирую его на составляющие. Почему он так странно произносит букву "л"? Она у него получается мягкой, почти неуловимой, словно он боится задеть ею что-то хрупкое. А его паузы... они не пустые. В них есть напряжение, как в натянутой тетиве.

Я встаю, иду к ноутбуку. Мне нужно знать больше. Я ввожу в поиске имя "Мирон". Результатов тысячи, но ни одного фото, кроме того официального, что у меня уже есть. Никаких интервью. Никаких личных блогов. Только его книги - мрачные, интеллектуальные триллеры, которые критики называют "анатомией человеческой подлости".

Его прошлая книга была экранизирована, но он не появился даже на премьере. Вместо него был его агент - скользкий тип с голосом, как у продавца подержанных машин.

Я нахожу один короткий отзыв на форуме, написанный кем-то из его бывших коллег, судя по всему. "Миرون - это не человек, это функция. Он не умеет разговаривать, он умеет только наблюдать и записывать. Не пытайтесь найти у него сердце, там только жесткий диск с огромным объемом памяти на ваши ошибки".

Я закрываю ноутбук. Профессор в моей голове согласно кивает. Видите, Александра? Это просто технический проект. Не ищите в нем глубины там, где есть только качественный расчет.

Но шепот. Шепот не был расчетом. Шепот был ошибкой. А ошибки - это единственное, чему я верю в этом мире. Ошибки невозможно подделать. Громкий крик можно отрепетировать. Слезы можно имитировать, добавив в голос нужную долю влажности. Но этот едва уловимый тремор в конце фразы, этот звук открываемого окна, как попытка глотнуть свежего воздуха перед тем, как утонуть... это и есть истина.

Я засыпаю под утро, и мне снится, что я плыву в бесконечном бассейне с темной, как чернила, водой. Я не вижу краев, я не вижу дна. Я только слышу, как где-то наверху, над поверхностью, кто-то читает книгу. Голос доносится до меня искаженным, приглушенным толщей воды, но я узнаю этот

тембр. Я пытаюсь вынырнуть, но вода становится густой, как сироп. Я открываю рот, чтобы позвать на помощь, но из моего горла не доносится ни звука. Тишина. Оглушительная, тяжелая тишина.

Утром я просыпаюсь от того, что у меня заложены уши. Это бывает из-за перепада давления или из-за стресса. Я делаю несколько глотательных движений, пытаюсь выровнять внутреннее давление.

В студию я прихожу за полчаса до назначенного времени. Мне нужно подготовить пространство. Я выставляю микрофон, хотя записывать мы сегодня ничего не планируем - только правки. Я раскладываю на столе свои записи, графики частот, список тайм-кодов с ошибками. Это мое оружие. Моя защита.

Когда дверь аппаратной открывается, я даже не оборачиваюсь. Я чувствую его присутствие по запаху - не одеколон, нет. Запах холодного воздуха, табака и чего-то еще... так пахнет старая бумага.

- Доброе утро, Александра, - говорит он.

Его живой голос звучит иначе, чем в наушниках. В нем нет того объема, который дает микрофон, но в нем гораздо больше острых углов. Он звучит как сухой хворост, который ломают под ногами.

Я поворачиваюсь.

Он выше, чем я представляла. Бледный, с резкими тенями под глазами, словно он не спал неделю. Его пальцы длинные

и беспокойные - он постоянно теревит край своего серого пальто.

- Здравствуйте, Мирон, - я стараюсь смотреть ему прямо в глаза. У него зрачки расширены, почти скрывая радужку. Это признак либо боли, либо сильного возбуждения. - Я подготовила список технических замечаний по первой главе.

- Технические замечаний? - он криво усмехается. У него тонкие губы, которые почти не двигаются, когда он говорит. - Аркадий сказал, что вы - лучший специалист по "оживлению" мертвых текстов.

- Ваш текст не мертвый. Он... герметичный. Я просто пытаюсь сделать его доступным для человеческого уха.

- А человеческое ухо, по-вашему, нуждается в упрощении? - он делает шаг ко мне, входя в мою зону комфорта.

Я чувствую, как мои мышцы спины напрягаются. Я фиксирую его ритм дыхания. Оно неровное. Короткий вдох, длинная пауза. Он контролирует себя, но этот контроль стоит ему огромных усилий.

- Оно нуждается в чистоте, - отвечаю я, возвращаясь к монитору. - Например, на седьмой минуте вы слишком сильно форсируете звук. Это вызывает дискомфорт у слушателя. Ваши "с" звучат как бритвенные лезвия.

- Бритвенные лезвия - это именно то, что я хотел, - он подходит к столу и смотрит на звуковую волну своего голоса на экране. - Это история о боли, Александра. Вы хотите пригладить боль? Сделать ее комфортной?

- Я хочу сделать ее качественной. Боль не должна дребезжать на частоте три килогерца. Это просто плохой звук.

Он замолкает. В студии повисает тишина, и я слышу, как гудит лампа над нашими головами. Это гул на частоте пятьдесят герц. Я ненавижу его.

- Вы очень дотошны, - произносит он наконец. В его голосе появляется новая нота - любопытство. - Вы разбираете меня на запчасти. Вам не страшно, что если вы соберете меня обратно, я перестану работать?

- Я не собираю людей, Мирон. Я редактирую аудиофайлы. Между ними большая разница.

- Неужели? - он наклоняется к самому моему уху. Я чувствую тепло его дыхания на своей коже. - А что вы скажете о конце файла? О том куске, который вы не должны были слышать?

Мое сердце делает резкий толчок, словно я споткнулась на ровном месте. Но я не подаю виду. Я медленно поворачиваю голову к нему.

- Это была техническая ошибка, - говорю я ровным голосом. - Забыли выключить запись. Я уже удалила этот фрагмент.

Он смотрит на меня долго, не мигая. Его глаза - как два глубоких колодца, на дне которых ничего не видно.

- Лжете, - шепчет он. - У вас пульс участился. Я вижу его здесь, на шее.

Я инстинктивно касаюсь шеи пальцами. Моя кожа горит.

- Вы не удалили его. Вы прослушали его несколько раз. Вы пытались понять, кому это адресовано.

- Это не мое дело, - я отворачиваюсь к пульту и резко двигаю фейдер вверх, наполняя комнату его собственным голосом из динамиков. Громко. Агрессивно.

- "...мы всегда оставляем за собой выжженную землю..." - гремит его баритон.

Он морщится, как от физической боли, и делает знак рукой, чтобы я выключила. Я подчиняюсь.

- Зачем вы это делаете? - спрашивает он тише.

- Чтобы напомнить вам, зачем мы здесь. Мы работаем над книгой. Ваша личная жизнь, ваши шепоты у окна - это шум. Моя задача - убрать шум.

- А если шум - это и есть самое главное? Если всё остальное - лишь декорации?

Он садится в кресло рядом со мной. Его движения рваные, несинхронные. Он похож на сломанную марионетку, которую пытаются заставить танцевать вальс.

- Александра, - он произносит мое имя так, словно пробует его на вкус. - Вы ведь тоже прячетесь. За этими наушниками, за этими графиками. Вы боитесь громких звуков. Вы задерживаете дыхание, когда я подхожу слишком близко. Почему?

Я чувствую, как внутри меня начинает расти глухое раздражение. Он пытается препарировать меня, используя мои же методы. Но он дилетант. Он не знает, что я тренировалась

годами, чтобы быть непроницаемой.

- Мы здесь не для того, чтобы обсуждать мою психологию, - отрезаю я. - Давайте перейдем к делу. Глава вторая. У вас там есть фрагмент, где вы читаете диалог двух женщин. Это звучит фальшиво. Вы пытаетесь имитировать женские интонации, и это выглядит как карикатура.

- И как же, по-вашему, должна звучать женщина, которая только что узнала, что ее жизнь была ложью? - он вызывающе скидывает подбородок.

- Она не должна кричать, - я закрываю глаза, вспоминая голос своей матери в ту ночь, когда отец ушел навсегда. - Она должна звучать пусто. Как пустой кувшин, по которому ударили палкой. Звук должен быть коротким и лишенным резонанса. У вас же там целая оперная ария.

- Покажите мне, - говорит он вдруг. - Покажите, как это - звучать пусто.

Я открываю глаза. Он смотрит на меня в упор. В его взгляде нет издевки, только какая-то жадная, почти болезненная потребность.

- Я не актриса. Я редактор.

- Нет, вы - резонатор. Вы чувствуете фальшь всем телом. Я видел, как вы дернулись, когда я вошел. Скажите это. Ту фразу из текста. "Я никогда тебя не знала".

Я молчу. Мой внутренний профессор в панике кричит: "Не делай этого! Это нарушение дистанции! Это непрофессионально!"

Но в студии так тихо, что я слышу, как бьется его сердце. Или это мое? Ритм сбитый, синкопированный.

- "Я никогда тебя не знала", - произношу я.

Мой голос звучит плоско. Я намеренно убираю из него все эмоции, весь объем. Я делаю его сухим, как осенний лист, который рассыпается в пыль под подошвой.

Мирон замирает. Его лицо бледнеет еще сильнее, если это вообще возможно. Он закрывает глаза и делает глубокий вдох. На этот раз без шума. Без лишних звуков.

- Вот оно, - шепчет он. - Вот этот звук. Тишина внутри звука. Почему вы не записываете свой голос, Александра?

- Потому что мой голос не заслуживает записи. Он плоский. В нем нет истории.

- В нем есть правда, которой я боюсь, - он открывает глаза и протягивает руку, словно хочет коснуться моей щеки, но останавливается в нескольких сантиметрах. - Вы - мой идеальный редактор. Вы вырежете из меня всё лишнее, пока не останется только...

- Только что? - мой голос дрожит, и я ненавижу себя за это.

- Только то, что я сам в себе ненавижу.

Он резко встает и направляется к выходу. У двери он останавливается.

- Завтра я принесу вторую главу. И, Александра... не удаляйте тот шум в конце файлов. Мне важно знать, что кто-то его слышит.

Он уходит, и дверь захлопывается с глухим, тяжелым звуком. Резонанс уходит в пол, я чувствую его своими ступнями.

Я остаюсь одна в студии. Гул лампы на пятидесяти герцах кажется теперь невыносимо громким. Я надеваю наушники, открываю файл первой главы и прокручиваю в самый конец.

Тишина. Щелчок окна. Уличный шум.

"Сегодня я снова видел ее..."

Я закрываю глаза и глубоко вдыхаю. Один. Два. Три.

Я знаю, что я совершаю ошибку. Я знаю, что этот человек - ходячая катастрофа, состоящая из острых углов и битого стекла. Но когда я слышу его голос, я чувствую, что я наконец-то перестала тонуть.

Я включаю запись еще раз. И еще раз. Я не чищу дорожку. Я не срезаю частоты. Я просто слушаю, как он дышит, и мое собственное дыхание подстраивается под его рваный, неправильный ритм.

Впервые в жизни мне не хочется, чтобы мир замолчал. Мне хочется выкрутить громкость на максимум и услышать всё, что он прячет в своих паузах.

ГЛАВА 2

Коробка с новой микрофонной стойкой оказалась тяжелее, чем обещали технические характеристики на сайте. Она была длинной, угловатой и совершенно не подходила для того, чтобы нести ее в одной руке, прижимая локтем к бедру. Картон впивался в ладонь, и я чувствовала, как под кожей натягиваются сухожилия - старая память из бассейна, когда после трех километров на дорожке пальцы сводило в одну сплошную, негнущуюся судорогу. Я сделала вдох, задерживая его на середине, как перед прыжком в воду. Мой внутренний профессор в этот момент недовольно цокнул: Слишком много лишнего шума, Александра. Ты дышишь как загнанная лошадь, а не как профессионал.

Я пнула тяжелую стеклянную дверь подъезда. Она отозвалась низким, недовольным гулом, который обычно издают старые виолончели, когда смычок слишком сильно прижимают к струне. В холле пахло сырым бетоном и дешевым освежителем воздуха с запахом искусственного лимона. Этот запах имел свою частоту - что-то в районе четырехсот герц, навязчивое и плоское.

Лифт застрял где-то на верхних этажах. Я поставила коробку на холодный кафель. Звук удара был коротким, сухим, без реверберации. Плохой признак. Значит, в помещении слишком много поглощающих поверхностей или, наобо-

рот, геометрия углов гасит любой живой отзвук. Я поправила лямку рюкзака, в котором лежал ноутбук с той самой записью. "Сегодня я снова видел ее..." Фраза крутилась в голове, как зацикленный сэмпл. У голоса Мирона - или как там его зовут на самом деле - был странный обертон. Он возникал только на гласных, когда он расслаблял гортань. Это был звук человека, который привык говорить с самим собой в пустой комнате.

Двери лифта начали медленно раздвигаться. Это был старый Отис, его механизмы работали с характерным скрежежом, напоминающим трение наждачной бумаги о металл. Из глубины кабины на меня пахло холодом и чем-то еще. Запах был сложным: смесь табака, который долго держали на морозе, и дорогой шерсти.

В лифте стоял мужчина. Высокий, в глубоком капюшоне черного худи, который скрывал лицо почти полностью. Я увидела только подбородок - четкий, с легкой щетиной, и плотно сжатые губы. Он не вышел. Он просто передвинулся в угол, освобождая место для моей коробки. Его движения были лишены суеты, они были экономичными, как у пловца, который бережет силы на финальный рывок.

- Придержите, пожалуйста, - выдавила я, подхватывая картонного монстра.

Он не ответил. Вместо этого он просто вытянул руку и нажал на кнопку открывания дверей. Рука была крупная, с длинными пальцами. Я затащила коробку внутрь, задевая

края проема. Звук картона, скребущего по алюминию, отозвался в моем солнечном сплетении резким спазмом. Я физически ощутила эту фальшь.

Двери закрылись. Лифт дернулся и пополз вверх. Мы оказались заперты в пространстве три на три фута. В такой близости люди обычно начинают звучать. Даже если они молчат, их тела издают микро-звуки: трение ткани, шум дыхания, работа клапанов сердца. Я невольно включила свой внутренний микрофон на полную громкость.

Он дышал рвано. Не так, как человек после пробежки, а так, будто он пытается подавить в себе какой-то внутренний ритм. Вдох - короткий, резкий. Пауза. Выдох - длинный, со свистом где-то глубоко в бронхах. Это был ритм человека, находящегося в состоянии затянувшейся обороны. У меня заныла спина между лопатками - так всегда бывало, когда я сталкивалась с агрессивной тишиной.

Я потянулась к панели кнопок, но замерла. Кнопка четырнадцатого этажа уже светилась тусклым оранжевым светом.

- Вы тоже на четырнадцатый? - спросила я, и мой голос прозвучал в этой тесной кабине слишком звонко, слишком ярко. Как будто я случайно ударила по треугольнику посреди похоронного марша.

Он не повернул головы. Только слегка качнул капошном.

- Да, - сказал он.

Это было всего одно слово. Но это было то самое "да". Тот

самый тембр, который я чистила последние три часа. Тот самый низкий рокот, который начинался где-то в районе диафрагмы и обрывался, не успев превратиться в полноценную фразу. В моем рюкзаке, кажется, даже ноутбук стал тяжелее от осознания этой близости.

Мирон. Или его физическое воплощение.

Я затаила дыхание. В бассейне нас учили: если хочешь проплыть под водой дольше, не делай глубокий вдох перед погружением, это только увеличивает плавучесть и заставляет тратить силы. Нужно просто выдохнуть и войти в воду пустым. Сейчас я чувствовала себя абсолютно пустой.

Лифт проезжал седьмой этаж. Восьмой. Девятый. Между этажами звук мотора менялся, становясь более натужным. Я смотрела на свои кроссовки, замечая каждую деталь: развязавшийся шнурок на левой ноге, пятно от кофе на носке. Я боялась поднять глаза. Если я увижу его лицо сейчас, в этом тусклом свете энергосберегающей лампы, магия голоса из наушников может рассыпаться. Для меня люди всегда были лишь источниками звука. Как только они обретали плоть, они становились скучными, предсказуемыми, обремененными лишними деталями вроде мимики или цвета глаз.

- Тяжелая? - спросил он вдруг. Голос был сухим, как осенняя листва, которую раздавили подошвой.

- Что? - я вскинула голову, забыв о своем правиле.

- Коробка. Выглядит неудобной.

- А. Да. Микрофонная стойка. Она весит как чугунный

мост, хотя сделана из стали. Центр тяжести смещен, поэтому ее постоянно заносит влево.

Я замолчала, понимая, что начала нести профессиональную чушь. Он слегка повернулся ко мне. Из-под капюшона блеснули глаза. Темные, почти лишенные бликов. В них не было интереса, только холодная, аналитическая оценка. Так смотрят на помеху на дороге.

- Стойка, - повторил он, будто пробовал слово на вкус. - Вы записываете музыку?

- Нет. Я редактор. Редактор звука.

- Понятно.

Он снова отвернулся к дверям. Слово "понятно" упало в тишину лифта свинцовым грузилом. В нем была такая степень герметичности, что мне захотелось немедленно открыть окно, которого здесь не было. Он не просто закрывался, он выстраивал вокруг себя звукоизоляционный контур, через который не пробивался ни один честный обертон.

Лифт замер. Двери разошлись с тем же мучительным скрежетом. Я подхватила свою коробку, едва не задев его плечо. Он отступил назад, давая мне дорогу, и это движение было таким резким, будто я была источником радиации.

Мы вышли в коридор. Моя квартира была слева, в самом конце. Я потащила коробку, чувствуя, как он идет следом. Его шаги были почти бесшумными. Он носил обувь на мягкой подошве, вероятно, кроссовки для бега, но походка была тяжелой, приземленной. Вес тела переносился с пятки на

носок с математической точностью.

Я остановилась у своей двери, 214-я. Достала ключи, которые в тишине пустого коридора зазвенели, как связка колокольчиков. Мои руки слегка дрожали, и это раздражало. Я - профессионал. Я привыкла работать с самыми капризными звездами, с людьми, чей эгоизм можно было измерять в децибелах. Почему этот молчаливый человек в капюшоне вызывает у меня такую реакцию?

Он прошел мимо. Остановился у двери напротив. 215-я. Щелчок замка. Звук ключа, проворачивающегося в скважине - два оборота, сухие, четкие. Хлопок двери.

Я стояла в коридоре, прижимаясь лбом к холодному картону своей коробки. Сердце колотилось в ритме престо, сбивая дыхание. Он живет напротив. Человек, чей голос стал для меня единственным смыслом за последние сутки, живет в трех метрах от моего рабочего стола.

Я зашла в квартиру, ногой задвинула коробку в угол и, не снимая куртки, прошла на кухню. Мне нужно было выпить воды, но я просто стояла у раковины, слушая, как капает кран. Кап. Кап. Си-бемоль. Примерно раз в полторы секунды.

Я вытащила из рюкзака ноутбук, открыла крышку. Экран вспыхнул, ослепляя. Файл все еще был открыт на той самой метке. "Сегодня я снова видел ее..."

Я надела наушники. Огромные, охватывающие, они создали вокруг меня пространство абсолютной тишины. Я на-

жала на пробел.

Голос Мирона заполнил мой череп. Теперь, когда я только что слышала его вживую, запись звучала иначе. В ней появилось третье измерение. Я слышала, как он слегка сжимает челюсти перед тем, как произнести букву "с". Я слышала эхо комнаты, в которой он записывался - и теперь я точно знала, что это за комната. Это была такая же квартира, как у меня. Тот же бетонный куб, та же планировка, тот же объем воздуха.

Я закрыла глаза. Мое воображение начало дорисовывать картину. Вот он сидит за столом - возможно, таким же икеевским, как у меня. На нем то самое худы. Капюшон откинут, открывая высокий лоб и спутанные волосы. Перед ним микрофон - судя по частотке, что-то из классики, может, Neumann U87, который он взял напрокат или купил на последние деньги. Он говорит в пустоту, но на самом деле он говорит со стеной. С той самой стеной, за которой сижу я.

Это было физически невыносимо. Словно мы были двумя динамиками, включенными в противофазе. Мы должны были гасить друг друга, но вместо этого возникал странный резонанс, от которого вибрировали кости.

Я начала работать. Мне нужно было убрать низкочастотный гул, который шел фоном. Обычно это звук холодильника или кондиционера. Но здесь... я прибавила громкость до предела. В паузах между словами слышалось что-то еще. Далекий, едва уловимый звук. Ритмичный.

Я вырезала фрагмент тишины и прогнала его через анализатор спектра. Пик на шестидесяти герцах. Это не холодильник. Это звук работающего лифта. Того самого Отиса.

Значит, он записывал это совсем недавно. Возможно, сегодня утром.

Я откинулась на спинку стула. В голове пульсировала одна мысль: он знает. Он знает, что я его слушаю. Не просто как редактор, а как человек, который ловит каждый его вздох. Эти его паузы - это не раздумья. Это ловушки. Он оставляет в записи пустоты, чтобы я могла в них зайти.

Мой внутренний профессор в ужасе закрыл лицо руками. Это непрофессионально, Александра. Это девиация. Ты превращаешь работу в сеанс вуайеризма. Убери частоты, выровняй компрессию и отправь файл заказчику.

Но я не могла. Я чувствовала себя так, будто я снова в бассейне, на глубине пяти метров, и у меня закончился воздух. Но вместо того чтобы всплыть, я продолжаю смотреть на игру света на кафельном дне.

Я снова включила запись.

"Она всегда носит наушники. Как будто это ее способ не слышать, как мир медленно разваливается на части. Я смотрю на ее затылок в лифте и думаю - если я сейчас заговорю, услышит ли она меня или только мои искажения?"

Я замерла. Мои пальцы похолодели. Он записал это... когда? Мы только что были в лифте. Но я была в куртке, наушники висели на шее. А в записи он говорит о затылке. Зна-

чит, был другой раз? Или он просто предсказал это?

Я начала лихорадочно перебирать другие файлы. Глава три, глава четыре. Все они были загружены на сервер сегодня в полдень.

Я слушала фрагмент за фрагментом. Его голос становился все более интимным, все более опасным. Он не просто читал текст. Он препарировал свою и мою реальность.

- Ты болен, Мирон, - прошептала я в пустую комнату. - Ты абсолютно, законченно болен. И я, кажется, заразилась.

Я встала и подошла к стене, разделяющей наши квартиры. Приложила ухо к холодным обоям. Ничего. Тишина в этом доме была какой-то особенно плотной, почти осязаемой. Наверное, он тоже сейчас сидит там, по ту сторону, и слушает тишину. Или записывает новую главу. О том, как я притащила домой эту чертову микрофонную стойку.

Я вернулась к столу и открыла коробку. Стойка была действительно качественной - тяжелое основание, матовый черный металл. Я начала собирать ее, и звук ввинчивающегося болта показался мне невероятно громким. Скрип-скрип. Это был вызов.

Я установила свой собственный микрофон. Подключила его к интерфейсу. Зачем я это делаю? Я не диктор. Мой голос звучит плоско, в нем нет той глубины и тех обертонов, которые я так ценю в других. Но мне нужно было что-то ему сказать. Не в лицо, не в коридоре, а так, как умеем мы оба - через мембрану и цифровой код.

Я нажала "Запись". Красный кружок на экране замигал, как тревожный маяк.

- Я слышу лифт, - сказала я. Голос дрогнул, и я тут же зафиксировала это - частота поплыла, появилась ненужная хрипотца. - Я слышу, как ты дышишь между фразами. Это не литература, Мирон. Это протокол допроса. Ты прячешься за сложными словами, но твой голос тебя выдает. Ты боишься. Ты боишься, что кто-то услышит, как ты на самом деле звучишь без своих фильтров.

Я остановила запись. Сердце колотилось так, что, казалось, микрофон должен был поймать этот стук. Я прослушала то, что получилось.

Ужасно. Плоско. Истерично.

Я удалила файл. Мой внутренний критик довольно хмыкнул: Вот именно. Занимайся своим делом, Александра. Чисти чужие грехи.

Я снова надела наушники и вернулась к его файлу. Мне нужно было дослушать вторую главу до конца.

"...иногда мне кажется, что стены в этом доме сделаны из папиросной бумаги. Я слышу, как она открывает ноутбук. Слышу, как она задерживает дыхание, когда слышит мой голос. Это странная близость, выстроенная на частотах, которые не улавливает человеческое ухо. Мы оба - всего лишь два приемника, настроенных на одну и ту же пустую станцию".

Я сорвала наушники. Хватит. Это уже за гранью. Он не мог этого знать. Он просто играет в угадайку, использует

стандартные приемы психологического триллера. Все одинокие люди в больших городах делают одно и то же. Открывают ноутбуки. Задерживают дыхание. Слушают тишину.

Но почему тогда у меня такое чувство, что меня только что коснулись рукой? Невидимой, ледяной рукой, которая прошла по позвоночнику, заставляя мышцы сжаться в микроскопических спазмах.

Я подошла к окну. Четырнадцатый этаж давал отличный обзор на город. Огни машин сливались в длинные, размытые линии - как дорожки в аудиоредакторе, по которым бежит курсор. Город шумел. Этот шум был бесконечным, многослойным, состоящим из миллионов маленьких трагедий и радостей, превращенных в белый шум.

В отражении стекла я увидела свое лицо. Бледное, с темными кругами под глазами. Я выглядела как человек, который слишком долго провел под водой без декомпрессии. Мои глаза казались чужими.

В дверь постучали.

Звук был коротким. Три удара. Костяшками пальцев по дереву. Это не был звук соседа, которому нужна соль. Это не был звук курьера. Это был ритм. Три четверти. Раз-два-три. Раз-два-три.

Я замерла посреди комнаты. Мое тело тут же перешло в режим выживания: плечи поднялись, дыхание остановилось. Я чувствовала, как кровь пульсирует в висках - глухой, низкий звук, похожий на удары по литаврам.

Я подошла к двери. Посмотрела в глазок.

В коридоре было пусто. Только желтый свет ламп и ровные ряды одинаковых дверей.

Я прижалась лбом к дереву. Холод металла замка обжег кожу.

- Мирон? - прошептала я, едва шевеля губами.

Ответа не последовало. Но я знала, что он там. Я чувствовала его присутствие не ушами, а кожей. Как будто плотность воздуха в коридоре изменилась, стала более вязкой.

Я медленно повернула замок. Один оборот. Второй.

Дверь открылась.

На коврике лежал небольшой предмет. Флешка. Обычная, серая, без каких-либо опознавательных знаков.

Я подняла ее. Металл был теплым. Он только что держал ее в руках.

Я посмотрела на дверь 215. Она была закрыта. Но из-под нее выбивался тонкий луч света. И звук.

Это была музыка. Очень тихая, почти на грани восприятия. Что-то классическое, кажется, Бах. "Хорошо темперированный клавир". Прелюдия в до-мажоре. Но она была замедлена в несколько раз, превращаясь в бесконечный, тягучий поток звука, который вибрировал в самом полу.

Я вернулась к себе и закрыла дверь на все замки. Мои руки тряслись так, что я едва попала флешкой в USB-порт.

На диске был только один файл. "3_final_final.wav".

Я нажала "Play".

Первые несколько секунд была тишина. Потом - глубокий вздох.

- Ты зря открыла дверь, Саша, - сказал его голос. На этот раз без всяких фильтров. Без эха комнаты. Это было записано так близко к микрофону, что я слышала движение его губ. - Теперь тишина в твоей квартире никогда не будет прежней. Ты будешь искать мой голос в шуме дождя, в гуле холодильника, в шагах за стеной. Ты уже проиграла, потому что ты начала слушать.

Я почувствовала, как по ногам пошел холод. Это не были метафоры. Это была физиология. Мои мышцы сокращались, пытаюсь вытолкнуть этот звук из моего пространства, но было поздно. Он уже был внутри.

Я выключила компьютер. Выдернула флешку.

В комнате стало тихо. Но это была не та тишина, к которой я привыкла. Она была... заполненной. Словно в комнате включили мощный резонатор, который подхватывал каждый мой звук и возвращал его мне с едва заметным искажением.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Закрыла глаза.

В моей голове все еще звучал Бах. Замедленный, тягучий, как патока. До-мажор, который постепенно превращался в нечто другое, в какой-то неопределенный, тревожный лад.

Я пыталась контролировать дыхание. Вдох на четыре счета, задержка на два, выдох на шесть. Это всегда помогало в бассейне, когда казалось, что легкие сейчас взорвутся.

Но сейчас это не работало. Мой ритм был сломан. Он был

навязан мне кем-то другим.

Я лежала и слушала, как за стеной, в квартире 215, человек по имени Мирон двигает стул. Скрип ножки по ламинату. Короткий, резкий звук. Фа-диез.

Потом - звук упавшей связки ключей.

Потом - тишина.

И эта тишина была самой громкой вещью, которую я когда-либо слышала в своей жизни.

Я поняла, что не смогу уснуть. Я встала, подошла к столу и снова надела наушники. Мне нужно было работать. Мне нужно было вернуть контроль. Я открыла вторую главу и начала методично вырезать все вздохи, все паузы, все лишние звуки. Я превращала его голос в стерильный, безжизненный поток информации.

Мой внутренний профессор одобрительно кивал: Вот так, Александра. Убирай жизнь. Жизнь - это всегда фальшь. Оставляй только чистый сигнал.

Я работала два часа. Мои глаза слезились от напряжения, пальцы онемели от кликов мышкой. Я сделала это. Вторая глава звучала идеально. Ровно. Компрессированно. Безжизненно.

Я сохранила файл и отправила его заказчику.

А потом я открыла тот файл с флешки. "Ты зря открыла дверь, Саша..."

Я слушала его снова и снова. Я анализировала его спектрограмму. Я искала в нем слабые места. Но их не было. Это

был абсолютно честный звук. Звук человека, которому нечего терять.

Я поняла, что он не просто сосед. Он - мой персональный шум. Тот самый, который я пыталась отфильтровать всю свою жизнь, начиная с того момента, как отец в последний раз закрыл за собой дверь, а я пыталась запомнить звук его шагов.

Я сорвала наушники и бросила их на стол.

Мне нужно было выйти. Мне нужно было услышать настоящий город, а не этот герметичный кошмар.

Я накинула куртку и вышла в коридор.

У двери 215 стоял человек. Это был не Мирон. Это был курьер в желтой куртке. Он растерянно смотрел на закрытую дверь.

- Девушка, извините, - окликнул он меня. - Тут в 215-й никто не открывает. А заказ оплачен.

- Может, он спит? - спросила я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно.

- Не знаю. Я стучу уже пять минут. И музыка там орет...

Я прислушалась. Музыка не было. Была тишина. Абсолютная, стерильная тишина.

- Там нет никакой музыки, - сказала я.

Курьер посмотрел на меня как на сумасшедшую.

- Как нет? Бах же. Замедленный такой, аж зубы сводит.

Я почувствовала, как у меня подкосились ноги.

Значит, это не в моей голове. Это действительно звучит.

Но почему я этого не слышу сейчас?

Я подошла к двери 215 и приложила ухо. Ничего. Только гул крови в моих собственных сосудах.

- Вы слышите это прямо сейчас? - спросила я курьера.

- Ну да. Вот, - он кивнул на дверь. - Слышите? Щелчок.

Я не слышала щелчка.

Курьер пожал плечами, поставил пакет с едой у двери и пошел к лифту.

- Психи какие-то, - проворчал он.

Я осталась одна в коридоре. Пакет с едой из веганского кафе стоял у двери 215, источая слабый запах специй и картона.

Я подошла ближе. На пакете был приклеен чек. Имя заказчика: Мирон.

Я посмотрела на чек. Внизу, в поле для комментариев, было написано: "Оставьте у двери. Она всё равно слушает".

Я отпрянула от двери, как от удара током. Мои мышцы спины судорожно сократились. Это было за гранью совпадения. Это была прямая трансляция моих мыслей.

Я вернулась в свою квартиру и заперлась.

Села на пол в прихожей, обхватив колени руками. Мое дыхание было частым и поверхностным. В бассейне это называлось гипервентиляцией. Это опасно. Можно потерять сознание прямо в воде.

Нужно успокоиться. Нужно деконструировать ситуацию.

Объект А: Мирон. Писатель, социопат, обладатель уни-

кального баритона. Живет напротив.

Объект Б: Я. Звукорежиссер с травмой исчезающего родителя. Склонна к звуковым галлюцинациям и профессиональной деформации.

Взаимодействие: Объект А манипулирует Объектом Б через аудио-каналы. Объект Б добровольно подставляется под манипуляцию.

Цель Объекта А: Неизвестна.

Цель Объекта Б: Выжить и не сойти с ума.

Я поднялась и пошла в ванную. Умылась ледяной водой. Звук струи, бьющей в фаянс, был чистым, лишенным всяких обертонов. Это меня немного успокоило.

Я посмотрела в зеркало. Мои зрачки были расширены.

- Ты просто устала, Саша, - сказала я своему отражению. - Слишком много работы с голосами. Это просто эхо. Ты слышишь то, что хочешь слышать.

Я вернулась в комнату. Мой взгляд упал на микрофонную стойку. Она стояла в углу, как черная цапля, готовая взлететь.

Я подошла к ней и коснулась металла. Он был холодным.

В этот момент за стеной что-то упало. Звук был тяжелым, глухим. Как будто упало человеческое тело.

Я замерла. Мой внутренний критик промолчал. Это не был воображаемый звук. Это была физика. Инерция, масса, ускорение свободного падения.

Я бросилась к двери. Выскочила в коридор.

У двери 215 все еще лежал пакет с едой.

Я постучала. Сначала осторожно, потом сильнее.

- Мирон! Вы там? С вами все в порядке?

Тишина.

Я дернула ручку. Дверь была не заперта. Она медленно открылась, обнажая темный коридор, точную копию моего, но в зеркальном отражении.

Внутри пахло тем же холодным табаком и еще чем-то... старой бумагой?

- Мирон? - я зашла внутрь. Мое сердце колотилось в ритме сломанного метронома.

В квартире было темно. Единственный свет шел от монитора компьютера в глубине комнаты.

Я прошла по коридору. Мои шаги по ламинату звучали чуждо, слишком громко.

На полу в гостиной никого не было. То, что я приняла за звук упавшего тела, оказалось стопкой тяжелых книг, которые соскользнули с дивана.

Я подошла к столу. На мониторе была откры

ГЛАВА 3

На мониторе был открыт текстовый файл. Крупный шрифт, рваные строки, огромные поля. Я не успела прочитать ни слова, потому что мое тело среагировало быстрее мозга. Мышцы спины одеревенели, лопатки сошлись к позвоночнику, как будто я готовилась к прыжку в бассейн с вышки, где вода кажется твердой, как бетон. Я почувствовала себя воровкой, хотя дверь была открыта, а в квартире лежали упавшие книги, которые я приняла за труп. Ирония ситуации заключалась в том, что тишина здесь была еще более агрессивной, чем в моей собственной квартире. Она не была пустой. Она была наэлектризованной, наполненной остаточным гулом чьего-то присутствия, как эхо в пустом концертном зале после того, как оркестр уже ушел, но вибрации струн еще дрожат в древесине пола.

Я попятилась. Пакет с едой так и остался лежать в коридоре, сиротливый и остывающий. Мирона в квартире не было. Это было очевидно и странно одновременно. Куда можно уйти из незапертой квартиры в три часа ночи, оставив включенным компьютер? Я вышла в коридор, прикрыв дверь за собой до щелчка, и прислонилась лбом к холодной поверхности стены. В горле стоял привкус хлорки - фантомное воспоминание из детства, когда страх всегда смешивался с запахом бассейна перед стартом. Мое дыхание было неритмич-

ным, прерывистым. Я заставила себя сделать глубокий вдох на четыре счета, задержать на два, выдохнуть на шесть. Тренер всегда говорил: Саша, если ты не контролируешь свои легкие, вода заберет тебя. Сейчас моей водой был этот темный коридор и осознание того, что я только что нарушила чужие границы самым бесцеремонным образом.

Вернувшись к себе, я не зажгла свет. Мне нужно было прийти в себя в полумраке, где звуки становятся объемнее, а зрение не отвлекает на лишние детали. Я прошла на кухню, нащупала чайник. Он был еще теплым. Я не стала его включать, просто налила в чашку остатки остывшей воды. Вкус был плоским, металлическим. Мой внутренний критик ехидно заметил, что я веду себя как героиня дешевого триллера, которая лезет в подвал, когда все зрители уже кричат ей уходить. Но я не была героиней. Я была звукорежиссером с обостренным слухом и застарелой привычкой искать логику в акустических аномалиях.

Я села за рабочий стол. Мониторы светились двумя прямоугольниками, заливая комнату мертвенным голубым светом. На рабочем столе висел открытый проект - тот самый файл от анонимного автора под псевдонимом X. Я посмотрела на звуковую волну. Она выглядела как кардиограмма покойника в моменты затишья и как лесной пожар в моменты эмоциональных пиков. Я надела наушники. Это был мой способ спрятаться, мой персональный батискаф. Как только амбушюры плотно прижались к ушам, внешний мир пере-

стал существовать. Остался только белый шум и ритм моего собственного сердца, который я слышала через внутреннее ухо.

Работа над вторым файлом шла медленно. Автор X сегодня звучал иначе. В его голосе появилось больше субтона - того самого мягкого придыхания, которое обычно бывает у людей, записывающихся глубокой ночью, когда они боятся разбудить кого-то в соседней комнате. Или когда они говорят сами с собой. Я вырезала щелчки слюны, убирала лишние вдохи, которые казались слишком интимными. Но на пятнадцатой минуте записи я наткнулась на нечто странное.

По инструкции я должна была удалять все, что не относится к основному тексту. Обычно это были технические дубли, кашель или ругательства автора на самого себя за сбившийся ритм. Но здесь... Здесь был монолог. Пять минут чистого, неотредактированного потока сознания. Файл назывался - дубль 4 примечание -, и он не должен был попасть в финальную папку для монтажа. Вероятно, X просто забыл его вырезать или отправил по ошибке.

- Я не сплю уже четвертые сутки, - произнес голос в моих наушниках. Он звучал так близко, будто губы автора касались моей мочки уха. Я вздрогнула, и по спине пробежал холод. Это не был голос диктора. Это был голос человека, стоящего на краю обрыва. - Тишина - это самый честный судья. Вы замечали, как в три часа ночи все ваши достижения превращаются в пыль, а ошибки начинают резонировать? Каж-

дая глупость, каждое несказанное слово обретает частоту. Это низкочастотный гул, который невозможно заглушить даже самым дорогим виски. Люди думают, что они боятся темноты, но они боятся отсутствия внешнего шума. Потому что в тишине слышно, как тикают часы их собственной несостоятельности.

Я перестала дышать. Мои пальцы замерли над клавиатурой. Этот голос... я знала его. Не так, как знают голоса актеров или телеведущих. Я знала его структуру, его молекулярный состав. В нем была та самая микро-трещина на частоте 2500 Герц, которую я привыкла латать в своих проектах. Но сейчас она не раздражала. Она была как шрам на лице любимого человека, который делает его настоящим.

- Мой отец всегда уходил по средам, - продолжал голос. - Я слышал, как он проворачивает ключ в замке. Это был звук из трех нот: ля, до-диез, ми. Мажорный аккорд. Он уходил в мажоре, оставляя нас в глухом, ватном миноре. И теперь я пишу эти тексты, чтобы перебить ту тишину, которую он оставил. Я строю баррикады из слов, надеюсь, что они достаточно плотные, чтобы не пропустить этот чертов ля-мажор из прошлого.

Я почувствовала, как в солнечном сплетении что-то сжалось. Это было физическое ощущение, как будто меня ударили под дых в раздевалке бассейна. Мой отец тоже уходил по звуку. Я помнила скрип четвертой половицы в коридоре. Если он наступал на нее - значит, он старался идти тихо, зна-

чит, он чувствовал вину. Если он проходил мимо нее - значит, ему было плевать. Моя жизнь была выстроена на этих звуковых кодах. И сейчас этот незнакомец на записи озвучивал мою внутреннюю географию.

Я должна была нажать - delete -. Мой контракт с издательством был жестким: никакой утечки информации, никакой личной вовлеченности. Я была просто инструментом, фильтром, через который проходит звук. Но моя рука не двигалась. Вместо этого я создала на рабочем столе скрытую папку, назвала ее набором случайных цифр и перетащила туда этот фрагмент. Это был акт профессионального суицида, но мне было все равно. Мне нужно было услышать это еще раз.

Голос на записи сделал паузу. Я слышала, как он сглатывает. Слышала, как скрипит его кресло - старое, вероятно, кожаное, судя по характерному сухому треску.

- Иногда мне кажется, - сказал он тише, почти шепотом, - что на другом конце провода есть кто-то, кто не просто чистит мой голос от помех. Кто-то, кто слышит, что я имею в виду на самом деле. Если ты существуешь... просто знай, что сегодня я снова слышал этот звук.

Я замерла. В наушниках воцарилась тишина, прерываемая только едва заметным гулом его микрофона. И вдруг - бац.

Звук падения ключей. Резкий, металлический, многослойный. Сначала основной удар о твердую поверхность, затем россыпь более мелких звуков, когда ключи на кольце

ударяются друг о друга. Это был уникальный акустический отпечаток. Металлический лязг с характерным дребезжанием дешевого брелока в виде открывашки или чего-то подобного.

Я сорвала наушники. Тишина моей квартиры навалилась на меня, как толща воды. Мои уши горели. В голове все еще звучал этот лязг ключей с записи. И тут я поняла, почему он кажется мне таким знакомым.

Десять минут назад. Коридор. Квартира 215. Пакет с едой. Я вспомнила звук, который слышала за стеной, прежде чем побежала к Мирону. Это не были книги. Книги падают глухо, с низкочастотным - бум -. А это был - клэнг -. Металл о ламинат.

Я медленно встала со стула. Мои ноги были ватными, как после трехкилометровой дистанции баттерфляем. Я подошла к стене, разделяющей наши квартиры. Прижала к ней ухо. Ничего. Только гул вентиляции и мой собственный пульс, который теперь казался мне слишком громким, нарушающим правила приличия.

Если Мирон - это автор X, то вся моя работа последних месяцев превращается в фарс. Я редактирую человека, который живет за моей стеной. Я чищу дыхание мужчине, чьи пакеты с едой я вижу каждое утро. Я знаю его страхи, его бессонницу, его ненависть к отцовскому ля-мажору, но я не знаю, как он выглядит, когда не прячется за иронией и грубыми фразами.

Я вернулась к компьютеру и снова надела наушники. Перемотала запись на момент падения ключей. Прослушала еще раз. Потом еще. Я выкрутила громкость на максимум, игнорируя риск повредить перепонки. В самом конце, после звука ключей, было слышно тяжелое, изломанное дыхание. А потом - едва различимый звук, как будто кто-то провел ладонью по лицу, стирая усталость или слезы.

Мой внутренний критик, этот строгий профессор из консерватории, на мгновение замолчал. Он не мог найти фальши в этом звуке. Это была голая, неприкрытая правда, которую не вытянешь никакими эквалайзерами.

Я открыла окно. Ночной воздух ворвался в комнату, пахнувший пылью, бензином и приближающимся дождем. Москва никогда не спит, она всегда гудит на низкой частоте в 50 Герц, как огромный неисправный трансформатор. Я смотрела на пустую улицу и думала о том, что мы все - просто наборы частот. Мы сталкиваемся, вызываем резонанс или гасим друг друга, и вся эта суета называется жизнью.

Но Мирон... Если он действительно Х, то почему он так тщательно скрывается? Почему его тексты полны такой боли, а в жизни он ведет себя как заносчивый сноб, который не может даже забрать свою еду от двери? Это была диссоциация. Его голос в наушниках был океаном, глубоким и опасным, а его физическое присутствие - пустым сосудом, покрытым трещинами.

Я решила, что должна проверить. Это было безумие, на-

рушение всех этических норм моей профессии, но я уже переступила черту, когда сохранила тот файл. Я открыла поисковик и начала вводить фрагменты текста, которые редактировала сегодня. Ничего. Автор X был герметичен. Издательство - Глагол - умело хранить секреты. Тексты не публиковались в сети до выхода аудиокниги.

Тогда я начала искать информацию о самом Мироне. Мирон Алексеевич Волков. В нашем домовом чате он значился просто как - 215 квартира -. Никаких соцсетей, никаких фотографий. Пустота. Звуковая яма.

Я снова запустила ту незаконную запись. Голос X рассуждал о том, что люди боятся тишины.

- Знаешь, - сказал он, и я снова вздрогнула от этого - знаешь -, направленного в никуда, а теперь оказавшегося направленным лично мне, - я иногда представляю, как мои слова превращаются в физические объекты. Как будто они вылетают из моего рта и застывают в воздухе стеклянными шариками. И кто-то их собирает. Бережно так, в коробочку. И протирает тряпочкой, чтобы блестели. Это ведь и есть твоя работа, да? Делать мой мусор блестящим.

Я почувствовала, как по лицу разливается жар. Он знал. Или догадывался. Или это была просто метафора, которая так удачно попала в цель. Моя работа действительно заключалась в том, чтобы делать его - мусор - блестящим. Я убирала грязь, шум, одышку, делая его голос идеальным, лишая его человечности ради коммерческого продукта. И сейчас

мне стало стыдно. Как будто я насильно брила человека, пока он спит.

Я просидела за столом до тех пор, пока небо не начало приобретать грязновато-розовый оттенок. Мои глаза болели от монитора, а спина ныла. Физиологическая память спортсменки подсказывала, что пора бы и отдохнуть, но мозг продолжал крутить одну и ту же петлю: голос - ключи - стена - Мирон.

Около шести утра я услышала движение в коридоре за дверью. Я подскочила к глазку, стараясь не шуметь.

Мирон. Он шел медленно, его плечи были опущены. На нем была та же серая толстовка, капюшон накинут на голову. Он подошел к своей двери, наклонился и поднял пакет с едой. Его движения были механическими, лишенными какой-либо грации. Он выглядел как человек, который только что вернулся с похорон собственной надежды.

Он достал ключи. Я затаила дыхание, прижавшись лбом к двери.

Клэнг.

Тот самый звук. Металл о ламинат. Он выронил их. Снова.

Я закрыла глаза. Это была она. Ошибка монтажа в реальности. Он стоял там, за тонким слоем дерева и бетона, и боролся с собственной координацией, а я стояла здесь и препарировала его жизнь через звуковые волны.

Он поднял ключи, замок щелкнул, и он исчез внутри.

Я вернулась в комнату и подошла к окну. Дождь все-таки начался. Мелкий, противный, он превращал город в серую массу. Я знала, что не усну. Мой внутренний метроном был сбит.

Я открыла проект, выделила тот пятиминутный монолог и... не удалила его. Я оставила его в папке - Готовое -. Если он хочет, чтобы его услышали, если он оставляет эти - пасхалки - для меня, я не буду их прятать. Пусть издательство решает, что с этим делать. Но в глубине души я знала, что Х не ошибся. Он сделал это намеренно. Это был вызов. Проверка на прочность моего профессионального отчуждения.

- Ты проиграла, Саша, - прошептала я сама себе. Мой голос прозвучал плоско и тускло в пустой комнате. Не заслуживает записи.

Я легла на кровать прямо в одежде. Закрыла глаза и представила, что я под водой. Глубина десять метров. Солнечный свет пробивается сквозь толщу, превращаясь в призрачные нити. Там нет звуков. Там есть только давление и гул собственной крови в ушах. Это была моя единственная зона безопасности, моя сенсорная депривация.

Но даже там, в воображаемой глубине, я слышала его голос.

- Тишина - это самый честный судья.

Интересно, Мирон, какой приговор она вынесла тебе сегодня ночью? И какой вынесет мне, когда я решусь постучать в твою дверь не из-за упавших книг, а из-за того, что мне

слишком громко в своем одиночестве?

Я пролежала так около часа, балансируя на грани сна и тяжелого забытья. Мое тело, привыкшее к строгому режиму, требовало перезагрузки, но мозг работал как зацикленный сэмпл. Каждый раз, когда я начинала проваливаться в сон, мне казалось, что я слышу его шаги. Не те, реальные, за стеной, а те, из моего детства. Отец уходит. Ля-мажор. Ключ поворачивается.

Я резко села. Колени дрожали. Нужно было что-то делать. Физическая активность - лучший способ приглушить ментальный шум. Я натянула кроссовки, набросила ветровку и вышла из квартиры.

В подъезде пахло сыростью и старым лифтом. Я проигнорировала кнопку вызова и пошла вниз по лестнице. Мои шаги гулко отдавались в лестничном пролете. Пятый этаж, четвертый, третий... На втором я остановилась. Здесь жила какая-то старушка, которая вечно выставляла в коридор пустые бутылки. Сегодня бутылок не было. Была только тишина, та самая, которой так боялся мой автор.

Я вышла на улицу. Дождь усилился, он бил по капюшону, создавая белый шум, который немного успокаивал. Я побежала. Сначала медленно, приравливаясь к ритму дыхания, потом быстрее. Мои легкие работали как кузнечные мехи. Раз-два, вдох. Раз-два-три-четыре, выдох. Вода на асфальте хлопала под подошвами, создавая аккомпанемент моему бегу.

Я бежала мимо закрытых кофеен, мимо сонных охранников у бизнес-центров, мимо бездомных кошек, которые провожали меня равнодушными взглядами. Мое тело вспоминало старые нагрузки. Мышцы бедер наливались тяжестью, но это была приятная тяжесть. Она вытесняла ту, другую, эмоциональную.

Через полчаса я остановилась у набережной. Река была серой и неприветливой, как разбавленный цемент. Я тяжело дышала, упершись руками в колени. Капли пота смешивались с дождевой водой и стекали по лицу. В этот момент я чувствовала себя живой. Не звукорежиссером, не - фильтром -, а просто биологическим объектом, которому нужно кислород и движение.

Я выпрямилась и посмотрела на другой берег. Там, в окнах многоэтажек, начинала загораться жизнь. Люди просыпались, варили кофе, включали радио, создавая свой ежедневный шум, чтобы не слышать тишины. Мы все - соучастники этого глобального заговора против пустоты.

В кармане завибрировал телефон. Я достала его, стараясь не намочить экран. Сообщение от Лизы, моего менеджера из издательства.

- Саша, ты получила файлы от Х? Сроки поджимают. Нам нужно сдать главу к вечеру. И еще... автор просил передать, чтобы ты не усердствовала с чисткой. Он хочет - живой звук -. Что бы это ни значило.

Я усмехнулась. Живой звук. Значит, он все-таки играет.

Он подбрасывает мне эти куски, эти ошибки монтажа, а потом просит - не усердствовать -. Это не работа, это психологический стриптиз, где я выступаю в роли того, кто медленно снимает с него одежду, децибел за децибелом.

Я набрала ответ:

- Все получила. Работаю. Будет тебе живой звук. Настолько живой, что захочется зажмуриться.

Отправив сообщение, я почувствовала странное облегчение. Игра принята. Если он хочет, чтобы я видела его без маски, я буду смотреть. Но и ему придется столкнуться с последствиями. Потому что когда ты пускаешь кого-то в свою голову через уши, ты уже не можешь притвориться незнакомцем в коридоре.

Я пошла обратно медленным шагом. Дождь постепенно стихал, оставляя после себя свежесть и блестящие поверхности. Город просыпался. Загудели первые автобусы, где-то вдалеке заскрежетал трамвай. Этот оркестр был мне понятен и привычен.

Подходя к дому, я снова увидела Мирона. Он стоял у подъезда и курил. На этот раз без капюшона. Его волосы были мокрыми, а лицо - бледным, с темными кругами под глазами. Он выглядел так, будто не спал не четыре дня, а всю жизнь.

Я замедлила шаг. Мое сердце снова начало выбивать четку. Я могла просто пройти мимо, кивнуть и исчезнуть в дверях. Но голос в моей голове - тот, из наушников - не поз-

волял мне этого сделать.

- Доброе утро, - сказала я, когда поравнялась с ним. Мой голос прозвучал на удивление уверенно.

Он медленно повернул голову. Его глаза были холодными, как озерная вода в октябре. Он затянулся, выпустил струю дыма и посмотрел на меня так, будто видел впервые. Хотя мы жили дверь в дверь уже полгода.

- Утро добрым не бывает, - ответил он. Его голос в реальности был чуть выше, чем на записи. Микрофон всегда добавляет веса низким частотам. - Вы всегда бегаєте под дождем, или это сегодня такой перформанс?

- Только когда тишина становится слишком громкой, - ответила я, глядя ему прямо в глаза.

Он вздрогнул. Почти незаметно, лишь крошечное сокращение мышц у края глаза. Он понял. Я была в этом уверена. Моя фраза была прямой цитатой из его ночного монолога.

- Тишина, значит, - повторил он, криво усмехнувшись. - И как, помогает?

- Не особо. Приходится искать другие способы. Например, слушать чужие секреты.

Я прошла мимо него, чувствуя на себе его взгляд. Это был взгляд человека, который понял, что его крепость дала трещину. И эта трещина - я.

Зайдя в лифт, я прислонилась к зеркальной стенке. Мое отражение выглядело жалко: мокрые волосы, раскрасневшееся лицо, безумные глаза. Но внутри я чувствовала странный

триумф. Я вытащила его на свет. Теперь он не просто голос в наушниках. Теперь он - Мирон из 215-й, который боится ля-мажора и роняет ключи.

Я вернулась в квартиру, скинула мокрую одежду и пошла в душ. Горячая вода била по плечам, смывая остатки ночного напряжения. Я закрыла глаза и начала напевать ту самую мелодию - ля, до-диез, ми. Мажорный аккорд. Звук ухода.

Интересно, Мирон, если я спою это тебе в лицо, ты рассыплешься на частоты или, наконец, замолчишь?

Выйдя из душа, я заварила крепкий кофе. Теперь я была готова к работе. Я села за стол, открыла проект и удалила все фильтры, которые наложила ночью. Я вернула его вдохи, его заминки, его тяжелое дыхание. Я даже оставила тот звук падения ключей, только немного приглушила его, чтобы он не бил по ушам, а казался естественным фоном.

Это был самый странный монтаж в моей жизни. Я не чистила звук, я его - пачкала - реальностью. Я делала его уязвимым.

К полудню глава была готова. Я отправила файл Лике и выключила компьютер. Тишина в комнате больше не пугала меня. Она была заполнена ожиданием.

Я знала, что он услышит это. Он обязательно послушает финальную версию перед тем, как она уйдет в продакшн. И он услышит, что я сделала. Я оставила ему послание в самом конце файла. Маленький, почти неразличимый звук - мой собственный вдох, записанный на встроенный микро-

фон ноутбука. Короткий, резкий, как перед погружением в воду.

Это был мой ответ. Мой - живой звук -.

Весь оставшийся день я провела в каком-то анабиозе. Пыталась читать, но слова не складывались в смыслы. Пыталась смотреть фильм, но звуковая дорожка казалась мне фальшивой и плоской. Я была настроена на другую частоту.

Около восьми вечера в мою дверь постучали. Не так, как стучат соседи, когда им нужна соль или когда ты их заливаешь. Это был ритмичный стук, три коротких удара.

Я подошла к двери, но не стала открывать.

- Кто там? - спросила я.

- Тот, кто боится ля-мажора, - раздался голос за дверью.

Я почувствовала, как по коже пробежали мурашки. Это был он. Без микрофона, без фильтров, без маски автора Х. Просто Мирон.

Я открыла дверь. Он стоял в коридоре, все в той же толстовке, руки в карманах. Он смотрел на меня с каким-то странным выражением лица - смесью ярости и облегчения.

- Зачем ты это сделала? - спросил он без вступлений.

- Сделала что? - я притворилась, что не понимаю, хотя мои ладони мгновенно стали влажными.

- Ты оставила тот кусок. И мой вдох. И ключи. Ты превратила мой текст в... в это.

- В правду? - перебила я его. - Ты сам просил - живой звук -.
- Я просто выполнила заказ.

Он сделал шаг вперед, входя в мое личное пространство. Я почувствовала запах его табака и какой-то горьковатый парфюм.

- Ты ведь понимаешь, что теперь они это напечатают? Они оставят это в аудиокниге. Все услышат, как я... как я схожу с ума по ночам.

- Никто не услышит, как ты сходишь с ума, Мирон. Они услышат человека. Это то, чего не хватает твоим текстам - плоти. Ты слишком долго прятался за красивыми метафорами. Я просто убрала лишнюю штукатурку.

Он замолчал, глядя на меня сверху вниз. Его дыхание было неровным. Я видела, как пульсирует жилка на его шее. В этот момент он был так близко, что я могла бы коснуться его лица, если бы решилась. Но я не двигалась. Я была как пловец, который достиг дна и ждет сигнала, чтобы оттолкнуться и всплыть.

- Ты опасная женщина, Саша, - наконец произнес он. Его голос стал тише, приобретя те самые обертоны, которые я так тщательно изучала в наушниках. - Ты не просто слушаешь. Ты подслушиваешь.

- Это моя работа. Я профессиональный слушатель.

- Нет, - он покачал головой. - Профессионалы просто выполняют инструкции. А ты... ты влезла мне под кожу. И теперь мне кажется, что я голый, а ты надела мои наушники и крутишь ручки на пульте.

- И что ты собираешься с этим делать? - спросила я, чув-

ствуя, как внутри нарастает странное возбуждение. Это был вызов, психологическая дуэль, в которой не было победителей.

Он долго смотрел на меня, а потом вдруг улыбнулся. Это была не та ироничная ухмылка, которую я видела раньше. Это была улыбка человека, который признал свое поражение.

- Собираюсь пригласить тебя на ужин. Раз уж ты все равно знаешь, что я ем остывшую китайскую лапшу по ночам, может, попробуем что-то более приличное?

Я замерла. Это было последнее, чего я ожидала. Мой внутренний критик в ужасе закричал, что это нарушение всех границ, что я не должна сближаться с объектом своей работы, что это непрофессионально, глупо и опасно.

Но мое тело - этот высокочувствительный резонатор - сказала другое. Оно сказала, что мне до смерти надоело быть фильтром. Мне хотелось быть источником звука.

- Лапша была из - Золотого дракона -? - спросила я, приподняв бровь.

Он рассмеялся. Громко, искренне. Этот звук заполнил весь коридор, и мне показалось, что стены моей квартиры на мгновение стали прозрачными.

- Из - Золотого дракона -. Отвратительная лапша, если честно.

- Тогда я согласна на что-то более приличное. Но при одном условии.

- Каком?

- Ты никогда не будешь говорить со мной как автор Х. Только как Мирон. Без метафор и без этих твоих - стеклянных шаров

ГЛАВА 4

Лифт в здании издательства звучит на три четверти тона ниже, чем должен. Это изношенный механизм, который стонет где-то в районе малой октавы, и этот звук ввинчивается мне в виски, напоминая о том, что всё в этом мире стремится к энтропии и расстройству. Я стою, прислонившись лопатками к холодной зеркальной панели, и считаю секунды. Контроль дыхания - это то небольшое, что осталось у меня от профессионального плавания. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на восемь. Мои легкие все еще помнят объем олимпийского бассейна, хотя сейчас они заполнены лишь спертым офисным воздухом, пахнущим дешевым тонером и амбициями.

Мой внутренний профессор, тот самый, что принимал у меня экзамены в консерватории и чье неодобрительное хмыканье я до сих пор слышу в моменты триумфа, сейчас сидит у меня в голове и методично стучит дирижерской палочкой по пюпитру. Слишком много лишнего шума, Саша, говорит он. Убери дребезжание. Ты пришла сюда не за этим.

Я пришла за лицом. Мне нужно деконструировать голос, который поселился в моих наушниках, превратить его в набор визуальных характеристик, чтобы он перестал быть магией и стал просто работой. Когда ты видишь, как у человека при произнесении звука -с- чуть кривится левый угол рта

или как он смешно морщит нос на высоких нотах, магия рассыпается. Она превращается в физиологию. А с физиологией я умею справляться. Мое тело - это высокочувствительный резонатор, и сейчас он вибрирует от раздражения.

Двери лифта разъезжаются с противным металлическим скрежетом. Коридор издательства встречает меня какофонией: стрекот клавиатур, приглушенный гул кондиционеров, чей-то фальшивый смех за закрытой дверью. Я иду по ковровой дорожке, которая гасит мои шаги, и чувствую себя так, словно погружаюсь в воду с плохой прозрачностью.

Илья ждет меня в своем кабинете. Его голос я знаю наизусть - это классический баритон с избытком "песка" на нижних частотах, голос человека, который слишком много курит и слишком часто врет, стараясь казаться искренним. Я называю такие голоса "грязными". В них нет чистого тона, только бесконечные гармониками самолюбования.

- Сашенька, дорогая, ты как всегда вовремя, - Илья встает из-за стола, и его стул издает резкий, неприятный звук, похожий на визг тормозов.

Я чувствую, как мышцы спины непроизвольно сокращаются. Это микро-судорога, ожидание удара. Я сажусь на стул для посетителей, не дожидаясь приглашения, и кладу руки на колени. Пальцы ледяные.

- Мне нужны контакты автора, Илья. Напрямую.

Я говорю это ровно, стараясь не допускать лишних обертонов. Мой голос сейчас - это синусоида, чистая и холодная.

Никаких вибрато. Илья замирает с протянутой рукой, затем медленно опускается обратно. Его лицо принимает выражение фальшивого сочувствия.

- Мы же обсуждали это, Саш. Контракт. Анонимность. Это не моя прихоть, это требование той стороны.

- В тексте слишком много специфической терминологии, - вру я, и мой внутренний критик морщится от того, как плоско звучит эта ложь. - Там есть куски, где интонация может полностью изменить смысл. Мне нужно уточнить произношение некоторых названий. Я не могу гадать. Это непрофессионально.

Илья берет со стола ручку и начинает крутить ее в пальцах. Стук пластика о дерево - тук-тук-тук. Ритм неровный, он сбивается, и это выдает его нервозность. Он знает, что я лучшая в своем деле, и знает, что я могу просто отказаться от проекта, если мне не дадут то, что я хочу.

- Пришли мне список вопросов письменно, - предлагает он. - Я перешлю их литагенту, тот - автору. Получим ответы и я тебе их озвучу. Или пришлю текстом.

- Нет, - я качаю головой, и чувствую, как в солнечном сплетении начинает закручиваться тугой узел. - Мне нужно слышать, как он сам это произносит. Живая речь, понимаешь? Не буквы на экране. Мне нужно поймать его естественный ритм, чтобы запись не звучала как склейка из разных кусков.

Я задерживаю дыхание, имитируя погружение. В офисе становится слишком громко. Я слышу, как в соседнем каби-

нете кто-то пьет чай, и звук глотка кажется мне оглушительным, как обвал в горах.

- Саш, ну ты же профи, - Илья пытается включить свое фирменное обаяние, добавляя в голос мягких, обволакивающих частот. - Ты можешь вытянуть любой материал. Мы же за это тебе и платим в полтора раза больше рынка.

- Я не хочу "вытягивать", - перебиваю я. - Я хочу сделать хорошо. Этот текст... он заслуживает чистоты.

Я осекаюсь. "Заслуживает чистоты" - это уже слишком лично. Это не технический термин, это признание поражения. Профессор в моей голове презрительно фыркает.

Илья внимательно смотрит на меня. Его глаза за стеклами очков кажутся неестественно большими. Он ищет трещину в моей броне, и, судя по тому, как он затихает, он ее нашел.

- Ты слишком глубоко в это залезла, да? - его голос становится тихим, почти интимным. Это опасная территория. - Опять твоя слуховая одержимость. Саш, это просто книга. Хорошая, качественная, но книга. Не надо искать там Истину с большой буквы.

- Я ищу верную частоту, Илья. Не больше.

Я встаю. Мои колени чуть подрагивают, и я сжимаю кулаки, чтобы унять эту дрожь. В плавании нас учили: если ты чувствуешь, что силы кончаются, переходи на скольжение. Используй инерцию.

- Послушай, - Илья тоже встает. Он обходит стол и подходит ко мне слишком близко. Я чувствую запах его парфюма

- тяжелый, мускусный, он буквально забивает мои сенсоры.
- Я не могу дать тебе телефон или адрес. Но я могу сказать тебе имя. Хотя это тоже нарушение, но... пусть это будет залогом нашего доверия.

Я жду. Воздух в комнате кажется плотным, как кисель.

- Его зовут Мирон.

- Мирон? - я пробую это имя на вкус. Оно звучит твердо, с легким рокотом на -р-. - Фамилия?

- Это псевдоним. Просто Мирон. В документах он проходит под кодом, я даже сам не видел его паспорта. Всем занимается его агент, какой-то парень из юридической конторы.

- Мирон, - повторяю я еще раз, уже тише.

Имя падает в мою внутреннюю пустоту и отзывается там низким, гулким эхом. Это не имя, это маска. Еще один слой фильтров, который он наложил на себя, чтобы никто не смог подобраться слишком близко.

- Это всё, что я могу тебе дать, Саш. И, пожалуйста, не пытайся его выследить. Он из тех людей, которые исчезают сразу, как только почувствуют чужой взгляд на затылке. У него в анамнезе какая-то нехорошая история с публичностью. Его когда-то сильно подставили, вывернули наизнанку ради хайпа. С тех пор он строит стены.

Я киваю. Стены - это я понимаю. Я сама построила себе целую крепость из звукоизоляционных панелей и профессионального отчуждения.

- Хорошо, - говорю я, направляясь к выходу. - Мирон так

Мирон.

- Саш! - окликает он меня уже у двери. - Новый кусок пришел. Пятая глава. Я переслал тебе на почту пять минут назад. Посмотри, там... там что-то странное в конце. Он добавил пометку "Только для твоих ушей".

Я не оборачиваюсь. Я чувствую, как по спине пробегает холодная волна, словно я только что прыгнула в воду без гидрокостюма. Мышцы сжимаются, сердце делает один тяжелый, отчетливый удар в ребра.

- Посмотрю, - бросаю я и выхожу в коридор.

Город встречает меня стеной звука. Час пик. Десятки тысяч людей кричат, сигналият, шаркая подошвами по асфальту, создавая бесконечный, бессмысленный шум. Я надеваю наушники, но не включаю музыку. Мне нужна тишина, хотя бы ее имитация. Активное шумоподавление работает на пределе, вырезая низкие частоты двигателей, но оставляя резкие, пронзительные звуки сирен и детских криков.

Я иду к метро, и каждый мой шаг - это борьба за равновесие. Моя одержимость этим голосом действительно переходит границы. Я ловлю себя на том, что пытаюсь угадать его походку по ритму фраз, его рост по глубине вдоха, его прошлые травмы по тому, как он спотыкается на определенных словах.

В детстве, когда отец еще жил с нами, я научилась определять его настроение по тому, как он вставлял ключ в замочную скважину. Если ключ входил мягко, с легким щелчком

- значит, он в хорошем расположении духа, принес что-нибудь вкусное или просто готов со мной поиграть. Если ключ скрежетал по металлу, если дверь распахивалась слишком быстро, ударяясь о ограничитель - я знала, что нужно исчезнуть, раствориться в обоях, стать тише воды. Я выросла, расшифровывая чужие звуки, чтобы выжить. Теперь я делаю это, чтобы заработать на жизнь, но суть не изменилась. Я всё еще та маленькая девочка, которая прислушивается к шагам в коридоре, боясь, что дверь закроется навсегда без предупреждения.

Спустившись в метро, я чувствую привычный приступ тошноты от перепада давления. Вагоны влетают на станцию с грохотом, который я ощущаю всем телом. Это не просто звук, это физическое давление на кожу. Я закрываю глаза и представляю, что я в бассейне. Вода плотная, она обнимает меня, отсекая всё лишнее. Гул поездов превращается в шум прибоя где-то очень далеко.

Мирон.

Зачем ему псевдоним? Зачем такая секретность? Илья прав, у него явно есть шрамы, которые он не хочет показывать. Его голос в наушниках звучит так искренне, что это пугает. Это не игра актера, это исповедь. Но в жизни он, скорее всего, герметичен, как консервная банка. Я видела таких людей. Они выплескивают всё в творчество, оставляя для реальности только сухую шелуху и едкий цинизм.

Дома я не включаю свет. В моей квартире минимум ме-

бели и максимум пустоты. Стены в спальне обиты мягкими панелями, здесь почти идеальная акустика. Я называю это своей камерой сенсорной депривации. Только здесь я могу перестать контролировать дыхание и просто быть.

Я сажусь за рабочий стол, включаю монитор. Его свет режет глаза. Я открываю почту.

Письмо от Ильи. Вложение: "Глава 5_финал.wav".

И пометка в теле письма, та самая, о которой он говорил: "Только для твоих ушей. Пожалуйста, не обрабатывай это пока. Просто послушай".

Мои пальцы замирают над трекпадом. Я чувствую, как в груди начинает нарастать тот самый гул, который я так боюсь услышать в тишине. Это мой собственный голос, мой внутренний резонанс, который я обычно заглушаю чужой речью.

Я надеваю свои лучшие студийные наушники. Они тяжелые, плотно прилегают к голове, создавая вакуум. Я нажимаю "play".

Сначала - тишина. Но это не цифровая тишина, где просто нет сигнала. Это живая тишина комнаты. Я слышу далекий гул холодильника, тиканье часов, которое кажется мне ударами молота по наковальне. Затем - глубокий, рваный вдох.

- Я знаю, что ты это слушаешь, - говорит он.

Его голос звучит иначе. В нем нет той выверенной дистанции, которая была в предыдущих главах. Он звучит так, будто он стоит прямо за моей спиной, его дыхание щекочет мне шею. Мои мышцы спины мгновенно каменеют.

- Я знаю, что ты разбираешь меня на части, - продолжает Мирон. Темп его речи замедляется, он делает длинные, почти мучительные паузы. - Чистишь мои вдохи, убираешь мои запинки. Ты пытаешься сделать меня идеальным, Саша. Но я не хочу быть идеальным для тебя.

Я замираю. Откуда он знает мое имя? Илья клялся, что не называл его.

- Ты думаешь, что если ты услышишь мой голос достаточное количество раз, ты поймешь, кто я. Ты ищешь мое лицо в частотном спектре. Но это бесполезно. Мое лицо - это просто маска, которую я ношу для мира. Мой голос - это единственное место, где я не вру. И то, что ты делаешь с ним... ты убиваешь его своей чистотой.

Я чувствую, как по щеке ползет что-то холодное. Я не сразу понимаю, что это слеза. Я не плакала уже несколько лет, с тех пор как ушла из большого спорта. Мое тело забыло, как это делается.

- Хватит меня редактировать, - его голос срывается на шепот, и я слышу в нем такую незащищенность, что мне хочется сорвать наушники и выбежать из дома. - Перестань вырезать мою боль. Оставь эти вдохи. Оставь это дребезжание. Это всё, что у меня есть.

Запись обрывается резко, без предупреждения. Наступает тишина, но теперь она другая. Она тяжелая, липкая, она давит на барабанные перепонки.

Я сижу в темноте, и мой внутренний профессор молчит.

Он не знает, что сказать. Нет никаких технических терминов, чтобы описать то, что я сейчас услышала. Это не был "технический сбой" в записи. Это был сбой в моей системе защиты.

Я понимаю, что он ведет со мной игру. Он подбрасывает мне эти "пасхалки", проверяет меня на прочность, провоцирует. Он знает мою слабость - мою потребность в искренности, которую невозможно подделать. И он дает мне ее в таких дозах, что я начинаю задыхаться.

Я открываю аудиоредактор и импортирую файл. На экране разворачивается волновая форма. Она выглядит как кардиограмма человека в прединфарктном состоянии. Пики и провалы, неровный ритм, хаотичные всплески. С профессиональной точки зрения - это брак. Это мусор, который нужно чистить, сжимать компрессором, выравнивать по сетке.

Но я не могу поднять руку, чтобы нажать кнопку "delete" на тех участках, где он дышит слишком громко.

Я увеличиваю масштаб. Вот здесь, на пятой минуте, он запнулся. Небольшой провал в амплитуде. Я выделяю этот кусок и ставлю на повтор.

- ...не хочу быть идеальным... не хочу быть идеальным... не хочу быть идеальным...

Его голос зацикливается, превращаясь в механический ритм, в мантру, которая вводит меня в транс. Я закрываю глаза и пытаюсь представить его комнату. Какой там свет? Какой запах? Судя по реверберации, комната небольшая,

много мягких поверхностей - книги, ковры. Он записывает это ночью, когда город затихает. Он один.

Я чувствую его одиночество как свое собственное. Это как две звуковые волны в противофазе - они должны гасить друг друга, но вместо этого они создают странное, болезненное биение.

Зачем он это делает? Если он так боится публичности, зачем он обращается ко мне лично?

Я снова открываю письмо Ильи. "Только для твоих ушей". Это не просто просьба о конфиденциальности. Это вызов. Он знает, что я не смогу это проигнорировать. Он знает, что я уже на крючке.

Я встаю и иду на кухню. Мне нужно выпить воды, смыть этот привкус хлорки и чужой боли. Мои движения кажутся мне рваными, нескоординированными. Я задеваю локтем дверной косяк, и тупая боль в мышце приносит странное облегчение. Физическая реальность возвращает меня в тело.

Я возвращаюсь к компьютеру. Я должна что-то сделать. Я должна ответить, но у меня нет его адреса. У меня есть только этот аудиофайл.

Тогда я делаю то, чего не делала никогда. Я включаю микрофон.

В моей студии идеальная тишина. Но когда я нажимаю "запись", я слышу, как бешено колотится мое сердце. Этот звук проникает в тракт, я вижу его на индикаторах уровня.

- Я слышу тебя, Мирон, - говорю я.

Мой голос звучит чужо и плоско. Я не узнаю его. В нем нет той глубины, которую я слышу в нем. Я - просто редактор. Я - функция.

- Я не буду ничего вырезать. Я оставлю всё как есть. Но ты должен знать...

Я замолкаю. Что он должен знать? Что я не сплю по ночам, слушая его дыхание? Что я ищу его в каждом встречном в метро? Что я боюсь тишины в своей голове больше, чем самого громкого шума?

Я нажимаю "стоп" и удаляю запись. Это глупо. Это непрофессионально. Это фальшь.

Профессор в моей голове согласно кивает. Слишком много драмы, Саша. Убери эти сопли. Работай.

Я снова открываю пятую главу и начинаю работать. Но теперь я не чищу запись. Я делаю обратное. Я подчеркиваю каждый его вздох. Я вытягиваю те частоты, где его голос дрожит. Я делаю его уязвимость максимально слышимой. Это мой способ ответить ему. Это моя форма близости.

К трем часам ночи я заканчиваю. Мои глаза горят, спина затекла так, что я едва могу пошевелиться. Но в наушниках звучит нечто невероятное. Это уже не книга. Это живое существо, которое дышит и страдает прямо в моем мозгу.

Я сохраняю файл и отправляю его Илье с короткой припиской: "Готово. Без обработки. Как просил автор".

Я знаю, что Илья будет в ярости. Он потребует "коммерческого звучания", он скажет, что слушатели не захотят по-

купать "этот хрип". Но мне плевать.

Я выключаю компьютер и ложусь на пол в гостиной. Здесь нет ковра, только холодный ламинат. Я закрываю глаза и пытаюсь восстановить контроль над дыханием.

Вдох на четыре. Раз, два, три, четыре...

В тишине квартиры я вдруг отчетливо слышу звук. Это не холодильник и не тиканье часов. Это уведомление о новом письме на моем ноутбуке.

Я не хочу вставать. Я знаю, что это он. Я чувствую это всем телом, каждой мышцей, каждым нервным окончанием.

Я медленно поднимаюсь, иду к столу. Экран светится в темноте, как маяк.

Письмо от неизвестного отправителя. Тема: "Без названия".

Внутри только одна ссылка на файл в облаке. И короткая фраза: "Теперь ты знаешь, как звучит правда. Хочешь увидеть, как она выглядит?"

Я смотрю на эту ссылку, и мое солнечное сплетение сжимается так сильно, что мне становится трудно дышать. Это тот самый момент, когда нужно прыгать с десятиметровой вышки. Ты стоишь на краю, пальцы ног чувствуют шершавый бетон, внизу - синяя бездна, и у тебя есть только один шанс войти в воду чисто, без брызг.

Я кликаю по ссылке.

Файл загружается медленно. Проценты ползут по экрану, издеваясь над моим нетерпением. Девяносто восемь... девят-

носто девять... сто.

На экране открывается видео.

Камера стоит на штативе, изображение зернистое, освещение скудное - всего одна настольная лампа. В кадре - мужская спина. Он сидит за столом, перед ним микрофон, точно такой же, как у меня. Он в наушниках. Его плечи чуть опущены, голова наклонена.

Он не оборачивается. Он просто сидит так несколько минут, и я вижу, как движутся его лопатки под тонкой футболкой. Это ритм его дыхания. Тот самый ритм, который я выучила наизусть.

Затем он медленно поднимает руку и снимает наушники. Кладет их на стол. Его пальцы длинные, нервные, с обкусанными ногтями. На запястье - старый шрам, едва заметная белая полоса.

Он начинает поворачиваться. Мое сердце замирает. Я жду этого момента так, будто от него зависит моя жизнь. Я жду, что сейчас магия исчезнет, что я увижу обычное, заурядное лицо, и всё закончится. Я снова стану просто Сашей, звуко-режиссером с неустроенной личной жизнью и травмой исчезнувшего родителя.

Он поворачивается в профиль. Резкая линия челюсти, прямой нос, прядь темных волос, падающая на лоб. Он выглядит измученным. Вокруг глаз - глубокие тени. Ему на вид около тридцати пяти, но в его позе сквозит какая-то древняя, усталая мудрость.

И тут он смотрит прямо в камеру.

У него серые глаза, холодные и прозрачные, как вода в бассейне перед началом тренировки. В них нет цинизма, который я ожидала услышать в его голосе. В них только бесконечная, оглушительная тишина.

Он молчит. Он не говорит ни слова, но я слышу его голос в своей голове так ясно, будто он кричит.

Затем он подносит палец к губам. Жест "тише".

Видео обрывается.

Я сижу перед погасшим монитором, и в моей голове наконец-то воцаряется абсолютная тишина. Мой внутренний профессор ушел, забрав свои пюпитры и дирижерские палочки.

Я знаю это лицо.

Я видела его в новостях пять лет назад. Мирон - это не просто псевдоним. Это часть имени человека, чье падение обсуждала вся страна. Талантливый композитор, вундеркинд, которого обвинили в плагиате и довели до попытки самоубийства. Его тогда уничтожили все: пресса, коллеги, друзья. Его искренность выставили на аукцион, его музыку разобрали на кости и объявили ворованной.

Он исчез. Все думали, что он уехал из страны или окончательно спился.

А он просто сменил инструмент. Вместо нот он начал использовать слова. Вместо оркестра - свой собственный голос.

Я чувствую, как по моей спине пробегает дрожь. Это не

страх. Это узнавание.

Мы с ним одной крови. Мы оба прячемся в звуках, потому что реальный мир слишком громкий и слишком жестокий. Мы оба боимся быть узванными, но при этом отчаянно этого жаждем.

Я снова открываю его видео и ставлю на паузу тот момент, когда он смотрит в камеру.

- Я нашла тебя, Мирон, - шепчу я.

И мой голос в пустой квартире звучит на удивление чисто. Без дребезжания. Без фальши.

В этот момент мой телефон вибрирует на столе. Сообщение от Ильи.

"Саша, ты что, с ума сошла? Что это за файл ты мне прислала? Это брак! Переделай немедленно, иначе я отдам проект другому человеку. У нас сроки горят!"

Я смотрю на экран телефона и чувствую странную легкость. Как будто я наконец-то вышла из воды после долгого заплыва и сделала первый настоящий вдох.

"Отдавай", - пишу я в ответ. - "Я больше не работаю с этим текстом".

Я нажимаю "отправить" и блокирую номер Ильи.

Мне больше не нужно издательство. Мне больше не нужна работа. Мне нужен этот голос, и теперь я знаю, где его искать.

Я снова включаю видео. Смотрю на его шрам на запястье. На то, как он морщит лоб. На его серые глаза.

Я начинаю анализировать видео не как профессионал, а

как охотник. На заднем плане, в окне за его спиной, виден кусок неоновой вывески. Она горит не полностью, только несколько букв: "...ОТЕЛЬ...ОСМОС".

Это гостиница "Космос". Я знаю это место. Оно находится на окраине города, старое советское здание, которое сейчас превратилось в дешёвый приют для командировочных и тех, кто хочет скрыться.

Я встаю. Мои движения теперь быстрые и точные. Я не думаю о последствиях. Я не думаю о том, что это может быть ошибкой.

Я надеваю куртку, хватаю ключи. На пороге я на секунду замираю.

Тишина в моей квартире больше не кажется мне пугающей. Она наполнена смыслом. Она - как чистый лист, на котором можно записать всё, что угодно.

Я выхожу из дома и окунаюсь в ночной город. Теперь его шум не раздражает меня. Я слышу в нем ритм, я слышу в нем жизнь.

Пока я еду в такси, я снова и снова прокручиваю в голове его голос. "Я не хочу быть идеальным для тебя".

Хорошо, Мирон. Я тоже не идеальна. У меня проблемы с дыханием, я боюсь тишины и я одержима чужими голосами, потому что не верю своему.

Мы идеальная пара для того, чтобы вместе сойти с ума. Гостиница "Космос" встречает меня холодным светом ртутных ламп. Огромное здание похоже на застывший кос-

мический корабль, который так и не смог взлететь. В холле пусто и пахнет пылью и старыми коврами.

За стойкой регистрации сидит заспанная женщина с голосом, похожим на скрип несмазанных петель.

- Мне нужен Мирон, - говорю я.

Она смотрит на меня как на сумасшедшую.

- У нас нет постояльцев с таким именем. Девушка, вы время видели? Три часа ночи.

- Он записывает здесь книгу, - я стараюсь говорить убедительно, добавляя в голос авторитетных низких частот. - Номер с хорошей звукоизоляцией. Скорее всего, на верхних этажах.

Женщина хмурится, начинает что-то искать в компьютере.

- Есть один... из сорок

ГЛАВА 5

Четыре утра - это время, когда город снимает фильтры. Исчезает высокочастотный гул машин, затихает дребезжание рекламных щитов, и мир проваливается в ту вязкую, серую тишину, которую я так боюсь и которой так жажду. Я сижу на полу в своей кухне, прислонившись спиной к холодной плитке фартука. Плитка пахнет старой затиркой и немного - вчерашним кофе. Номер сорок два в гостинице Космос оказался тупиком. Сонная женщина за стойкой, чей голос напоминал скрежет железной лопаты по обледенелому асфальту, выставила меня вон, едва я попыталась уточнить фамилию постояльца. Номер сорок семь был занят какой-то делегацией из Кирова, номер сорок - пустовал. Мой Мирон, мой невидимый обладатель баритона с идеальной атакой звука, растворился в лабиринтах советского брутализма.

Я вернулась в свою квартиру, которая теперь кажется мне не крепостью, а огромным резонаторным ящиком. Здесь каждый звук имеет свою траекторию. Вон там, под потолком, скапливается эхо от моих собственных шагов. А за стеной, в сорок четвертой квартире, живет Сосед. Я не знаю его имени. Я никогда не видела его лица в фокусе, только мазком - плечо в сером худи, затылок, быстро скрывающийся за дверью лифта. Но я знаю его расписание. Я знаю его ритм.

Сейчас он бодрствует.

Я чувствую это не ушами, а кожей на спине. Глухой удар - это он открыл дверцу холодильника. У него старый Атлант или что-то подобное, компрессор вздыхает с характерным металлическим лязгом, прежде чем затихнуть. В моем внутреннем аудиоредакторе этот звук отмечен красным пиком. Слишком много низких частот, нужно подрезать.

Я задерживаю дыхание. Привычка из прошлой жизни, когда бассейн был моим единственным домом. Вдох на три счета, погружение, и ты слышишь только глухой рокот воды, бьющейся о стенки черепа. Сердце замедляется, экономя кислород. Сейчас я делаю то же самое. Я превращаюсь в один большой микрофон, направленный в стену.

С той стороны доносится шуршание. Шаги. Раз, два, три, пауза. Сосед ходит по кухне. Пятка-носок, пятка-носок. Тяжелая походка человека, который носит в себе слишком много лишних мыслей. У него дефект шага - левая нога чуть загребает, создавая едва заметный призыв, микроскопическое скольжение по ламинату.

Я надеваю наушники. Мои верные Бейердинамики, обнимающие голову так плотно, что кажется, будто череп сейчас треснет. Но это приятная боль. Это изоляция. В левом ухе у меня - запись Мирона, тот самый файл, который я мучаю уже третьи сутки. В правом - пустота, через которую я пытаюсь поймать живой звук из-за стены.

- Я не хочу быть идеальным для тебя, - произносит Мирон в моих наушниках.

Голос чистый, как отфильтрованная вода. Никакого дребезжания, никакой фальши. Но я-то знаю, что за этой чистотой стоит работа компрессора и лимитера. Он прячется за качеством записи. А Сосед за стеной - он не прячется. Он просто живет.

Снова звук холодильника. Скрип стула. Сосед садится. Я представляю, как он сутулится, опираясь локтями на стол. Мои мышцы спины непроизвольно сжимаются, повторяя его воображаемую позу. Мой внутренний профессор консерватории брезгливо морщится: Александра, у вас осанка плывущего топора, выпрямитесь. Но я не могу. Я привязана к этому звуковому потоку.

Мирон в наушниках продолжает:

- Мы все состоим из пауз. Между вдохом и выдохом. Между словом и действием. В этих паузах и живет настоящий страх.

Интересно, Мирон, ты сам-то веришь в то, что наговорил? Твой темп ускорился на три удара в минуту, когда ты произнес слово страх. Твои связки чуть сузились, добавив в голос ненужную, сухую остроту. Ты лжешь. Или ты просто боишься, что я это замечу.

За стеной Сосед начинает что-то бормотать. Это не слова, это гул. На частоте примерно сто десять герц. Это мужской голос в состоянии покоя или крайней степени усталости. Я прижимаюсь ухом к стене. Холод бетона прошивает висок.

- М-м-да... - доносится с той стороны.

Один слог. Но в нем столько обертонов, что я на секунду забываю, как дышать. Это звук разочарования. Так звучит человек, который открыл книгу и понял, что забыл все буквы. Или человек, который посмотрел в зеркало и не узнал отражение.

Я перематываю запись Мирона назад. Снова и снова.

- Я не хочу быть идеальным...

Я пытаюсь совместить ритм его речи с ритмом шагов Соседа. Это безумие. Это как пытаться наложить партию скрипки из Вивальди на индустриальный шум цеха. Но мой мозг упорно ищет паттерны. Я вижу звуковые волны, они плывут перед глазами, синие и зеленые линии на черном фоне программы. Линия Мирона - ровная, выверенная, с аккуратными всплесками согласных. Линия Соседа - рваная, грязная, полная низкочастотного мусора.

В детстве я так же слушала отца. Он возвращался поздно, и я по звуку ключа в замке знала, в каком он настроении. Если ключ входил с первого раза, мягко, со щелчком - значит, он принес конфеты или новую кассету. Если ключ скрежетал по металлу, если дверь распахивалась с ударом о косяк - я задерживала дыхание и уходила под одеяло, превращаясь в неподвижный булыжник на дне океана. Мой слух - это мой радар, выросший из страха быть раздавленной чужим гневом.

Сейчас отец далеко, а я все еще слушаю. Слушаю Мирона, который платит мне за то, чтобы я сделала его голос идеаль-

ным. Слушаю Соседа, который не знает, что он - часть моего безумного эксперимента.

Сосед встает. Скрип стула - резкий, неприятный, как фальшивая нота в середине каденции. Он идет к стене. К той самой стене, у которой сижу я. Я чувствую вибрацию его шагов через пол. Мои пальцы впиваются в колени. Кожа сухая, я чувствую каждую пору, каждое микросокращение мышц.

- Почему ты молчишь? - спрашивает Мирон в моем левом ухе.

Это фраза из главы номер восемь. Я еще не приступала к ее обработке, но этот вопрос сейчас звучит как личное обращение.

Я молчу, Мирон, потому что если я заговорю, я разрушу эту хрупкую акустику. Мой собственный голос кажется мне плоским, лишенным объема. В нем нет той глубины, которую я ищу в других. Я - пустая комната с голыми стенами, где любое слово вызывает только неприятное, дребезжащее эхо.

Сосед за стеной затих. Я представляю, что он стоит прямо напротив меня. Нас разделяет только двадцать сантиметров бетона и мои страхи. Что он делает? Смотрит в стену? Думает о том же, о чем и я? Или он просто забыл, зачем встал?

Я снимаю наушники. Тишина наваливается на меня, как толща воды в глубоком бассейне. Давление на барабанные перепонки становится почти невыносимым. Мне нужно всплыть. Нужно вдохнуть.

Я делаю глубокий вдох, контролируя диафрагму. Мой жи-

вот расширяется, ребра раздвигаются. Профессиональная привычка пловца - брать кислород так, будто это последний шанс.

И тут это случается.

Тук.

Звук четкий, сухой. Костяшки пальцев о бетон.

Мое сердце совершает кувырок и застревает где-то в районе горла. Это не метафора, это физиология. Мышцы гортани спазмируются, перекрывая доступ воздуху. Я замираю.

Тук.

Второй раз. С той же силой. С тем же интервалом. Это не случайный звук. Это не упавший предмет. Это контакт.

Мой внутренний критик орет: Беги! Это нарушение границ! Это ненормально! Но я не могу пошевелиться. Я прикована к этой стене. Мое тело - это высокочувствительный резонатор, и сейчас этот резонатор гудит от ужаса и любопытства.

Тук.

Третий раз. Финальный аккорд. Точка.

Я сижу неподвижно, боясь даже моргнуть. Веки сухие, глаза режет от напряжения. В голове пульсирует только одна мысль: он знает. Он слышит меня так же, как я слышу его. Моя стерильная, лабораторная слезка превратилась в обоюдный процесс.

Я смотрю на стену, залитую тусклым светом кухонной вытяжки. Обои в мелкий цветочек кажутся мне картой неиз-

веданной территории. Где-то там, за этим бумажным лесом, скрывается человек, который только что разрушил мою дистанцию. Мое профессиональное отчуждение, моя броня из частотных характеристик и децибелов - все это рассыпалось от трех ударов.

Я медленно, очень медленно поднимаю руку. Мои пальцы дрожат. Это не страх, это адреналин, тот самый, который заставлял меня делать финальный рывок на последних пятидесяти метрах дистанции, когда легкие уже горели огнем, а перед глазами плыли черные пятна.

Должна ли я ответить?

Если я стукну в ответ, это будет признанием. Признанием того, что я здесь, что я слушаю, что я одержима. Это будет начало диалога, к которому я не готова. Мой голос - это мои руки, а сейчас они не слушаются.

Я прижимаю ладонь к стене. Бетон кажется теплым. Или это моя рука так нагрелась? Я чувствую пульсацию в кончиках пальцев. Ритм моего сердца - восемьдесят два удара в минуту. У Мирона в последней записи было семьдесят пять. Он был спокойнее. Он был в образе. А я - нет.

Я закрываю глаза и пытаюсь представить лицо Соседа. Но вместо него всплывает обложка книги Мирона. Черный фон, белые буквы, никакой человечности. Только голос.

- Александра, вы опять витаете в облаках, - произносит голос профессора в моей голове. - Звук не терпит неопределенности. Либо он есть, либо его нет. Третьего не дано.

Я убираю руку от стены. Мое дыхание стало рваным, я не могу его контролировать. Это провал. Я, мастер контроля, я, человек-фильтр, сижу на полу и дрожу от трех стуков в стену.

Внезапно в коридоре раздается телефонный звонок. Громкий, резкий, как выстрел стартового пистолета. Я вздрагиваю всем телом, лопатки бьются о плитку. Кто может звонить в такое время?

Я поднимаюсь, ноги затекли, и по ним пробегают тысячи мелких иголок. Иду в коридор, стараясь не шуметь, хотя теперь это кажется бессмысленным. На экране мобильного, лежащего на тумбочке, светится имя: Мирон.

Мой пульс делает еще один скачок. Я смотрю на экран, как на взрывное устройство. Три часа ночи. Или уже четыре? Какая разница.

- Алло, - говорю я.

Мой голос звучит чужой. Слишком много песка в тембре, слишком много неуверенности. Я ненавижу этот звук.

- Ты не спишь, - это не вопрос.

Голос Мирона в трубке звучит иначе, чем на записи. Нет той студийной стерильности. Есть шум улицы на заднем плане, какой-то далекий сирены вой, ветер, бьющий в микрофон телефона. Это живой звук. Необработанный. Грязный. И от этого он кажется еще более опасным.

- Я работаю, - вру я. - Слушаю твою пятую главу. Там в середине есть провал по частотам, нужно переписывать.

- Брось, Саша, - он усмехается. Я слышу, как его губы растягиваются в улыбке, слышу это по изменению резонанса во рту. - Ты не слушаешь главу. Ты слушаешь тишину. Или что-то другое?

Я замираю. Холодный пот пробегает по позвоночнику. Он не может знать. Он в гостинице Космос, или где он там прячется. Он не может знать про стену, про соседа, про мои пальцы на бетоне.

- О чем ты? - я стараюсь придать голосу рабочую сухость. - Мирон, сейчас четыре утра. Если это не касается правок, давай поговорим завтра.

- Мне приснилось, что ты тонешь, - говорит он вдруг. - В огромном бассейне, наполненном не водой, а звуками. И ты не можешь выплыть, потому что пытаешься разобрать, что кричат люди на трибунах. Ты захлебываешься информацией, Саш.

Я прислоняюсь лбом к зеркалу в коридоре. Стекло холодное, оно мгновенно запотевает от моего дыхания. Его слова бьют точно в цель. Моя ядерная травма, мой страх тишины, моя потребность расшифровывать мир - он препарирует меня так же легко, как я препарирую его аудиофайлы.

- Это просто сон, Мирон. Сны - это мусор подсознания. Низкочастотный гул, который нужно отсекать.

- А если я не хочу отсекать? - его голос становится тише. - Если я хочу, чтобы ты услышала меня без всех этих твоих фильтров? Без компрессии. Просто... как есть.

- Так не бывает, - отрезаю я. - Любой голос, пропущенный через технику, уже искажен. Мы никогда не слышим друг друга по-настоящему. Мы слышим только свою интерпретацию чужого звука.

В трубке повисает пауза. Я слышу его дыхание. Оно ровное, глубокое. Он умеет контролировать себя лучше, чем я.

- Ты слышала стук? - спрашивает он тихим, почти шепотом.

Я чувствую, как у меня подкашиваются ноги. Я медленно опускаюсь на банкетку.

- Какой стук?

- Три раза. По стене.

Я перестаю дышать. Мир вокруг схлопывается до размеров телефонной трубки. Моя кухня, стена, Сосед, Мирон - все смешивается в один безумный звуковой коллаж.

- Где ты, Мирон? - мой голос срывается на хрип.

- Я там, где ты меня слышишь, - отвечает он и отключается.

Короткие гудки бьют в ухо, как метроном. Раз, два, три, четыре. Я смотрю на телефон, потом на стену, разделяющую меня с сорок четвертой квартирой.

Это невозможно. Это статистическая погрешность. Мирон не может быть моим соседом. Это слишком кинематографично, слишком просто, слишком... фальшиво. Жизнь не строит такие идеальные композиции. Жизнь - это хаос, это белый шум, в котором нет места таким совпадениям.

Я возвращаюсь на кухню. Мои наушники лежат на столе, как брошенное оружие. Я смотрю на стену. Теперь она кажется мне прозрачной. Я почти вижу его там. Человека с микрофоном, человека с книгой, человека, который знает мои сны.

А что если Сосед - это не Мирон? Что если это просто совпадение? Сосед стукнул, потому что я слишком громко шуршала или потому что у него тоже бессонница. А Мирон сказал про стук, потому что... потому что он чувствует меня?

Я чувствую, как во мне нарастает раздражение. Это моя защитная реакция. Когда я не могу проанализировать ситуацию, я начинаю злиться. Я превращаю объект исследования в проблему.

Мирон - это проблема. Его голос - это вирус, который взломал мою систему безопасности. Я должна была просто редактировать звук, а вместо этого я впустила его в свою голову, в свою кухню, в свою мышечную память.

Я снова надеваю наушники. Включаю запись.

- Я не хочу быть идеальным для тебя...

Я кручу ручку гейна, увеличивая громкость до предела. Звук становится болезненным, он режет уши, он вибрирует в самых костях черепа. Я ищу фальшь. Я ищу то место, где он врет.

- Паузы... в них живет страх...

Вот! Здесь! Микроскопическая заминка перед словом страх. Он не просто произнес его, он его вытолкнул. Как пло-

вец, которому не хватило воздуха на развороте. Он коснулся дна.

Я срываю наушники и швыряю их на стол. Хватит.

Я подхожу к стене. Мое тело действует само, подчиняясь какому-то древнему, доречевому импульсу. Я сжимаю кулак. Костяшки белеют.

Я замахиваюсь и бью по стене.

Один раз. Сильно. Так, что боль прошивает руку до самого плеча.

Два раза.

Три раза.

Я стою, прижавшись лбом к обоям, и слушаю. Мое сердце колотится так, что я слышу его без всяких стетоскопов. Это мой собственный ритм. Мой честный, необработанный звук.

За стеной тишина.

Секунда, две, десять. Ничего.

Я чувствую себя душой. Профессиональный звукорежиссер, взрослый человек, сидит ночью на кухне и дерется со стеной. Профессор в моей голове заливается издевательским смехом: Bravo, Александра! Это была ваша лучшая партия. Минимализм в действии.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и в этот момент...

Тук. Тук. Тук.

Ответ. Мгновенный. Но на этот раз звук другой. Он более мягкий, какой-то... одобряющий? Нет, это уже мои фантазии. Звук не может быть одобряющим. Это просто меха-

ническое колебание волн.

Я выхожу из кухни и иду в ванную. Мне нужно умыться ледяной водой. Мне нужно смыть с себя этот ночной морок.

В зеркале над раковиной я вижу женщину с бледным лицом и темными кругами под глазами. Мои глаза кажутся слишком большими, в них застыло то самое выражение, которое было у меня в детстве, когда я слушала шаги отца. Ожидание удара. Ожидание ухода.

Я набираю полную раковину холодной воды и опускаю в нее лицо.

Раз, два, три...

Я считаю секунды. Вода обжигает кожу, вытесняя мысли. Это депривация. Мой способ перезагрузки. В воде нет звуков, кроме внутреннего гула крови. Здесь я в безопасности. Здесь никто не может постучать мне в стену или позвонить в четыре утра.

Я держусь минуту. Потом вторую. Легкие начинают требовать свое, в груди появляется знакомое жжение. Еще немного.

Я выныриваю, хватая ртом воздух. Вода стекает по лицу, попадает в рот. Она на вкус как хлорка и металл.

Я смотрю на свое отражение. Капли воды на коже похожи на прозрачные бусины.

- Ты не тонешь, Саша, - говорю я вслух.

Мой голос звучит неожиданно твердо. В нем появилась какая-то новая частота. Низкая, вибрирующая. Это голос че-

ловека, который решил перестать только слушать и начать звучать.

Я возвращаюсь в комнату, беру телефон. Мирон не перезвонил. Его сообщение в мессенджере висит непрочитанным.

Я не открываю его. Вместо этого я открываю проект своей собственной записи. Той, которую я начала делать еще в консерватории и забросила, решив, что мой голос никому не интересен.

Это была попытка записать тишину города. Тысячи слов шума, которые в сумме дают абсолютный ноль. Я нахожу файл под названием Проба 01.

Нажимаю play.

Из динамиков доносится шорох ветра, далекий гул поезда, скрип качелей во дворе. И мой голос. Совсем молодой, еще не сломанный цинизмом и работой.

- Сегодня я слышала, как падает снег, - говорит та, прежняя Саша. - Это похоже на шепот тысяч людей, которые боятся разбудить кого-то важного.

Я слушаю это и чувствую, как в горле встает комок. Это было искренне. В этом не было фильтров. Я не пыталась быть идеальной. Я просто фиксировала момент.

За стеной снова слышались шаги. Сосед вернулся к своему ритму. Пятка-носок, пятка-носок.

Я подхожу к окну. На востоке небо начинает светлеть, приобретая оттенок дешевой почтовой бумаги. Город просы-

пается. Скоро первый трамвай разрежет тишину своим железным скрежетом. Скоро люди наденут свои социальные маски и заговорят голосами, которые они считают правильными.

Я беру микрофон - мой рабочий инструмент, мой щит и мой меч. Подключаю его к интерфейсу.

- Мирон, - говорю я прямо в мембрану. - Я не знаю, где ты. Я не знаю, кто ты. Но я больше не буду чистить твой голос.

Я записываю эту фразу. Смотрю на форму волны. Она живая. Она неровная. В ней есть всплески и провалы. В ней есть я.

Я нажимаю кнопку отправить и прикрепляю этот файл к письму.

За стеной зашумела вода. Сосед принимает душ. Звук воды в трубах - это сложная симфония гидравлических ударов и шипения. Раньше это раздражало бы меня. Сейчас - я просто фиксирую это как часть ландшафта.

Я ложусь в постель, не раздеваясь. Усталость накатывает тяжелой волной, но это приятная усталость. Как после заплыва на пять километров, когда ты выходишь из воды, и твое тело кажется невесомым.

Перед тем как заснуть, я слышу последний звук. Короткий сигнал уведомления на телефоне.

Я не смотрю. Я знаю, что это он.

- Слышу тебя, - шепчу я в подушку.

Мой внутренний критик молчит. Профессор ушел на пе-

рерыв. В моей голове наконец-то воцарилась тишина. Но это не та пустая, пугающая тишина, которой я боялась. Это тишина перед началом новой записи. Чистая дорожка, на которую можно наложить любой звук.

Я закрываю глаза. Ритм шагов соседа за стеной становится тише, превращаясь в колыбельную. Пятка-носок. Пятка-носок.

Мир - это многослойная дорожка. И сегодня я, кажется, нашла ту самую частоту, на которой можно просто быть. Без фильтров. Без компрессии.

Я засыпаю, и мне не снится, что я тону. Мне снится, что я плыву в открытом океане, и звук моих движений совпадает с ритмом прилива. И где-то там, на глубине, я слышу голос. Он не идеален. Он полон шумов и помех.

Но это самый красивый звук, который я когда-либо слышала.

Проснулась я от того, что в квартире стало слишком светло. Солнце пробивалось сквозь пыльные шторы, рисуя на полу полосы, похожие на эквалайзер. Голова была тяжелой, но мысли - удивительно четкими.

Я села на кровати, прислушиваясь. В доме было тихо. Сосед, видимо, ушел на работу. Или тоже уснул.

Я взяла телефон. Одно новое сообщение от Мирона.

Я открыла его, затаив дыхание. Там не было текста. Только аудиофайл.

Я нажала на воспроизведение.

Сначала была тишина. Долгая, секунд десять. Потом - звук дыхания. Тяжелого, неровного. А затем - стук. Три раза. Тук-тук-тук. И следом - голос, лишенный всякой актерской подачи, всякой маски.

- Спасибо, Саша. За правду.

Я слушала это сообщение снова и снова. Я анализировала его не как профессионал, а как человек. Я чувствовала тепло в его голосе. Я слышала там улыбку, настоящую, не ту, которую можно вычислить по резонансу, а ту, которую чувствуешь сердцем.

Моя рука потянулась к стене. Я провела пальцами по обоям. Они больше не казались мне границей. Они были местом.

В этот момент я поняла, что моя слезка закончена. Мне больше не нужно подслушивать чужую жизнь, чтобы почувствовать свою. Мне больше не нужно прятаться за частотными фильтрами.

Я встала, подошла к окну и широко распахнула его. Город ворвался в комнату какофонией звуков. Сирены, крики детей на площадке, шум листвы, гул самолета где-то высоко в небе.

Это был хаос. Это был шум. Это была жизнь.

И я была ее частью.

Я взяла наушники и аккуратно сложила их в чехол. Сегодня я буду слушать мир своими собственными ушами. Без посредников.

Выходя из квартиры, я на секунду задержалась у двери сорок четвертой. Прислушалась. Тишина.

Я улыбнулась и пошла к лифту. Мои шаги были легкими. Раз-два, раз-два. Идеальный ритм.

Внизу, у подъезда, я столкнулась с почтальоном. Он что-то напевал себе под нос, фальшивя на целую октаву. Раньше я бы поморщилась. Сейчас - я просто кивнула ему.

- Хорошая песня, - сказала я.

Он удивленно посмотрел на меня и улыбнулся.

- Да, старая добрая классика.

Я вышла на улицу. Воздух пах весной и бензином. Я вдохнула полной грудью, чувствуя, как расправляются легкие.

Где-то там, в этом огромном городе, был Мирон. Человек, чей голос стал моим спасением. Человек, который научил меня не бояться тишины.

Я не знала, встретимся ли мы когда-нибудь лично. Но это было неважно. Потому что

ГЛАВА 6

Подъезд встретил меня привычным запахом влажной бетонной пыли и чьих-то пережаренных котлет, который на третьем этаже плавно перетекал в тяжелый аромат дешевого мужского парфюма. Я шла по лестнице, игнорируя лифт, потому что мне нужно было прочувствовать этот ритм. Мои кроссовки едва слышно касались ступенек, создавая мягкий, глухой звук, похожий на партию басового барабана в приглушенном джазовом треке. Раз-два, раз-два. Мое тело работало на автопилоте, плечи были расправлены, лопатки плотно прижаты к спине, как тогда, на бортике бассейна, за секунду до свистка. Тренеры всегда говорили, что у меня идеальная обтекаемость, что я режу воду, не создавая лишних всплесков. Сейчас я так же резала воздух этого душного подъезда.

Я остановилась на площадке между вторым и третьим этажами. Здесь акустика была особенно странной: звук отражался от выкрашенных масляной краской стен и возвращался ко мне с небольшой задержкой, создавая эффект эха в пустой консервной банке. Я замерла, контролируя вдох. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на восемь. Это была старая привычка, помогающая не паниковать, когда легкие начинают гореть от нехватки кислорода на последних десяти метрах дистанции.

У почтовых ящиков стоял он. Мой сосед из сорок четвер-

той. Тот самый человек-загадка, чей голос в моих наушниках за последние недели стал роднее, чем мой собственный. В жизни он выглядел... обычно. Слишком обычно для того, кто в аудиозаписях звучит как падший ангел с кризисом среднего возраста. На нем была серая толстовка с капюшоном, который он не соизволил снять даже в помещении, и поношенные джинсы. Он возился с ключом, пытаюсь открыть свой ящик, и в этом движении было столько раздражения, что я почувствовала его кожей. У него мелко дрожали пальцы, едва заметная детонация, которую я обычно вырезаю в аудиоредакторе, когда диктор слишком много курит перед записью.

Я подошла ближе. Мои шаги по кафелю теперь звучали четче, агрессивнее. Я не хотела подкрадываться, я хотела заявить о своем присутствии, прежде чем моя социальная тревожность заставит меня превратиться в тень. Он не обернулся, но я увидела, как напряглись его трапециевидные мышцы под тканью толстовки. Он знал, что я здесь. Он слушал меня так же внимательно, как я слушала его записи, просто по-другому.

- У вас замок заедает, - сказала я, и мой голос прозвучал в этом гулком пространстве чересчур звонко. Я сразу же мысленно отметила: слишком много высоких частот, нужно добавить грудного резонанса.

Он замер. Его рука с ключом остановилась в паре миллиметров от замочной скважины. Он медленно повернул голо-

ву, и я впервые увидела его лицо так близко. У него были глаза человека, который хронически не высыпается, или того, кто слишком много времени проводит в темноте, глядя в монитор. Лицо циника, вырезанное из холодного камня, с резкими морщинами у рта.

- Я в курсе, - бросил он.

Его голос в реальности был суше. В нем не было той бархатистости, которую давал дорогой микрофон "Нойман" в студии. Это был голос-наждачка. Короткие, рубленые фразы. Он использовал их как щит, выставляя перед собой острые углы слов.

Я сделала еще шаг вперед, входя в его личное пространство. В бассейне это называлось бы нарушением дорожки. Я чувствовала его запах - табак, холодный кофе и что-то металлическое.

- Послушайте, - начала я, стараясь сохранять ровный темп речи, - я хотела спросить. Моя музыка... она вам не мешает? Я иногда работаю допоздна, а стены здесь, сами знаете, как папиросная бумага.

Я врала. Я никогда не слушала музыку громко без наушников. Моя работа требовала стерильной тишины, нарушаемой только звуками из колонок-мониторов, настроенных на минимальную громкость. Но мне нужен был предлог, чтобы заставить его говорить. Мне нужно было сопоставить этот живой, дефектный голос с тем идеальным потоком сознания, который я редактировала по ночам.

Он наконец открыл ящик, и звук скрежета металла о металл заставил мои зубы ныть. Он вытащил пачку рекламных листовок и какой-то конверт, даже не взглянув на них. Потом он полностью развернулся ко мне. Он был выше, чем я представляла, и мне пришлось чуть задрать подбородок, что сразу создало ненужное напряжение в шее.

- Музыка? - он усмехнулся, и это был неприятный звук, похожий на треск сухих веток под ногами. - Нет, ваша музыка меня не беспокоит.

Он сделал паузу. В музыке такая пауза называется цезурой, но здесь это была воронка, в которую затягивало весь кислород из подъезда. Я почувствовала, как мышцы спины непроизвольно сократились, готовясь к удару. Я затаила дыхание, как перед погружением в холодную воду.

- Меня раздражает другое, - продолжил он, и его тембр стал ниже, тяжелее. В нем появилась та самая опасная глубина, которую я так тщательно выравнивала в его книгах. - Меня раздражает то, как вы замираете за дверью, когда я прохожу мимо по коридору.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу. Это была не краска смущения, а жар гнева или стыда, я еще не поняла. Он слышал. Этот чертов микроскоп в человеческом облике слышал мою тишину.

- Я не... - начала я, но он перебил меня, не повышая тона, но вкладывая в каждое слово столько веса, что я почти физически ощутила давление на грудную клетку.

- Вы стоите там, прижавшись ухом к полотну, и ждете, пока я скроюсь в своей квартире. Вы даже дышать перестаете. Это слышно, знаете ли. Тишина в вашем исполнении получается слишком громкой. Она давит на уши.

Его речь была рваной, он разгонялся на иронии и резко тормозил в конце предложений, оставляя после себя звенящую пустоту. Это была классическая маска циника, интеллектуальная броня, за которой он прятал что-то очень хрупкое и, возможно, изломанное. Я чувствовала фальшь в его грубости. Его голос дрожал на высоких частотах, едва заметная вибрация, которую обычный человек принял бы за гнев, но я слышала в этом страх. Он защищался. Он нападал первым, потому что боялся, что я увижу его уязвимость.

- У вас очень специфический слух, - сказала я, возвращая себе контроль. Мой внутренний критик перестал посыпать голову пеплом и включил режим анализатора. - Может быть, вам стоит проверить настройки своего восприятия? Я не стою за дверью. Я просто... уважаю чужое пространство.

- Ложь, - коротко бросил он. - Вы анализируете. Вы препарируете каждый звук. Я вижу это по вашим глазам. Вы сейчас не со мной разговариваете, вы строите спектрограмму моей речи в своей голове.

Это было слишком точно. Удар под дых. Я действительно ловила обертоны его голоса, отмечая, где у него зажата гортань и почему он так странно произносит шипящие. Моя профессиональная деформация стала моей личностью,

и этот человек, которого я едва знала, только что сорвал с меня одежду в холодном подъезде.

Я почувствовала, как в солнечном сплетении заворочался холодный комок. Это было то самое чувство, когда ты понимаешь, что фальшивишь в финальной ноте, и уже ничего нельзя исправить.

- Вы ведете себя так, будто я совершаю преступление, - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Мы просто соседи. И если я иногда... прислушиваюсь, то только потому, что в этом доме слишком много шума. Ваш голос - это не самый худший шум, поверьте.

Он посмотрел на меня в упор. В его взгляде было что-то такое, от чего мне захотелось немедленно уйти в глубокую сенсорную депривацию, запереться в ванной и включить белый шум. Он читал меня, как открытую книгу с крупным шрифтом.

- Вы слишком много на себя берете, - сказал он, и в его голосе проскользнула та самая интеллектуальная спесь, которую я так часто вырезала при монтаже его подкастов. - Не нужно пытаться меня расшифровать. Там внутри ничего нет, кроме старых архивов и битого стекла.

Он сделал шаг в сторону, собираясь уходить, но на мгновение остановился прямо напротив меня. Его плечо почти касалось моего. Я чувствовала тепло, исходящее от него, и это тепло казалось инородным телом в этом холодном бетонном пространстве.

- И еще одно, - добавил он, понизив голос до шепота, который в акустике подъезда прозвучал как гром среди ясного неба. - Перестаньте так сильно задерживать дыхание, Саша. Рано или поздно вам все равно придется вдохнуть.

Он прошел мимо меня, и звук его шагов по лестнице - тяжелый, размеренный, с легким акцентом на правую ногу - ударил меня в спину.

Я осталась стоять у почтовых ящиков, чувствуя, как мир вокруг начинает медленно вращаться. В голове набатом стучало только одно слово. Мое имя.

Он назвал меня по имени.

Я никогда не представлялась ему. Мы никогда не перекидывались даже парой слов до этого момента. Для него я должна была быть просто "той девушкой из сорок пятой", безымянным шумом за стеной, раздражающим фактором в его герметичном мире. Откуда он узнал?

Мои ладони стали влажными. Я прижала их к холодным металлическим ящикам, пытаюсь заземлиться. Холод металла просочился сквозь кожу, немного успокаивая бешено колотящееся сердце. Я пыталась восстановить дыхание, но оно сбилось окончательно. Вдох был коротким и рваным, выдох - судорожным. Я чувствовала себя так, будто меня только что вытолкнули из лодки посреди открытого океана, и я забыла, как держаться на воде.

Саша.

Это имя прозвучало в его исполнении не как обращение,

а как диагноз. Он произнес его с той же интонацией, с которой врач сообщает о неприятной болезни. С некоторым сожалением и холодным любопытством.

Я медленно пошла вверх по лестнице, чувствуя, как каждая ступенька отзывается болью в икрах. Мое тело, привыкшее к нагрузкам, сейчас казалось чужим и неповоротливым. Я была высокочувствительным резонатором, который только что подвергли воздействию слишком мощной звуковой волны. Внутри всё еще гудело.

Зайдя в квартиру, я первым делом закрыла дверь на все замки. Звук щелчков успокоил меня лишь на мгновение. Я прислонилась спиной к двери и закрыла глаза. Тишина моей квартиры, которую я так тщательно выстраивала, внезапно показалась мне фальшивой. Это была не тишина, а отсутствие звуков, заполненное моим собственным внутренним гулом.

Я слышала, как работает холодильник на кухне - низкочастотный гул на грани слышимости. Я слышала, как тикают настенные часы в комнате, хотя обычно я их не замечала. Я слышала свое собственное сердцебиение, которое звучало как сбивчивый метроном.

Он знал, кто я. Или, по крайней мере, он знал мое имя.

Я подошла к рабочему столу и посмотрела на свои наушники. Они лежали там, как два огромных черных глаза, наблюдающих за мной. На мониторе застыла звуковая волна его последней записи. Визуальное воплощение его голоса.

Пики и спады, частоты и амплитуды. Я знала каждый изгиб этой линии, каждую микросекунду его пауз. Но я не знала его.

Или знала?

Я надела наушники, но не включила запись. Я просто сидела в вакууме, слушая давление амбушюр на череп. Это была моя защита. Мой кокон.

В голове снова и снова прокручивался его голос. "Меня раздражает то, как вы замираете за дверью".

Значит, он тоже слушал. Он тоже анализировал. Пока я пыталась расшифровать его через микрофон и программное обеспечение, он делал то же самое через слой бетона и дерева. Мы оба были шпионами в этой холодной войне звуков.

Я вспомнила своего отца. Его шаги в коридоре всегда были предвестником чего-то неизбежного. Я научилась определять его настроение по тому, как он ставил пятку на паркет. Тяжелый удар означал гнев. Легкое шарканье - усталость и безразличие. Я выросла, пытаюсь предугадать тишину, которая наступит после его ухода. Моя потребность в записи, в фиксации звуков - это была попытка удержать то, что вечно ускользало.

А теперь этот человек, Мирон (или как его там на самом деле зовут), ворвался в мою систему безопасности. Он не просто прошел мимо, он оставил след в моем акустическом пространстве.

Я включила компьютер. Экран вспыхнул, ослепляя ме-

ня. Я открыла папку с проектом. Файл назывался "Глава 7. Громкость". Какая ирония.

Я нажала "play".

- Близость - это не когда ты касаешься кожи, - произнес голос в наушниках. - Близость - это когда ты слышишь, как другой человек меняет ритм своего дыхания, просто находясь в одной комнате с тобой. Это самое интимное, что у нас есть. И самое опасное.

Я вздрогнула. В этой записи он звучал иначе. Не так, как в подъезде. Здесь была та самая глубина, которую он так тщательно прятал при личной встрече. В студии, наедине с микрофоном, он был искренним. В подъезде, наедине со мной, он был колючим.

Я начала анализировать кусок, который он только что произнес.

- Так, здесь у нас небольшой провал на средних частотах, - пробормотала я себе под нос, стараясь вернуть рабочее состояние. - Нужно подтянуть эквалайзером. И этот вдох в конце... он слишком длинный.

Я потянулась к виртуальному ползунку, чтобы обрезать лишнее, но моя рука замерла.

"Перестаньте так сильно задерживать дыхание, Саша. Рано или поздно вам все равно придется вдохнуть".

Я не стала обрезать вдох. Напротив, я сделала его громче. Я выкрутила громкость на максимум, так что звук его дыхания заполнил всю мою голову, вытесняя все остальные мыс-

ли. Это было почти физическое ощущение - будто он стоял прямо за моей спиной и дышал мне в затылок.

Мои мышцы спины снова отозвались микросокращениями. Я чувствовала фальшь не ушами, нет. Я чувствовала её солнечным сплетением. В его записи была правда, которую он не мог позволить себе в жизни. А в его жизни была агрессия, которая служила фильтром для этой правды.

Я закрыла глаза и представила его там, в сорок четвертой квартире. Что он делает сейчас? Так же сидит перед монитором? Или ходит по комнате, раздраженно сбрасывая с себя остатки нашего разговора?

Интересно, его голос тоже звучит в его собственной голове как чужой? Бойтся ли он тишины так же, как боюсь её я?

Я вдруг поняла, что наши отношения строятся на удивительной асимметрии. Я владею его голосом, я могу разобрать его на атомы, могу сделать его громче или тише, могу вырезать его ошибки. Я знаю его душу через эти записи так, как не знает никто другой. А он... он просто наблюдает за моим лицом, за моими неловкими попытками казаться нормальной, и он знает мое имя.

Это была игра. Скрытая игра сил, где каждый из нас считал, что у него есть контроль. Он подбрасывал мне эти "пасхалки" в тексте, проверяя меня на прочность, а я нападала через профессиональную дотошность, заставляя его быть тем, кем он, возможно, не являлся.

Я вспомнила, как он сказал "Саша". В его голосе в этот мо-

мент не было цинизма. Было что-то другое. Какая-то странная, ломаная нежность, замаскированная под грубость. Как будто он сам испугался того, что произнес это вслух.

Я встала из-за стола и подошла к окну. Город за стеклом шумел миллионами голосов, которые сливались в один неразборчивый гул. Я прижала лоб к холодному стеклу.

Мне страшно, подумала я. Мне страшно, что если я перестану слушать других, если я перестану анализировать частотные характеристики чужих жизней, тишина внутри меня станет оглушительной. Я боюсь, что мой собственный голос на самом деле звучит плоско и не заслуживает того, чтобы быть записанным.

Я посмотрела на свои руки. Пальцы все еще подрагивали. Завтра мне нужно будет отправить ему отредактированную главу. Завтра мне нужно будет снова стать профессионалом, который не чувствует обиды, а просто фиксирует нарушение ритма в предложении.

Но сегодня я буду слушать.

Я вернулась к столу, надела наушники и снова нажала "play".

- Мы все - заложники своих эхо-камер, - говорил Мирон.
- Мы кричим в пустоту, надеясь, что кто-то услышит не наши слова, а то, что стоит за ними. Но правда в том, что большинство людей просто не умеют слушать. Они слышат только шум.

Я закрыла глаза. Я слышала не шум. Я слышала, как его

голос дрожит на частоте 400 Гц. Я слышала, как он сглатывает слюну между фразами. Я слышала его одиночество, запернутое в сложный синтаксис.

И где-то там, между строк, я слышала себя.

Мое тело - это высокочувствительный резонатор. И сейчас этот резонатор гудел от перенапряжения. Я чувствовала, как усталость наваливается на меня тяжелым мокрым одеялом. Мне нужна была сенсорная депривация. Мне нужно было, чтобы мир замолчал хотя бы на час.

Я выключила компьютер, разделась и легла в кровать, не включая свет. В темноте звуки стали еще отчетливее. Где-то за стеной, в сорок четвертой, хлопнула дверь. Потом слышались шаги. Раз-два, раз-два.

Он ходил по своей квартире. Он не спал.

Я лежала, уставившись в потолок, и слушала его шаги через стену. Это был мой личный концерт. Моя собственная, не отредактированная реальность.

В какой-то момент шаги затихли прямо у той стены, за которой стояла моя кровать. Я замерла. Я перестала дышать.

В этой тишине я почти чувствовала его присутствие. Казалось, если я сейчас коснусь обоев, я почувствую тепло его ладони с той стороны.

- Я тебя слышу, - прошептала я в темноту.

Мой голос прозвучал слабо и неуверенно. В нем не было никакой технической безупречности. Только голая, неприкрытая честность.

Я закрыла глаза и наконец сделала глубокий, полноценный вдох. Легкие расправились, наполняясь воздухом, как паруса. Это было больно и прекрасно одновременно.

Рано или поздно всем нам приходится вдохнуть.

Засыпая, я все еще прокручивала в голове тот момент у почтовых ящиков. Его взгляд. Его голос. И то, как он произнес мое имя.

Он знал. Он всё знал.

И это было самое пугающее и самое притягательное, что когда-либо случалось со мной в этом городе звуков.

Утром я проснулась от звука дождя, барабанившего по подоконнику. Это был хаотичный, белый шум, который обычно помогал мне сосредоточиться. Но сегодня он казался мне слишком навязчивым.

Я заварила крепкий кофе, стараясь не слушать звук закипающего чайника. Мои уши болели, словно я всю ночь провела на рок-концерте. Профессиональное выгорание или что-то другое?

Я села за работу. Мне нужно было закончить седьмую главу.

"Близость - это не когда ты касаешься кожи..."

Я слушала этот кусок снова и снова. Я вычищала каждый шорох, каждую помеху. Я делала его голос идеальным. Но чем идеальнее он становился, тем дальше он был от того человека, которого я встретила вчера.

Тот, вчерашний, был настоящим. С его дрожащими паль-

цами, с его агрессией, с его усталыми глазами. А этот, в наушниках, был лишь цифровым следом. Красивой иллюзией.

Я вдруг поняла, что ненавижу свою работу. Ненавидеть её - значит признать, что я занимаюсь ложью. Я создаю совершенство там, где его не должно быть. Я убираю жизнь, оставляя только чистый звук.

Я открыла почту и начала писать письмо.

Кому: М.Н. (псевдоним Мирона)

Тема: Глава 7

"Мирон, я закончила работу над седьмой главой. Но я оставила некоторые вдохи и паузы. Мне кажется, без них текст теряет свой ритм. Он становится слишком... искусственным. Надеюсь, вы согласитесь."

И еще. В подъезде вчера... откуда вы знаете мое имя?"

Я занесла палец над кнопкой "Отправить". Мое сердце колотилось где-то в горле. Это было нарушением всех правил. Мы не должны были переходить на личности. Я была его инструментом, он - моим материалом.

Но правила больше не работали.

Я удалила вторую часть письма. Слишком рано. Слишком опасно.

"Мирон, я закончила работу над седьмой главой. Файл во вложении."

Отправить.

Я откинулась на спинку стула и закрыла лицо руками. Я чувствовала себя опустошенной. Моя защита дала трещину,

и через неё внутрь сочился мир, который я так долго пыталась держать на расстоянии.

Через десять минут пришел ответ. Мой телефон вибрировал на столе, создавая звук, похожий на жужжание рассерженного насекомого.

"Оставьте вдохи. Вы правы, без них нет жизни. А имя... Саша, в этом доме у всех имен есть свой звук. Ваш - звучит как высокая нота, которую боятся взять, чтобы не сорваться."

Я перечитала сообщение три раза.

Это не был голос циника. Это не был голос редактора. Это был голос человека, который услышал мой внутренний гул.

Я встала и подошла к зеркалу. Я выглядела так же, как вчера. Та же бледная кожа, те же темные круги под глазами. Но внутри что-то изменилось. Словно кто-то выкрутил ручку яркости на максимум, и теперь я видела каждую деталь своей комнаты слишком отчетливо.

Я подошла к входной двери и прислушалась.

В коридоре было тихо. Но это была не пустая тишина. Это была тишина, полная ожидания.

Я положила руку на дверную ручку. Мои пальцы больше не дрожали.

Я знала, что он там. За своей дверью. И он тоже слушает.

Мы были двумя резонаторами, настроенными на одну волну. И эта волна становилась всё мощнее, угрожая разрушить всё, что мы так долго строили.

Я не открыла дверь. Еще нет.

Но я перестала задерживать дыхание.

Я дышала глубоко и ровно, позволяя звуку своего дыхания заполнить прихожую. Пусть он слышит. Пусть он знает, что я здесь. Что я живая. Что я больше не боюсь его тишины.

В этот момент я поняла одну важную вещь. Мой голос не был плоским. Он просто долгое время был приглушен моим собственным страхом.

Я вернулась в комнату, взяла микрофон и включила запись.

- Раз, два, три, - произнесла я. - Проверка связи.

Мой голос прозвучал чисто и уверенно. В нем не было фальши. В нем была я.

Я начала читать текст его седьмой главы вслух. Мой голос смешивался с его голосом, звучащим из колонок. Это был дуэт. Станный, ломаный, но удивительно гармоничный.

Мы говорили об одном и том же. О боли, о потере, о страхе близости. Но теперь это не были просто слова. Это был звук нашей общей реальности.

Я записывала себя, не заботясь о качестве, не заботясь о том, как это будет звучать при монтаже. Я просто кричала в тишину, зная, что на другом конце есть кто-то, кто способен меня услышать.

Когда я закончила, в комнате воцарилась абсолютная тишина. Но теперь она не давила на уши. Она была мягкой и теплой, как вода в бассейне после долгого заплыва.

Я сохранила файл под названием "Ответ".

Я не знала, отправлю ли я его когда-нибудь. Но сам факт его существования менял всё.

Я подошла к окну. Дождь закончился. Город умылся и теперь сиял в лучах пробивающегося солнца. Звуки стали ярче, отчетливее.

Где-то внизу засигналила машина. Кто-то громко засмеялся. Птицы запели на ветках старого тополя.

Мир продолжал звучать. И я была его частью.

Я взяла наушники и аккуратно сложила их в чехол. Сегодня я буду слушать мир своими собственными ушами. Без посредников.

Я вышла из квартиры. Мои шаги были легкими. Раз-два, раз-два. Идеальный ритм.

Проходя мимо сорок четвертой, я не замерла. Я не прислушалась. Я просто шла, зная, что он слышит мои шаги. И в этих шагах не было страха. В них была музыка.

У почтовых ящиков я снова увидела соседа. Он стоял там, прислонившись к стене, и курил, глядя в пустоту. Увидев меня, он не отвел глаз.

Он молчал.

ГЛАВА 7

Запах в студии всегда один и тот же: перегретая пыль, старая изоляция и едва уловимый аромат дешевого кофе, который въелся в обивку кресел еще в девяностые. Это запах безопасности. Здесь я бог малых частот и повелительница тишины. Я закрываю тяжелую дверь, и мир за пределами этого бетонного куба перестает вибрировать. Исчезает гул машин, скрежет трамваев на повороте, крики детей на площадке. Остается только мое дыхание - ровное, четыре счета на вдох, шесть на выдох. Рефлекс, вбитый тренером по плаванию еще в те времена, когда мои плечи были шире бедер, а хлорка заменяла парфюм. Перед погружением ты должен стать пустым сосудом. Если в легких останется лишний страх, он вытолкнет тебя на поверхность раньше времени.

Я сажусь в кресло, которое жалобно скрипит под моим весом. Этот звук - фа минор, слегка заниженный. Нужно будет смазать петли, или просто игнорировать этот дребезг. Я надеваю наушники. Кожаные амбушюры плотно обхватывают череп, создавая вакуум. Это мой скафандр. Я смотрю на монитор, где развернута партитура нового файла. Мирон прислал его полчаса назад. "Глава 8. Финал (вариант 2)". Визуально дорожка выглядит иначе, чем обычно. Амплитуда рваная, много острых пиков и длинных, почти плоских участков. Он либо очень волновался, либо пытался имитировать

естественную заминку.

Я нажимаю пробел.

В ушах оживает шорох. Это звук ткани о микрофон - он снова пренебрег поп-фильтром. Я чувствую, как у меня между лопатками пробегает холодок. Мое тело считывает его присутствие раньше, чем мозг начинает обрабатывать смысл слов. Мирон дышит. Глубоко, с едва заметным свистом в конце выдоха. Это не астма, это курение и застарелый стресс, который заставляет бронхи сжиматься. Я закрываю глаза и представляю, как он сидит там, в своей герметичной квартире номер сорок четыре, наклонившись к стойке. Его челюсть, должно быть, напряжена. Я слышу, как его зубы слегка ударяются друг о друга.

- Она была выдумкой от начала и до конца, - начинает он.

Голос Мирона сегодня звучит как виолончель, у которой лопнула одна жила. Он низкий, бархатистый, но в нем нет привычной издевательской легкости. Он не играет. Он читает текст о женщине, которую его герой создал из обрывков чужих фраз, снов и запаха мокрого асфальта. Это классический прием: спрятаться за вымыслом, чтобы сказать правду. Я фиксирую каждое колебание его связок. На слове "выдумка" частота падает до восьмидесяти герц. Он врёт сам себе. Он хочет верить, что она не существует, потому что реальность - это всегда риск.

- Я рисовал ее голос в своей голове месяцами, - продолжает запись. - Накладывал фильтры, убирал шум, пытался

добиться идеального резонанса. Но когда она заговорила по-настоящему, я понял, что вся моя библиотека звуков - это мусор. Настоящая жизнь звучит грязно. В ней есть одышка, есть сглатывание слюны, есть фальшивые ноты, от которых закладывает уши. И именно эта грязь делает ее живой.

Я чувствую, как мои собственные пальцы сжимают край стола. Мышечная память подсказывает: я на дорожке, до финиша десять метров, легкие горят, но останавливаться нельзя. Мирон на записи делает паузу. Она длится три секунды. Слишком долго для художественного чтения. Я уже тянусь к мышке, чтобы вырезать этот кусок, пометить его как технический брак, но рука замирает.

В наушниках слышен щелчок зажигалки. Потом долгий, тяжелый выдох дыма. Этого нет в сценарии. Это вторжение реальности в мою стерильную рабочую зону.

- Саш, я знаю, что ты это слушаешь, - произносит он вдруг.

Звук моего имени в его исполнении - это удар под дых. Я перестаю дышать. Мой внутренний профессор консерватории роняет палочку. Это не голос персонажа. Это голос соседа, который стоял у почтовых ящиков и смотрел на меня так, будто видел сквозь кожу. Тембр изменился. Пропала литературная округлость слов. Речь стала плоской, сухой, почти лишенной обертонов. Так говорят, когда стоят на краю обрыва.

- Хватит вырезать мои вздохи, Саш, - говорит он, и я слышу, как он усмехается. Усмешка звучит как треск сухой вет-

ки. - Ты пытаешься сделать меня идеальным. Причесываешь мой голос, убираешь все лишнее, превращаешь меня в цифровую копию человека. Тебе так проще? Тебе страшно услышать, как я на самом деле звучу, когда мне не за чем прятаться?

Я срываю наушники. Тишина студии обрушивается на меня, как тонна воды. Сердце колотится о ребра, как пойманная птица, но я заставляю себя сидеть неподвижно. Контроль. Вдох - раз, два, три, четыре. Задержка. Выдох.

Откуда он знает? Ну конечно, он автор. Он слушает финальные версии, которые я отправляю в издательство. Он сравнивает исходники со своей памятью о том, как он это записывал. Он заметил, что я методично уничтожаю любые проявления его слабости. Я вырезаю его запинания, его тяжелые вдохи, его минутные слабости, когда голос дает петуха. Я делаю из него бога, потому что с богом безопасно. Бог не придет к тебе в полночь с требованием искренности.

Я снова надеваю наушники. Руки мелко дрожат, и это меня бесит. Я - профессионал. Я - лучший звукорежиссер в этом городе, потому что я умею слушать то, чего нет. Но сейчас я слышу слишком много.

- Ты слушаешь меня по десять часов в день, - продолжает голос в наушниках. Он звучит так интимно, будто Мирон стоит прямо у меня за спиной, и его дыхание шевелит волоски на моем затылке. - Ты знаешь мой диапазон лучше, чем я сам. Ты знаешь, на какой секунде я устаю. Ты знаешь, ко-

гда я начинаю злиться. Но ты никогда не спрашиваешь, почему. Ты просто крутишь ручки эквалайзера. Знаешь, Саш, это высшая форма вуайеризма. Ты препарировешь мою душу, не глядя мне в глаза.

Я смотрю на монитор. Вейвформа на записи в этот момент превращается в хаотичное месиво. Он задел микрофон рукой. Физический контакт. Я чувствую этот звук солнечным сплетением. Мои мышцы спины сокращаются, готовясь к удару. Это старая привычка - ждать, когда отец хлопнет дверью, когда звук ключей в замке скажет: сегодня будет шторм. Но Мирон не штормит. Он просто... есть.

- Я прислал тебе этот файл не для книги, - говорит он тише. - К черту книгу. Герой во второй версии признается ей в любви, но он трус. Он говорит это женщине, которой не существует, чтобы не брать на себя ответственность. А я не хочу быть трусом. По крайней мере, не сегодня.

Я замираю. На записи слышен какой-то посторонний шум. Очень тихий, на грани восприятия. Я выкручиваю громкость на максимум, игнорируя предупреждение о вреде для слуха. В ушах начинает звенеть, но мне плевать. Я должна понять.

Этот звук... он знакомый. Ритмичный, металлический. Клик. Клик-клик.

Мой мозг лихорадочно перебирает библиотеку звуков. Это не зажигалка. Это не ручка. Это звук механической клавиатуры. И еще что-то. Короткий, чистый сигнал. Пинг.

Я чувствую, как по спине стекает капля пота. Этот "пинг" - это звук уведомления о новом письме в почтовом клиенте. В моем почтовом клиенте точно такой же звук.

Я смотрю на часы в углу монитора. Час назад я отправила в издательство письмо с правками по седьмой главе. Я добавила автора в копию, как того требовал контракт.

На записи Мирона слышен звук открывающегося письма. Тот самый характерный шелест, который издает интерфейс, когда ты кликаешь по входящему.

Это значит... это значит, что он записывал это обращение ко мне в реальном времени. Или, по крайней мере, он оставил микрофон включенным, когда пришло мое письмо.

- Ты отправила правки, - произносит он на записи. - Опять вырезала ту паузу в конце третьего абзаца? Она была важна, Саша. В этой паузе было всё, что я не смог написать. А ты ее просто стерла. Нажала "delete" и решила, что так будет чище.

Я чувствую тошноту. Это не просто профессиональное замечание. Он взломал мою систему защиты. Он залез в мою голову через аудиокабель. Я превратила его в объект исследования, в частотную характеристику, в набор битов, чтобы не чувствовать его как человека. Потому что человек - это больно. Человек - это когда отец уходит, не дослушав твою гамму. Человек - это когда тишина в квартире становится такой тяжелой, что ты начинаешь слышать гул крови в собственных венах.

- Посмотри на дорожку, - говорит Мирон. Его голос теперь

звучит почти ласково, и от этого мне становится еще страшнее. - Видишь этот пик на тридцать второй минуте? Это не шум. Это я пытаюсь произнести твое имя так, чтобы ты не смогла его отредактировать.

Я перематываю запись на 32:00. Там действительно есть странный всплеск. Я увеличиваю масштаб до миллисекунд. Визуально это выглядит как взрыв. Я нажимаю "loop" - закливаю этот участок.

- Саш... Саш... Саш... - повторяет программа.

В его голосе на этом участке столько обертонов, что у меня начинает кружиться голова. Это не просто звук. Это вибрация, которая входит в резонанс с моими костями. Он произносит мое имя не губами, а гортанью, выталкивая воздух из самой глубины легких. Так звучит признание, которое невозможно подделать. Это искренность в чистом виде, без примесей, без компрессии.

Я закрываю лицо руками. Наушники продолжают давить на виски. Я слышу, как в записи он отодвигает стул. Слышу его шаги по комнате. Раз-два, раз-два. Хромой ритм. Он припадает на левую ногу? Или это просто особенность паркета в сорок четвертой квартире?

Я вспоминаю его у почтовых ящиков. Он стоял, прислонившись к стене, и в его позе была какая-то странная надломленность. Будто он - это старый инструмент, который долго держали в сыром подвале, и теперь его дерево ведет от каждого изменения температуры.

- Я знаю, что ты сейчас делаешь, - произносит голос в наушниках. Он звучит тише, он отошел от микрофона. - Ты анализируешь мой тембр. Ты пытаешься понять, не издеваюсь ли я над тобой. Ты ищешь фальшь, потому что так ты привыкла выживать. Но здесь нет фальши, Саша. Только физика. Мои связки вибрируют на частоте, которую ты не можешь заглушить.

Я резко останавливаю запись. В студии становится так тихо, что я слышу работу кулера в системном блоке. Это ровный, монотонный шум, белый шум, который должен успокаивать. Но он меня бесит. Я хочу, чтобы всё замолчало. Я хочу абсолютной сенсорной депривации. Чтобы не было ни звуков, ни запахов, ни воспоминаний о том, как мой отец закрыл дверь, и звук его шагов затих навсегда, оставив меня в вакууме.

Я встаю и начинаю ходить по студии. Мои движения резкие, дерганные. Я все еще чувствую себя пловцом, который сбился с ритма в середине бассейна. Вода заливается в нос, легкие горят, а дно кажется бесконечно далеким.

Почему он это сделал? Это игра? Он знает, что я влюблена в его голос. Он не может этого не знать. Вся моя работа над его книгами - это одно длинное, зашифрованное признание. Я вылизываю каждый звук, я создаю для него идеальную акустическую среду, я строю для него храм из звуковых волн. И он решил войти в этот храм и разбить все окна.

Я подхожу к окну студии. Оно выходит во внутренний

двор, заставленный мусорными баками и старыми иномарками. Город продолжает звучать. Где-то вдалеке воеет сирена скорой помощи - до-диез, си-бемоль. Кто-то разгружает ящики в магазине на первом этаже. Ритм рваный, неприятный. Мир - это сплошная какофония, и я всю жизнь пыталась найти в ней гармонию. А Мирон говорит, что гармония - это ложь.

Я возвращаюсь к пульту. Мне нужно дослушать. Я должна знать, чем заканчивается этот файл. Это мой профессиональный долг. И мой личный ад.

Я снова надеваю наушники.

- Саш, - его голос теперь совсем близко. Он, должно быть, сел обратно и почти касается губами микрофона. Я слышу влажный звук его губ. - Приходи сегодня вечером. Квартира сорок четыре. Не приноси наушники. Просто приди и послушай, как звучит тишина в моей комнате. Она тебе не понравится. Она дырявая и холодная. Но это моя тишина. И я хочу поделиться ею с тобой.

Запись обрывается. Резко, без затухания. Просто тишина.

Я сижу, не шевелясь. Перед глазами плывут цветные пятна. Мое тело - это высокочувствительный резонатор, и сейчас он перегружен. В солнечном сплетении нарастает тяжесть, будто я проглотила кусок свинца. Это не страх. Это что-то другое. Это предчувствие погружения в воду, температура которой мне неизвестна.

Я смотрю на вейвформу. В самом конце, после его слов,

есть крошечный хвостик. Несколько секунд записи, которые он забыл обрезать. Или не забыл.

Я увеличиваю громкость до предела.

На фоне слышен звук открывающегося окна. И далекий, едва различимый шум города. А потом... потом я слышу голос. Женский голос.

- Мирон, ты скоро? - спрашивает кто-то.

Голос звучит глухо, она в другой комнате. Но я узнаю этот тембр. Это не "выдуманная женщина". Это реальный человек.

Звук на записи прерывается коротким, резким щелчком. Конец файла.

Я чувствую, как у меня каменеют мышцы шеи. Мой внутренний критик, этот строгий профессор, внезапно замолкает. Ему больше нечего сказать. Фальшь? Нет, это была не фальшь. Это было нечто более сложное. Многослойная дорожка, где правда перемешана с ложью в таких пропорциях, что их невозможно разделить даже самым мощным фильтром.

Он звал меня к себе, зная, что в соседней комнате кто-то есть? Или это запись была сделана раньше? Но как тогда быть со звуком письма, которое пришло час назад?

Я начинаю анализировать. Мой мозг переходит в режим деконструкции. Так проще. Если я превращу это в техническую задачу, я не сойду с ума.

Итак. Звук письма - настоящий. Я видела время отправки.

Его слова о моих правках - актуальны. Значит, он записывал это буквально сорок минут назад. Женский голос в конце... Откуда он взялся?

Может быть, это телевизор? Нет, слишком естественные обертоны. Слишком живое пространство вокруг звука. Она была там, в квартире номер сорок четыре.

Я чувствую, как во мне закипает ярость. Это чистая, техническая ярость звукорежиссера, которого пытаются обмануть дешевым спецэффектом. Он играл на моих чувствах, как на расстроенном пианино. Он использовал мое имя, мою травму, мою потребность в искренности, чтобы... зачем? Чтобы поиздеваться? Чтобы проверить, насколько глубоко я могу заглотить наживку?

Я хватаю телефон. Пальцы не слушаются, я промахиваюсь по буквам. Мне хочется написать ему всё, что я думаю о его "тишине" и его "искренности". Но я замираю.

Если я напишу, я проиграю. Я покажу, что его голос имеет надо мной власть. Что я не просто "уши" этого проекта, а живая мишень.

Я глубоко вдыхаю. Раз, два, три, четыре.

Я должна еще раз прослушать тот фрагмент с женским голосом. Мне нужно понять расстояние до микрофона. Мне нужно понять, была ли это случайность или намеренная вставка.

Я снова и снова прокручиваю последние секунды.

- Мирон, ты скоро?

Голос высокий, звонкий. В нем нет той глубины, которую Мирон приписывал своей "выдуманной женщине". Это обычный, скучающий голос. Голос человека, который ждет ужина или хочет пойти гулять.

И тут я слышу это.

Между ее вопросом и концом записи есть еще один звук. Крошечный, почти невидимый на спектрограмме.

Это вздох Мирона. Но не тот тяжелый, театральный вздох, который был в начале. Это короткий, сухой звук. Смирение. Или усталость.

Я закрываю программу. Экран гаснет, отражая мое бледное лицо. В темноте студии я выгляжу как привидение. Мои глаза кажутся огромными провалами.

Я встаю, собираю вещи. Мои движения теперь медленные, как под водой. Я чувствую давление среды. Город за дверью студии ждет меня со своими фальшивыми звуками и невыносимой громкостью.

Я выхожу из здания. Воздух кажется слишком резким, он пахнет гарью и дождем. Я иду к метро, но на полпути останавливаюсь.

Квартира сорок четыре.

Она находится в трех кварталах отсюда. Я знаю этот маршрут наизусть, хотя никогда не заходила к нему. Мы соседи по дому, но мы живем в разных акустических реальностях. Моя реальность - это тишина и контроль. Его - это слова и маски.

Я ловлю себя на том, что считаю свои шаги. Раз-два, раз-два. Это успокаивает. Ритм - это единственное, чему можно доверять. Если ты держишь ритм, ты не утонешь.

Я дохожу до нашего дома. Сталинка с высокими потолками и толстыми стенами, которые должны бы поглощать звуки, но на самом деле они их хранят. Я захожу в подъезд. Запах старого дерева и пыли.

Я поднимаюсь на свой этаж, но не останавливаюсь. Мои ноги сами несут меня выше. К сорок четвертой.

Я стою перед его дверью. Она массивная, дубовая, оббитая кожей. Хорошая звукоизоляция. Сквозь нее ничего не слышно.

Я прижимаюсь ухом к прохладной поверхности. Мое тело превращается в один большой слуховой аппарат. Я задерживаю дыхание.

Там, за дверью, что-то происходит. Глухой стук. Смех? Нет, это не смех. Это звук работающего телевизора. Диктор читает новости - монотонный, лишенный эмоций голос, прошедший через тысячи фильтров сжатия.

И вдруг - звук разбитого стекла.

Он резкий, диссонирующий. Он прорезает тишину подъезда, как нож. Я вздрагиваю. Мышцы спины снова сводит судорогой.

- Черт! - слышу я мужской голос. Мирон.

Потом тишина. Долгая, звенящая тишина.

Я стою, не в силах пошевелиться. Моя рука занесена для

стука, но я не решаюсь. Что я ему скажу? "Я слышала, как ты разбил стакан на записи, которую ты мне прислал, где ты признавался мне в любви, пока твоя девушка была в соседней комнате"? Это звучит как бред сумасшедшей.

Я медленно опускаю руку.

В этот момент дверь открывается.

Мирон стоит на пороге. Он выглядит хуже, чем я представляла. Волосы всклокочены, на нем старая растянутая футболка, в руках - совок с осколками. Он смотрит на меня, и в его глазах нет ни удивления, ни иронии. Только бесконечная, оглушительная усталость.

- Ты пришла, - говорит он. Его голос в жизни звучит тише, чем в наушниках. В нем меньше басов, но больше того самого дребезжания, которое я всегда пыталась вырезать.

- Я дослушала файл, - говорю я. Мой собственный голос кажется мне чужим. Он звучит плоско и напряженно.

Мирон отступает вглубь прихожей, приглашая меня войти.

- И как? - спрашивает он, высыпая осколки в мусорное ведро у входа. - Слишком много высоких частот?

- В конце был голос, - я прохожу внутрь. Квартира пахнет так же, как и его записи: старой бумагой и табаком. Но здесь есть еще один запах. Запах жареного лука. Это так бытово и так не вяжется с его образом загадочного автора, что мне хочется рассмеяться.

Мирон замирает. Он смотрит на ведро, потом на меня.

- Голос? - переспрашивает он.

- Женский голос. Она спросила, скоро ли ты.

Он молчит. Секунду, две, три. Я считаю его паузы как профессиональный деформатор. Это длинная пауза. Она означает замешательство.

- А, это... - он проводит рукой по лицу. - Это сестра. Она заезжала забрать свои вещи. Переезжает к парню.

Я чувствую, как напряжение в моих плечах начинает медленно отпускать. Сестра. Просто сестра. Мой мозг тут же начинает перестраивать картину мира. Все обертоны встают на свои места. Скучающий тон, отсутствие интимности в ее голосе - всё сходится.

- Почему ты не вырезал это? - спрашиваю я, проходя в комнату.

Там стоит его рабочее место. Микрофон на стойке, обмотанный каким-то шарфом вместо поп-фильтра. Ноутбук. Куча бумаг. Всё выглядит на удивление обычным. Не храм звука, а просто нора человека, который пытается что-то сказать миру.

- Я хотел, чтобы ты услышала всё, - он подходит к окну. - Без редакции. Со всеми моими разбитыми стаканами и приходами родственников. Саш, я устал быть "Голосом". Я хочу быть просто человеком, который иногда лажает.

Я подхожу к его столу. На экране монитора открыта та самая программа, в которой работаю я. Я вижу дорожку. Вижу те самые пики, которые я анализировала в студии.

- Ты знаешь, что твое имя на этой записи звучит как взрыв? - тихо говорю я.

Мирон поворачивается ко мне. Свет от окна падает на его лицо, подчеркивая морщины у глаз. Он не красавец в классическом смысле. Его лицо слишком асимметрично. Но для меня это идеальная геометрия.

- Это потому, что это и был взрыв, - он делает шаг ко мне. - Внутри меня. Саш, я не умею говорить правду в лицо. У меня сразу перехватывает дыхание, я начинаю фальшивить, я превращаюсь в идиота. Но когда я перед микрофоном... мне кажется, что я могу быть честным. Потому что я знаю, что ты там, на другом конце провода. Что ты услышишь даже то, что я побоюсь произнести.

Я смотрю на него и чувствую, как мой внутренний профессор консерватории окончательно сдается. Он закрывает партитуру и уходит со сцены. Остаюсь только я. Саша, которая когда-то умела задерживать дыхание на две минуты, но сейчас не может продержаться и десяти секунд.

- Я слышу тебя, Мирон, - говорю я.

Он делает еще один шаг. Теперь он совсем рядом. Я чувствую тепло его тела. Его ритм дыхания не совпадает с моим, но это не вызывает раздражения. Это создает сложный, синкопированный ритм. Джаз.

- Без наушников я звучу хуже? - шепотом спрашивает он.

Я протягиваю руку и касаюсь его щеки. Кожа шероховатая, теплая. Мои пальцы чувствуют вибрацию его голоса да-

же тогда, когда он молчит.

- Ты звучишь... по-настоящему, - отвечаю я.

Он наклоняется к моему уху.

- Тогда слушай, - выдыхает он.

И в этой тишине его квартиры, среди запаха жареного лука и разбитых стаканов, я впервые за много лет перестаю анализировать частоты. Я просто слушаю.

Его сердце бьется в ритме восемьдесят ударов в минуту. Мое - ускоряется, пытаюсь подстроиться. Это не идеальная гармония, которую я создавала в студии. Это что-то гораздо более сложное. Это жизнь, в которой есть шум, есть искажения, есть перегрузки.

Мирон берет меня за руку. Его ладонь сухая и горячая. Он ведет меня к дивану, заваленному книгами. Мы садимся, и я чувствую, как проседают пружины. Си минор. Снова фальшивит. Но мне наплевать.

- Расскажи мне про своего отца, - говорит он вдруг.

Я вздрагиваю. Мышцы спины напрягаются. Это запретная территория. Это зона, где звук всегда превращается в боль.

- Откуда ты... - начинаю я.

- Я слышу это в твоих письмах, Саш. В том, как ты вырезаешь паузы. Ты боишься тишины, потому что в ней ты ждешь, что кто-то уйдет. Ты забиваешь каждый миллиметр пространства идеальным звуком, чтобы не слышать шагов в коридоре.

Я смотрю на свои руки. Они кажутся мне чужими. Тон-

кие, длинные пальцы пианистки, которая так и не закончила консерваторию.

- Он ушел, когда мне было десять, - говорю я. Голос звучит глухо, будто я под водой. - Я помню только звук его ключей. Он всегда клал их на тумбочку с таким особенным звоном. По этому звону я знала, в каком он настроении. А потом один раз звона не было. Он просто закрыл дверь. Очень тихо. Тишина была такой страшной, что я до сих пор не могу ее простить.

Мирон притягивает меня к себе. Я утыкаюсь лбом в его плечо. Его футболка пахнет стиральным порошком и чем-то еще, очень личным.

- Я здесь, - говорит он. - И я не собираюсь уходить тихо. Если я соберусь уйти, я буду орать,

ГЛАВА 8

Я закрываю за собой дверь, и звук замка - сухой, колючий щелчок - ставит точку в этом затянувшемся треке. В прихожей пахнет пылью и моим собственным ожиданием, которое за день прокисло, как забытое в чашке молоко. Я не включаю свет. В темноте моя квартира кажется более честной, лишенной визуального мусора, всех этих стопок звуковых карт, перепутанных кабелей и немых кружек, которые днем вопят о моей неустроенности. Сейчас здесь только акустика. Я замираю, прислонившись затылком к холодному дереву двери, и слушаю, как затихает эхо моих собственных шагов. Мой внутренний профессор, тот самый старый хрыч из консерватории с вечно поджатыми губами, недовольно хмыкает где-то в районе темени. Он говорит, что мой темп сбив, что я сфальшивила в последней фразе, когда сказала Мирону про отца. Слишком много воздуха в голосе, Саша. Слишком много субтона. Ты не исповедуешься, ты записываешь подкаст, так держи контроль.

Я стягиваю кроссовки, не развязывая шнурков. Мои ступни касаются ламината, и я чувствую вибрацию холодильника через пятки. Пятьдесят герц. Стабильный, низкий гул, который обычно я не замечаю, но сегодня он кажется мне агрессивным. Он забивает частотный диапазон, в котором я пытаюсь переварить слова Мирона. Буду орать. Он так и сказал. В

его голосе в этот момент был такой странный обертон, какой бывает у перетянутой струны прямо перед тем, как она лопнет и хлестнет тебя по пальцам. Я знаю этот звук. Это звук предельного напряжения, когда металл уже не выдерживает, но дерево инструмента еще держит строй.

Я иду в ванную, ориентируясь по памяти и по едва заметному отблеску уличного фонаря, пробивающемуся сквозь щель в занавесках. Мое тело двигается на автопилоте, сохраняя ту же инерцию, что и в бассейне десять лет назад. Плечи опущены, дыхание ровное, на четыре счета. Вдох - раз, два, три, четыре. Задержка. Выдох. Спортивное плавание приучило меня к тому, что кислород - это ресурс, который нужно дозировать, а не тратить на панику. Когда ты на середине дорожки, и твои легкие начинают гореть, ты не имеешь права на лишний вдох. Ты просто продолжаешь грести, глядя на синюю линию на дне, которая обещает тебе конец мучений, если ты будешь достаточно дисциплинированной.

Я открываю краны. Звук воды, бьющей в чугунное дно ванны, заполняет пространство белым шумом. Это идеальный звук. В нем есть все частоты сразу, и поэтому он не значит ничего. Он стирает смыслы, вымывает из головы остатки чужих интонаций. Я стою и смотрю, как поднимается пар. Ванная комната - это мой изоляционный бокс. Здесь стены облицованы плиткой, которая отражает звук так жестко, что кажется, будто ты находишься внутри огромного колокола. Время реверберации здесь слишком длинное для жизни, но

идеальное для того, чтобы оглохнуть окончательно.

Я раздеваюсь, чувствуя, как одежда падает на пол с мягким, глухим звуком. Хлопок, синтетика, металлическая молния джинсов. Каждый звук имеет свой вес. Я вхожу в воду, и она обволакивает меня, принимая мое тело, как старый, хорошо знакомый гидрокостюм. Мои мышцы спины, вечно напряженные, словно я жду удара или резкого окрика тренера, начинают медленно сдаваться. Вода теплая, почти горячая, на грани дискомфорта, но именно это мне сейчас и нужно. Физическая боль от жара перекрывает ментальный зуд.

Я медленно погружаюсь, пока вода не доходит до подбородка, а затем - до самых ушей. Один рывок, и я ухожу под поверхность.

Мир меняется мгновенно.

Воздушная акустика исчезает. Теперь я слышу костную проводимость. Мой собственный пульс превращается в тяжелый, глухой бас-барабан. Тук - тук. Тук - тук. Это ритм, который невозможно подделать или отредактировать. Это мой внутренний метроном. Под водой звук распространяется в пять раз быстрее, чем в воздухе, но для человека он превращается в неразборчивый гул. Я слышу, как где-то в недрах дома шумят трубы, как по ним бежит вода, превращаясь в стоны и скрежет металла. Это звучит как индустриальный эмбиент, как музыка заброшенных заводов.

Я закрываю глаза. Теперь я не вижу и не слышу ничего, кроме самой себя.

В этом состоянии депривации мой мозг начинает подсовывать мне фантомные звуки. Это старая ловушка: когда ты отсекаешь внешние стимулы, внутренний редактор начинает сходить с ума. Я слышу голос Мирона. Не тот, который был сегодня на улице, а тот, из наушников. Его студийный голос. Он звучит чисто, без искажений, с идеально выверенным компрессором.

- Тишина - это тоже звук, Саш, - говорит он мне прямо в черепную коробку. - Просто ты не умеешь его слушать.

Я задерживаю дыхание. Мои легкие, привыкшие к большим объемам, начинают медленно сжиматься. В солнечном сплетении рождается знакомое чувство - смесь азарта и страха. Это то самое место, где я чувствую ложь. Когда кто-то врёт, у меня там будто натягивается тонкая леска. Мирон не врал, когда говорил, что будет орать. Но в его честности была угроза. Не мне, а ему самому. Он защищается своей искренностью, как щитом, утыканным шипами. Ты хочешь подойти ближе, ты хочешь услышать его настоящий тембр, но рискуешь напороться на эти шипы и истечь кровью под музыку его метафор.

Мой отец тоже умел так делать. Он не орал. Он просто исчезал в звуке. Его уход был мастерски сведенным треком, где громкость плавно уходила в ноль, пока не остался только шум эфира. Я помню тот день до мельчайших акустических деталей. Мама гремела посудой на кухне - это был резкий, диссонирующий звук, фарфор о гранит. Она пыталась

заглушить предчувствие. А отец... он просто взял ключи. Тот самый звон. Четыре ключа на стальном кольце. Ля-диез, си, ре, фа-диез. Неправильный аккорд. Тревожный. Он положил их на тумбочку небрежно, и они еще секунду вибрировали, прежде чем замолкнуть. А потом дверь. Он не хлопал ей. Он закрыл ее так осторожно, что замок щелкнул почти нежно. Клик. И все. Весь мой мир схлопнулся до этого клика.

Я вынырываю, жадно глотая воздух. Вода стекает по лицу, попадает в рот - соленая, как слезы, хотя я не плачу. Я просто слишком долго была под водой. Мои уши заложены, и мир вокруг кажется ватным. Я сижу в ванне, обхватив колени руками. Моя кожа покраснела от горячей воды, и я чувствую, как пульсируют кончики пальцев. Я смотрю на кафельную стену перед собой. В швах между плиткой скопилась едва заметная плесень. Микроскопический хаос в моем стерильном мире.

И тут гаснет свет.

Это происходит не так, как в кино, когда лампочка сначала мигает, предупреждая о беде. Свет просто выключается. Щелк - и тьма. Но страшнее всего не отсутствие фотонов. Страшнее то, что вместе со светом умирает гул холодильника. Умирает шум вытяжки. Исчезает та самая пятидесятигерцовая подушка, на которой держалось мое спокойствие.

Наступает абсолютная тишина.

Такая тишина бывает только в звукозаписывающих студиях высокого класса, в камерах, где стены поглощают девяно-

сто девять процентов звука. Но там ты знаешь, что за стеклом сидит звукорежиссер, что ты можешь нажать на кнопку и услышать в наушниках человеческий голос. Здесь, в моей ванной, за стеклом нет никого. Только тьма, которая кажется плотной, как акустический поролон.

Я замираю. Мое дыхание становится громким, как шум прибора. Я слышу, как воздух проходит через мои ноздри, как он бьется о стенки гортани. Это ужасающе интимный звук. Я чувствую себя голым микрофоном, выставленным на середину пустой площади в три часа ночи. Каждая моя мысль кажется мне теперь слишком громкой, слишком выраженной.

В этой тишине мои защитные паттерны начинают рассыпаться. Я больше не редактор. Я не могу анализировать частотные характеристики темноты. Я просто Саша, которой почти тридцать, и которая до смерти боится, что тишина - это ее естественное состояние. Что весь этот шум, все эти записи, голоса, подкасты и работа - это просто попытка заглушить внутреннюю пустоту, в которой нет никакого звука, кроме эха отцовского ухода.

Я чувствую, как в темноте мои желания начинают обретать форму. Это не романтические мечты о прогулках под луной. Это что-то более примитивное, физиологическое. Я хочу, чтобы кто-то нарушил эту тишину. Я хочу, чтобы Мирон был здесь, не в наушниках, не в виде аудиофайла, а живым, дышащим телом. Я хочу слышать его рваный ритм дыхания рядом со своим. Я хочу почувствовать, как его голос

резонирует в моей грудной клетке, когда он говорит что-то неважное, бытовое.

Мне страшно от этой мысли. Это потеря контроля. Это значит признать, что моих фильтров и эквалайзеров недостаточно, чтобы выстроить идеальную жизнь. Что я не справляюсь с тишиной в одиночку.

Я пытаюсь нащупать край ванны. Мои пальцы скользят по мокрой поверхности. Движения кажутся мне замедленными, как при съемке с высокой частотой кадров. Я боюсь сделать лишний всплеск, боюсь нарушить эту стерильную пустоту. Темнота давит на глазные яблоки, вызывая искры - фосфены. Кажется, что если я сейчас заговорю, мой голос будет звучать плоско и чуждо, как запись на старую кассету, которую слишком много раз перематывали.

Интересно, Мирон сейчас тоже в темноте? Или он пишет? Его дом наверняка питается от другой линии. Я представляю его в свете настольной лампы. Его пальцы бегают по клавишам - сухой, ритмичный стук, похожий на град по жестяной крыше. Он прячется за псевдонимом, за своими короткими, рублеными фразами. Он боится открытости так же сильно, как я боюсь тишины. Мы два инвалида восприятия, пытающиеся собрать общую картину мира из обрывков аудиозаписей.

Я медленно выбираюсь из воды. Капли падают на пол. Кап. Кап. Кап. Это звучит как обратный отсчет. Мое тело кажется мне тяжелым, неповоротливым. Без воды я снова чув-

ствую гравитацию и груз всех тех слов, которые мы не сказали друг другу. Я нащупываю полотенце, его грубая текстура раздражает распаренную кожу. Каждое прикосновение - это сенсорный удар. В отсутствие зрения остальные чувства обостряются до предела. Я чувствую запах сырости, запах мыла, запах собственного страха, который пахнет чем-то металлическим, как медь.

Я выхожу из ванной, вытянув руки перед собой. Квартира превратилась в лабиринт. Я иду по коридору, и мои голые пятки липнут к ламинату. Этот звук - чмок, чмок - кажется мне неприличным. Я дохожу до спальни и сажусь на кровать. Пружины матраса отзываются коротким скрипом. До-диез второй октавы. Инструмент расстроен.

Я сижу и жду. Жду, когда дадут свет, когда оживет холодильник, когда мир снова станет предсказуемым и зашумленным. Но тишина не уходит. Она заполняет углы комнаты, она забирается под одеяло. Она заставляет меня слышать то, от чего я бегу весь день.

Я слышу, как я хочу его.

Это желание не звучит как скрипичное соло. Оно звучит как низкочастотный гул, который заставляет вибрировать внутренние органы. Это инфразвук, который нельзя услышать ушами, но от которого начинается беспричинная паника. Я хочу сорвать с него эту маску циника, хочу вытащить его из его оборонительных рвов, хочу заставить его замолчать или орать - не важно, лишь бы это было по-настоящему.

Без метафор. Без интеллектуальной брони.

Я обхватываю себя руками. Мои плечи все еще помнят тяжесть его рук, хотя он едва меня касался. Мышечная память - самая честная вещь на свете. Ты можешь убедить себя в чем угодно, но твои мышцы помнят, как они расслабились в его присутствии, как они перестали ждать удара. Это предательство собственного тела. Я, профессионал по выявлению фальши, пропустила тот момент, когда мой собственный резонанс настроился на его частоту.

В темноте я кажусь себе огромным, пустым залом консерватории, в котором кто-то забыл выключить свет на сцене. Я жду выступления, которого не будет. Я жду звука, который не придет.

И в этот момент, когда отчаяние уже готово перерасти в физическую боль, я слышу это.

Звук идет не из моей головы. И не из моей квартиры.

За стеной, там, где живет мой сосед, которого я никогда толком не видела, раздается тихий, приглушенный смех.

Это не тот смех, который слышишь в комедийных шоу. Это не громкое ха-ха. Это короткий, горловой звук, полный искреннего, почти детского удовольствия. Он длится не больше секунды, но в этой абсолютной тишине он звучит как взрыв. В нем столько обертонов, столько жизни, что у меня перехватывает горло. Это звук человека, который счастлив сам по себе, в темноте, без свидетелей.

Смех обрывается так же резко, как и начался. И снова на-

ступает тишина. Но теперь она другая. Она больше не пустая. Она наполнена этим коротким звуковым следом, который застрял у меня в ушах, как заноза.

Я замираю, вслушиваясь в стену. Мое сердце колотится так сильно, что я боюсь, сосед услышит его через кирпичную кладку. Мой внутренний профессор молчит. Он не знает, как классифицировать этот смех. В нем не было фальши. В нем не было техники. Это был чистый звук бытия.

Я чувствую, как по моей спине пробегает дрожь. Не от холода, хотя в комнате стало прохладно. Это микросокращения мышц, мой резонатор отозвался на чужую искренность. Я сижу в темноте, на краю своей кровати, и понимаю, что я завидую этому звуку за стеной. Я завидую человеку, который может просто смеяться в пустоту, не пытаясь ее записать, отредактировать или проанализировать.

Мирон был прав. Я боюсь тишины, потому что в ней я жду, что кто-то уйдет. Но сейчас, в этой тьме, я вдруг понимаю: тишина - это не только отсутствие звука. Это пространство, в котором звук может родиться.

Я ложусь на кровать, не накрываясь. Темнота больше не кажется мне плотной. Она кажется мне прозрачной. Я закрываю глаза и пытаюсь воспроизвести этот смех у себя в голове. Я деконструирую его: атака была резкой, середина - теплой, затухание - мгновенным. Но за этими терминами скрывается что-то, что не поддается оцифровке.

Я засыпаю под аккомпанемент собственного дыхания, и

мне кажется, что я снова в бассейне. Я плыву в бесконечном пространстве, где нет дорожек, нет синей линии на дне и нет тренера с секундомером. Есть только я и этот гулкий, вибрирующий мир, где каждый мой вдох превращается в музыку.

Просыпаюсь я от того, что свет снова горит. Лампочка в коридоре режет глаза, а холодильник радостно завывает на своей любимой частоте. Мир вернулся в свои границы. Я встаю, чувствуя во рту неприятный привкус и тяжесть в голове. Все мысли, которые казались такими важными ночью, при свете пятидесятиваттной лампы выглядят нелепо. Какое желание? Какой инфразвук? Саш, ты просто переутомилась. Тебе нужно сдать проект и взять отпуск.

Я иду на кухню, чтобы выпить воды. Прохожу мимо зеркала и мельком вижу свое отражение. Бледная кожа, растрепанные волосы, глаза, в которых все еще плещется ночная тьма. Я выгляжу как человек, который видел привидение. Или как человек, который впервые услышал правду о самом себе.

Я наливаю воду в стакан. Звук льющейся струи кажется мне чересчур громким. Я морщусь. Моя чувствительность сегодня выкручена на максимум. Я как усилитель, у которого перегрелись лампы: еще немного, и пойдет искажение звука.

Я сажусь за стол и открываю ноутбук. Он просыпается с характерным коротким жужжанием кулера. Я захожу в папку с записями Мирона. Рука сама тянется к файлу, который я редактировала вчера.

Я надеваю наушники. Мир мгновенно сужается до двух амбушюр, плотно прижатых к ушам. Я жму на пробел.

- ...потому что в ней ты ждешь, что кто-то уйдет, - звучит голос Мирона.

Я слушаю эту фразу снова и снова. Десять раз. Двадцать. Я ищу ту самую фальшь, которую мой внутренний профессор обнаружил ночью. Но ее нет. Есть только усталость и странная, почти болезненная нежность в интонации.

Я закрываю глаза и прислоняюсь лбом к холодному пластику ноутбука.

- Я здесь, - шепчет его голос в моих ушах. - И я не собираюсь уходить тихо.

Я чувствую, как в моем солнечном сплетении что-то расслабляется. Леска, которая была натянута все эти годы, вдруг лопается. Но боли нет. Есть только странное облегчение, как после долгого заплыва, когда ты наконец касаешься бортика и понимаешь, что можешь просто дышать.

Я открываю глаза и смотрю на стену, за которой ночью смеялся сосед. Теперь там тихо. Наверное, он ушел на работу или просто спит. Я не знаю его имени, я не знаю, как он выглядит. Но его смех спас меня от моей собственной тишины.

Я возвращаюсь к работе. Мои пальцы летают по клавишам, вырезая лишние вздохи, убирая шумы, выравнивая уровни. Я делаю свою работу так же методично, как раньше гребла в бассейне. Но теперь внутри меня звучит не только метроном. Там есть место для случайного смеха, для невер-

ного аккорда ключей и для голоса человека, который обещал орать, если соберется уйти.

Я больше не боюсь тишины. Я просто жду следующего звука.

Но день тянется, как плохо сведенная баллада. К полудню акустика квартиры начинает меня раздражать. Гул города за окном - этот неразборчивый фарш из автомобильных шин, сирен и далекого гула метро - просачивается сквозь стеклопакеты, как вода сквозь плохую дамбу. Я пытаюсь сосредоточиться на новой главе, которую прислал Мирон, но слова не складываются в смыслы. Я слышу только технические огрехи: вот здесь он слишком близко подошел к микрофону, и низкие частоты начали бубнить, а здесь он резко повернул голову, и панорама сместилась вправо.

Мой внутренний критик сегодня особенно язвителен. Он расхаживает по моей голове в своих лакированных туфлях и стучит тростью по стенкам черепа. Слишком много грязи, Саша. Ты теряешь хватку. Почему ты не вырезала этот щелчок на третьей минуте? Ты что, влюбилась?

Я вздрагиваю от этой мысли. Влюбиться в голос - это профессиональная деформация, это как если бы патологоанатом влюбился в идеальный разрез. Это нелепо. Я люблю не человека, я люблю качество сигнала. Я люблю то, как его голос заполняет частотный спектр, не оставляя пустых мест. Так я себе говорю.

Я встаю и начинаю ходить по комнате. Мои движения рва-

ные, несинхронные. Я чувствую, как в мышцах копится напряжение. Мне нужно в бассейн. Мне нужно это чувство невесомости и предсказуемого сопротивления воды, чтобы сбросить этот акустический морок.

В бассейне пахнет хлоркой - этот запах для меня роднее, чем запах духов. Он пахнет дисциплиной и отсутствием выбора. В раздевалке стоит гул голосов, хлопанье дверей шкафчиков, визг фенов. Для обычного человека это шум, для меня - сложная полифоническая композиция. Я различаю тембры: вот эта женщина с низким, прокуренным альтом жалуется на давление, а вон та девочка с тонким, капризным сопрано не хочет надевать шапочку.

Я надеваю купальник, чувствуя, как ткань впивается в плечи. Мое тело в зеркале выглядит функциональным. Ничего лишнего. Широкие плечи, узкие бедра, длинные мышцы. Я машина для перемещения в жидкой среде. Я выхожу к дорожкам. Звук в бассейне - это отдельный вид пытки. Огромное пространство с высоким потолком и кафельными стенами создает невероятную реверберацию. Каждый всплеск воды отражается тысячи раз, превращаясь в сплошной гул. Это акустический хаос, который я обычно ненавижу.

Но сегодня я ищу его. Я хочу утопить в этом хаосе голос Мирона.

Я встаю на тумбочку. Мои пальцы ног цепляются за шершавый край. Вдох на четыре счета. Раз, два, три...

Прыжок.

Вход в воду - это идеальный звук. Хлыст. Резкий, короткий удар, за которым следует мгновенная тишина под водой. Я скольжу, вытянув руки, чувствуя, как вода обтекает мое тело. Мое сопротивление минимально. Я - торпеда. Я - звук, запущенный в пустоту.

Я начинаю плыть кролем. Ритм дыхания становится моим единственным ориентиром. Поворот головы - вдох. Рука входит в воду - выдох. Всплеск, всплеск, всплеск. Мои мышцы работают синхронно, как хорошо отлаженный механизм. Я чувствую, как из головы вымываются лишние мысли. Остается только физика. Сопротивление воды, объем легких, сила гребка.

На третьем километре я начинаю ловить тот самый транс. Это состояние, когда ты больше не чувствуешь своего тела. Ты становишься частью потока. Звук воды в ушах превращается в монотонный гул, похожий на шум работающего двигателя самолета. В этом шуме нет слов, нет смыслов, нет страхов. Только чистое движение.

Я плыву и думаю о том, что Мирон - это тоже вода. Он кажется твердым, как лед, со своими короткими фразами и иронией, но внутри него течет что-то темное, глубокое и непредска

ГЛАВА 9

Я выхожу из лифта, и в ушах все еще стоит этот плотный, ватный гул хлорированной воды. Когда ты проводишь в бассейне два часа, мир после него кажется выкрученным на минимум по высоким частотам. Стены подъезда отражают звук моих шагов слишком гулко, слишком фальшиво. Я иду по кафелю, и мои кроссовки издают этот противный, хлюпающий звук, хотя я вытерлась насухо. Это фантомное ощущение влаги. Тело все еще помнит сопротивление среды, оно все еще сгруппировано, как перед прыжком с тумбы. Мышцы спины натянуты, лопатки сведены. Мой внутренний профессор консерватории брезгливо морщится: Александра, вы заваливаете ритм, расслабьте диафрагму. Но я не могу. Моя диафрагма - это замок, на который заперты все лишние децибелы этого дня.

В квартире меня встречает тишина. Но это не та лечебная тишина, за которой я охочусь. Это техническая пауза. В ней нет воздуха. Я бросаю сумку с мокрым купальником прямо у двери. Запах хлорки моментально заполняет прихожую, вступая в конфликт с моим дорогим парфюмом, который пахнет старой бумагой и сухим деревом. Конфликт частот. Я тянусь к выключателю, и в этот момент мир просто выключается.

Щелчок. Но не света, а чего-то внутри системы. Звук об-

рыва питания. Это специфический звук, его не спутаешь ни с чем: короткий, сухой хлопок, за которым следует мгновенное исчезновение фонового гула холодильника. Мы никогда не замечаем, как шумит холодильник, пока он не затыкается. И вот тогда наступает настоящая сенсорная депривация. Мое дыхание тут же замирает. Я застываю с поднятой рукой, чувствуя, как по коже пробегает холодок. В детстве, когда отец уходил, он закрывал дверь именно с таким звуком - окончательным, не оставляющим места для эха.

Я стою в полной темноте. Мои глаза еще не адаптировались, и я вижу только серые пятна, плавающие в вакууме. Вдох. Выдох. Контроль. Я - торпеда. Я - звук, запущенный в пустоту. Нужно найти фонарик. Он лежит в ящике на кухне, рядом с батарейками, которые, скорее всего, уже сдохли от одиночества. Я двигаюсь на ощупь, используя мышечную память. Пять шагов до поворота, три шага вдоль стены. Мои пальцы касаются холодного пластика столешницы. Я чувствую текстуру дерева, слышу, как мои ногти слегка царапают поверхность. Каждый звук в этой абсолютной тишине кажется усиленным в десять раз.

Фонарик находится быстро. Я нажимаю кнопку, и узкий луч разрезает темноту, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. Это похоже на свет софитов в пустом зале консерватории, когда на сцене никого нет, только инструмент и ожидание фальши. Я направляю луч на дверь. Нужно проверить щиток в коридоре. Наверняка опять выбило автоматы. В на-

шем доме электропроводка помнит еще запуск первого спутника, она дребезжит и захлебывается при каждой попытке включить чайник одновременно со стиральной машиной.

Я выхожу на лестничную клетку. Здесь еще темнее и холоднее. Запах старого бетона и чужой еды. Мой фонарик выхватывает из темноты кусок облупившейся краски на стене, потом - дверцу распределительного щитка. Она распахнута.

Мое сердце делает лишний толчок, не романтический, а чисто механический, как сбившийся поршень. У щитка кто-то есть.

Я направляю свет фонарика вперед, и луч упирается в широкую спину, обтянутую темно-серой футболкой. Человек копается в проводах. Он даже не оборачивается на свет, только плечо слегка дергается. Я замираю, задерживая дыхание, как перед погружением на глубину. Мои мышцы спины немедленно сокращаются. Это физиологическая реакция на чужое присутствие в моем безопасном пространстве.

- Вы там осторожнее, - говорю я, и мой голос в пустом коридоре звучит плоско, без обертонов. Я слышу в нем дребезжание, которое мне не нравится. Слишком много неуверенности. Убери это, Саша, не позорься.

Человек медленно поворачивает голову. Свет моего фонарика скользит по его плечу, шее и, наконец, останавливается на лице.

Я перестаю дышать. Совсем.

Это не тот образ, который я выстроила у себя в голове,

пока слушала часы его записей. В моих наушниках Мирон был бесплотным духом, чистой эмоцией, упакованной в идеальный синтаксис. Я представляла его либо слишком утонченным, либо, наоборот, заросшим бородой затворником с лихорадочным блеском в глазах.

Реальность бьет меня под дых своей материальностью.

У него резкие скулы, которые кажутся еще острее в контрастном свете фонарика. Глаза глубоко посажены, и в них такая усталость, что ее можно потрогать руками. Но самое главное - шрам. Тонкая, едва заметная белая линия над верхней губой, которая чуть-чуть искажает его рот, когда он кривится в усмешке. Эта деталь не вписывается в мой аудио-портрет. Его голос в записях был симметричным, выверенным. А этот человек - асимметричен. Он слишком живой. Слишком уязвимый в этой своей небрежности.

- О, - говорит он, и я узнаю этот тембр. Это он. Тот самый низкий, чуть хриловатый баритон с его специфическим ритмическим рисунком. Короткие фразы, острые, как скальпель. - Еще одна жертва технического прогресса. Присоединяйтесь, тут весело.

Он отворачивается обратно к щитку. Его движения точные, экономные. Он не суетится. Я подхожу ближе, чувствуя, как от него пахнет дождем и чем-то горьким, вроде полыни или крепкого кофе без сахара. Мой внутренний резонатор вибрирует. Я чувствую фальшь не ушами, а солнечным сплетением. Но сейчас фальши нет. Есть только этот странный,

рванный ритм его присутствия.

- Там сгорел автомат? - спрашиваю я, стараясь придать голосу деловой тон. Я анализирую его темп. Он молчит три секунды. Слишком длинная пауза для обычного соседа. Это оборонительный ров.

- Тут все сгорело к чертям, - бросает он через плечо. - Весь стояк. Кто-то решил, что майнинг-ферма в хрущевке - это отличная инвестиционная стратегия. Теперь мы сидим в девятнадцатом веке.

Он делает резкое движение рукой, и я вижу, как напрягаются жилы на его предплечье. Его кожа кажется бледной в холодном свете светодиодов. Я смотрю на его пальцы - длинные, нервные, с аккуратно подстриженными ногтями. Пальцы человека, который много пишет или много думает. Или и то, и другое.

- Я могу помочь? - спрашиваю я, и сама удивляюсь своей инициативности. Обычно я избегаю людей, чьи голоса не прошли через мои фильтры и эквалайзеры.

Он снова оборачивается. На этот раз он смотрит прямо на меня. Его взгляд тяжелый, сканирующий. Он словно пытается разобрать меня на частоты, так же, как я делаю это с ним. Это раздражает. Я чувствую себя под микроскопом. Моя привычка контролировать дыхание подводит меня - я делаю резкий, судорожный вдох.

- Фонарик держи ровнее, - говорит он. Его голос звучит суше, чем в наушниках. Без постобработки в нем больше

песка, больше реальности. Он делает шаг ко мне, забирая фонарик из моих оцепенелых пальцев. Его пальцы касаются моих - всего на секунду, но я чувствую этот мимолетный контакт как электрический разряд. Мышечная память плавления заставляет меня выпрямиться.

Он направляет луч мне в лицо на долю секунды, ослепляя, а потом переводит его на щиток.

- Подержи провода, редактор, - произносит он буднично, как будто мы знакомы сто лет и это наша обычная вечерняя рутина.

Мир внутри меня совершает кувырок. Ритм сбивается окончательно. Редактор. Он знает. Или он просто догадался по моему лицу? Нет, в его голосе не было вопроса. Это было утверждение. Плотное, как хорошо сведенный трек.

Я беру холодные провода, которые он мне протягивает. Мои руки слегка дрожат, и я злюсь на себя за это. Александра, возьми себя в руки, ты профессионал, ты слушала его интимные признания в микрофон, ты знаешь о его боли больше, чем его мать, если она у него есть. Но здесь, в полумраке вонючего коридора, все мои профессиональные навыки рассыпаются в прах.

- Откуда вы... - начинаю я, но он перебивает меня.

- Твой голос, - говорит он, не глядя на меня. Он копается в недрах щитка отверткой. - У тебя голос человека, который привык слушать больше, чем говорить. И еще ты так внимательно вглядываешься в мои интонации, что я почти чув-

ствую, как ты выставляешь уровни громкости у себя в голове. Это профдеформация, детка. Ее не спрячешь.

Я стою, вцепившись в провода, и чувствую, как краска заливает мои щеки. Хорошо, что здесь темно. Его ирония техническая, холодная, она бьет точно в цель. Он деконструировал меня быстрее, чем я успела проанализировать его тембр.

- Вы Мирон, - говорю я. Это не вопрос. Это признание поражения в этой маленькой дуэли.

Он замирает. Отвертка затихает. Тишина становится густой, почти осязаемой. Я слышу, как где-то внизу капает вода. Один удар в две секунды. Ритм похоронного марша.

- Мирон - это псевдоним, - бросает он, и его голос становится еще более коротким и рубленным. Маска циника натягивается плотнее. - Для тебя я просто сосед, который пытается не дать нам замерзнуть в этой бетонной коробке. Держи провода крепче, а то сейчас нас обоих коротнет.

Он говорит это с такой злостью, что я невольно отступаю на полшага, но провода не выпускаю. Его паузы теперь - это не рвы, это минные поля. Я чувствую, как в нем нарастает напряжение. Он боится. Этот большой, резкий мужчина с шрамом над губой боится, что его узнали. Его искренность в записях была его единственным способом кричать, оставаясь в маске. А я только что сорвала эту маску в самом неподходящем месте.

- Я не собиралась устраивать очную ставку, - тихо говорю я, и мой голос теперь звучит искренне. Я перестаю играть в

профессионала. - Я просто вышла проверить свет.

- Свет, - усмехается он. - Света не будет. Тут все сгнило еще до нашего рождения. Нужно менять весь блок.

Он откладывает отвертку и выпрямляется. Он намного выше меня, и в этом тесном пространстве его присутствие кажется избыточным. Он занимает весь объем, вытесняя кислород. Я чувствую, как мое тело реагирует на его близость - микросокращения мышц вдоль позвоночника, готовность к бегству или атаке.

- Послушай, редактор, - он делает шаг ко мне, и я чувствую тепло, исходящее от него. В холодном коридоре это тепло кажется почти агрессивным. - То, что ты слышишь в своих наушниках, и то, что ты видишь сейчас - это две разные вселенные. Не пытайся их соединить. Это плохо кончится для твоего эстетического восприятия.

- Я уже соединила, - отвечаю я, глядя ему прямо в глаза. В свете фонарика, который лежит на краю щитка, его зрачки кажутся огромными. - И это не вопрос эстетики. Это вопрос искренности. Вы там, в записях, говорите, что любая форма открытости - это передача пистолета противнику. Так вот, я не противник. Я всего лишь тот, кто чистит этот пистолет, чтобы он не заклинил в самый важный момент.

Он замолкает. На этот раз это настоящая пауза. Пять секунд. Семь. Десять. Я слышу его дыхание - оно неровное, с легким свистом на выдохе. Курильщик. Или просто человек, который слишком долго сдерживал крик.

- Слишком много метафор, - наконец произносит он, но его голос звучит уже не так враждебно. В нем появляется та самая глубина, которую я полюбила в его аудио-дневниках.

- Ты всегда такая дотошная?

- Только когда дело касается качества звука, - я пытаюсь иронизировать, но мой голос подводит меня, становясь слишком мягким.

Он внезапно забирает у меня провода и аккуратно укладывает их на место. Потом закрывает дверцу щитка. Громкий металлический лязг разносится по всему коридору, как финальный аккорд неудачной симфонии.

- Все, - говорит он. - Сегодня мы будем жить при свечах. Или в полной темноте. Кому как больше нравится.

Он забирает фонарик и направляет его на мою дверь.

- Иди домой, Александра. Тебе вредно дышать пылью девятнадцатого века. Твой профессор консерватории будет недоволен твоим внешним видом.

- Вы знаете, как меня зовут, - я не двигаюсь с места.

Он останавливается у своей двери - она прямо напротив моей, я никогда раньше не обращала на это внимания. Как я могла быть такой глухой?

- Я знаю о тебе все, что мне нужно знать, - он поворачивает ключ в замке. - Ты - человек, который слышит то, что я не хочу говорить. Это делает тебя самым опасным существом в моей жизни.

Он заходит в квартиру и закрывает дверь. Звук замка зву-

чит как точка в длинном, запутанном предложении.

Я остаюсь стоять в темноте. Хлорированная вода на моей коже окончательно высохла, оставив после себя ощущение стянутости. Мое дыхание медленно приходит в норму. Пять секунд вдох, пять секунд выдох. Ритм торпеды.

Я возвращаюсь в свою квартиру, ориентируясь по памяти. Внутри темно и тихо, но теперь эта тишина не кажется мне пустой. Она наполнена его голосом, его присутствием, его шрамом над губой. Я сажусь на диван, не зажигая свечей. Мне нужна эта сенсорная депривация, чтобы переварить то, что произошло.

Мой внутренний критик молчит. Он в шоке. Он не знает, как оценивать этот перформанс. Слишком много фальши? Нет. Слишком много правды. Такой правды, от которой закладывает уши.

Я вспоминаю его фразу: Подержи провода, редактор. В ней было столько скрытого смысла, столько слоев, что я могла бы разбирать ее на частоты всю ночь. Он знал. Он знал, кто я, и он играл со мной. Все эти записи, все эти пасхалки, которые он подбрасывал мне в последних главах - это был вызов. Он проверял меня на прочность. Проверял, услышу ли я его за всеми этими интеллектуальными бронежилетами и сложными синтаксическими конструкциями.

Я слышала.

И теперь мне страшно. Страшно, потому что его голос в моей голове больше не принадлежит анонимному автору.

Теперь у него есть лицо, запах полыни и резкие, уставшие глаза. Теперь я не могу просто выключить его, когда мне надоест.

Я встаю и иду на кухню. Нащупываю бутылку вина, которую открыла вчера. Наливаю себе полный бокал в темноте, ориентируясь на звук льющейся жидкости. Тонкая струйка, высокая нота, переходящая в более низкую по мере наполнения бокала. Это физика. Это то, что я понимаю.

Но я не понимаю его. Почему он живет здесь? Почему он скрывается? И почему он выбрал именно меня, чтобы я стала его зеркалом, его эхом?

Я делаю глоток. Вино кислое, оно режет язык. Я вспоминаю его шрам. Интересно, откуда он? Драка? Несчастный случай? Или кто-то буквально пытался зашить ему рот, чтобы он перестал говорить свою неудобную правду?

Мои мысли прерываются странным звуком. Стук. Тихий, ритмичный стук в стену.

Я замираю. Наши квартиры граничат как раз по стене кухни. Я прижимаюсь ухом к холодным обоям.

Стук повторяется. Три коротких, три длинных, три коротких. SOS.

Это ирония. Его чертова техническая ирония. Он знает, что я слушаю. Он знает, что я не могу не слушать.

Я беру тяжелую серебряную ложку со стола и стучу в ответ. Два коротких удара. Принято.

В ответ тишина. Но эта тишина уже другая. Она живая.

В ней есть пульс.

Я сползаю по стене на пол, прижимаясь спиной к холодным плиткам. В моей голове начинает звучать его последняя запись, которую я редактировала сегодня утром. Я помню каждое слово, каждую интонацию.

- Мы все - запертые комнаты, - говорил он своим обволакивающим голосом. - И мы тратим всю жизнь на то, чтобы подобрать ключи к чужим дверям, забывая, что наши собственные двери давно прогнили и сорвались с петель. Мы боимся сквозняков, но именно сквозняки приносят запах жизни.

Сейчас между нами не было дверей. Только тонкая стена и общая темнота.

Я закрываю глаза и представляю, как он сидит там, на своей кухне, так же, как и я, на полу. Может быть, он тоже пьет вино. А может быть, он пишет новую главу, в которой я буду выведена под псевдонимом Дотошный Редактор С Фонариком.

Мое тело постепенно расслабляется. Мышечная память бассейна уступает место другой памяти - памяти о его прикосновении. Мои пальцы все еще чувствуют холод проводов и мимолетное тепло его кожи. Это физиология восприятия. Ты не можешь обмануть тело. Оно фиксирует искренность быстрее, чем мозг успевает обработать информацию.

Я вспоминаю его взгляд. В нем не было цинизма, который он так старательно выстраивал в своей речи. В нем была тос-

ка человека, который слишком долго был один на своей частоте. И эта тоска резонировала с моей собственной. С моим страхом тишины, с моей потребностью быть узнанной без слов.

Я всегда искала человека, который услышит мой внутренний гул. И вот он, за стеной. Он слышит. Он стучит мне азбукой Морзе, издеваясь над моими профессиональными навыками, и в этом издевательстве больше близости, чем во всех романтических признаниях, которые я когда-либо слышала.

Я сижу в темноте, и мне кажется, что я начинаю различать звуки его квартиры. Скрип стула. Шелест бумаги. Глубокий вздох. Я выкручиваю громкость своего внутреннего микрофона на максимум. Я хочу поймать каждый обертон его существования.

В какой-то момент я засыпаю прямо там, на полу. Мне снится вода. Но не голубая вода бассейна с запахом хлорки, а темная, бездонная вода океана. Я плыву в ней, и рядом со мной плывет кто-то еще. Я не вижу его лица, но я слышу его дыхание. Оно синхронно с моим. Вдох. Выдох. Пять секунд. Пять секунд. Мы - два звука, запущенных в пустоту, которые наконец-то нашли свой резонанс.

Я просыпаюсь от того, что в квартире зажигается свет.

Это происходит внезапно и болезненно. Лампочка над столом вспыхивает резким, желтым светом, вонзаясь мне в глаза. Холодильник тут же начинает свой монотонный гул. Мир возвращается в свое привычное, шумное состояние.

Я встаю, потирая затекшую шею. Мои мышцы спины протестуют против ночевки на полу. Я чувствую себя разбитой и старой. Мой внутренний профессор ворчит: Александра, посмотрите на себя, вы выглядите как финал неудачного рок-концерта.

Я подхожу к зеркалу в прихожей. Мое лицо кажется бледным, под глазами залегли тени. Но в глазах есть что-то новое. Какое-то опасное мерцание.

Я смотрю на свою дверь. Потом на дверь напротив.

В коридоре уже светло, но это свет не делает ситуацию яснее. Наоборот, при дневном свете ночное происшествие кажется нереальным, плодом моего воспаленного аудио-воображения. Может быть, мне все это приснилось? И щиток, и шрам, и SOS за стеной?

Я выхожу в коридор. Дверца щитка закрыта. Все выглядит абсолютно обыденно. Я подхожу к его двери и замираю. Моя рука сама тянется к звонку, но я вовремя ее одергиваю. Что я ему скажу? Привет, я пришла проверить твой синтаксис при дневном свете?

В этот момент дверь открывается.

Он выходит в том же сером футболе, но теперь на нем еще и черная куртка. В руках он держит пакет с мусором. Он выглядит так, будто и не ложился. Его лицо кажется еще более резким, чем ночью.

Он видит меня и останавливается. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживаясь на моих растрепанных волосах и

помятой одежде. Усмешка касается его губ - та самая, асимметричная, из-за шрама.

- Доброе утро, редактор, - говорит он. Его голос утром звучит более хрипло, в нем больше низких частот. Это голос человека, который не выпил свою первую порцию кофе. - Выглядишь так, будто всю ночь воевала с проводами. И проиграла.

- Я просто... - я запинаясь. Моя речь становится рваной. - Я просто проверяла, дали ли свет.

- Дали, - он делает шаг мимо меня к лифту. - Наслаждайся цивилизацией. Пока она снова не сгорела.

Он нажимает кнопку вызова. Мы стоим рядом, и я чувствую, как между нами натягивается невидимая струна. Она вибрирует на такой высокой частоте, что это почти больно. Мое тело снова группируется. Я чувствую, как сжимаются кулаки.

- Почему вы не сказали мне раньше? - спрашиваю я, глядя на его спину.

Он оборачивается. Его лицо теперь непроницаемо. Интеллектуальная броня на месте.

- Что именно я должен был сказать? - он вскидывает брови. - Привет, я твой сосед-социопат, который пишет книги под псевдонимом и подслушивает, как ты плаваешь в своих мечтах? Это было бы слишком длинное вступление. Я предпочитаю динамичное развитие сюжета.

- Это не сюжет, - говорю я, подходя ближе. - Это жизнь.

И вы используете ее как материал. Все, что вы говорили в тех записях... это была правда? Или просто удачный художественный прием?

Лифт приезжает с тяжелым, лязгающим звуком. Двери открываются, приглашая его войти.

Он заходит внутрь и нажимает на кнопку первого этажа. Перед тем как двери закроются, он смотрит на меня - долго и серьезно. В этом взгляде нет иронии. Только та самая голая искренность, которую невозможно подделать на записи.

- Правда всегда звучит как плохая проза, Александра, - говорит он. - Именно поэтому я ее редактирую. Увидимся на следующей дорожке.

Двери закрываются.

Я остаюсь стоять в пустом коридоре. Звук уезжающего лифта затихает где-то внизу. Я возвращаюсь в свою квартиру и закрываю дверь.

В ушах все еще звучит его голос. Увидимся на следующей дорожке.

Я иду в ванную и включаю воду. Шум падающей воды заполняет пространство, создавая защитный барьер. Я умываюсь ледяной водой, стараясь смыть с себя остатки ночного наваждения. Но это не помогает.

Мое тело помнит все. Оно помнит его близость, его запах, его ритм. Я - высокочувствительный резонатор, и я только что поймала сигнал, который изменил мои настройки навсегда.

Я выхожу из ванной и сажусь за рабочий стол. Включаю компьютер. На экране висит открытый файл с его последней главой. Я надеваю наушники.

Его голос врывается в мои уши, но теперь он звучит иначе. Раньше это был просто звук. Теперь это человек.

Я слушаю первую фразу: Мы все - запертые комнаты.

Я нажимаю на паузу. Мои руки дрожат.

Я знаю, что он сейчас делает. Он идет по улице, выбрасывает мусор, может быть, заходит в кофейню за тем самым горьким кофе. Он живет свою жизнь, притворяясь обычным человеком с шрамом над губой. Но я знаю, что внутри него бушует океан. И я - единственный человек, который знает его глубину.

Это пугает и возбуждает одновременно. Это та самая асимметрия, о которой он писал. Я владею его душой, не зная его настоящего имени. А он наблюдает за моим лицом, зная, что я уже принадлежу его голосу.

Я снова нажимаю Play.

- Иногда, - говорит он, и я слышу, как он слегка запинается, - нам нужно, чтобы кто-то просто подержал провода. Не для того, чтобы починить свет, а для того, чтобы мы не чувствовали себя одинокими в темноте.

Я закрываю глаза. Мой внутренний профессор молчит. Он больше не критикует. Он слушает.

Я начинаю редактировать. Но теперь я не просто выравниваю частоты и убираю шумы. Я вслушиваюсь в паузы. Я

ищу в них те самые SOS, которые он посылал мне ночью через стену.

Я понимаю, что наша игра вышла на новый уровень. Теперь это не просто работа. Это форма близости, для которой еще не придумали названия. Это секс на уровне звуковых волн, это слияние через синтаксические конструкции.

Я работаю несколько часов подряд, не замечая времени. Мое тело находится в состоянии того самого транса, который я ловлю в бассейне на третьем километре. Я не чувствую усталости. Я чувствую только поток.

Когда я заканчиваю, за окном уже начинают сгущаться сумерки. Город снова наполняется своим многослойным шумом. Но для меня этот шум теперь - всего лишь фон.

Я встаю и иду на балкон. Воздух прохладный и влажный. Я смотрю на соседний балкон. Там никого нет, но я вижу приоткрытую дверь. Оттуда доносится музыка. Что-то классическое, тяжелое, с мощными басами. Рахманинов? Наверное.

Я прислоняюсь к перилам и закрываю глаза.

Я чувствую, как мое сердце бьется в ритме этой музыки. Это не романтическая метафора. Это физика. Мои мышцы сокращаются в такт низким нотам. Я становлюсь частью этого звукового ландшафта

ГЛАВА 10

Мир схлопнулся внезапно. Только что Рахманинов ворожал в моей голове свои тяжелые гранитные глыбы, и вдруг - тишина. Не та прозрачная тишина, которую я так ценю в конце рабочего дня, а тяжелая, вакуумная, как будто кто-то нажал кнопку Mute на всей реальности. В моей квартире погас свет. Вместе с ним умер холодильник, перестав выводить свою бесконечную унылую ноту си-бемоль, затих увлажнитель воздуха, и даже город за окном как будто убавил громкость.

Я замерла на балконе, все еще держась за перила. Пальцы чувствовали легкую вибрацию бетона - отзвук того самого баса, который секунду назад шел из квартиры соседа. Теперь вибрация исчезла. Мое тело, привыкшее к постоянному сканированию пространства, выдало мгновенную реакцию: мышцы спины между лопатками сжались, ожидая подвоха. Так бывает, когда в бассейне резко выключают донную подсветку - ты на мгновение теряешь ориентацию, не понимая, где верх, а где дно, и просто гребешь по инерции, надеясь не впечататься лбом в бортик.

Я сделала глубокий вдох. Контроль. Вдох на четыре счета, задержка, выдох на восемь. Мой внутренний профессор консерватории брезгливо поморщился: - Слишком резкая атака, Александра. Сбавь децибелы паники. Это всего лишь элек-

тричество.

В нос ударил резкий, сухой запах озона. В моей прихожей что-то отчетливо щелкнуло - сухой, костяной звук, похожий на то, как ломается тонкая дирижерская палочка. Я на ощупь пробралась в комнату. Темнота была плотной, как театральный занавес из тяжелого бархата. Я задела бедром угол стола, и боль отозвалась в голове коротким, диссонирующим аккордом. Черт.

Фонарик на телефоне разрезал мрак, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе. Розетка за рабочим столом выглядела жалко: вокруг нее расплылось небольшое серое пятно копоти. Мой верный компьютер, мой микшер, мои мониторы - все это сейчас было мертвым. Я почувствовала, как в солнечном сплетении заворочался холодный ком. Это не просто техника. Это мои уши. Моя связь с миром. Мой Мирон, который сейчас, возможно, застрял на середине фразы в моих наушниках, так и не договорив что-то важное.

Я вышла на лестничную клетку. Здесь свет горел - тусклый, желтушный, вибрирующий на частоте пятьдесят герц. Значит, выбило только у меня. Мой палец замер над кнопкой звонка соседней квартиры. Я знала, что за этой дверью живет человек, чьи басы только что заставляли мой балкон дрожать. Я знала его по коротким, рубленым фразам при случайных встречах. Но сейчас мне нужно было не просто соседское сочувствие, а элементарная мужская помощь с пасатижами наперевес.

Я нажала на звонок. Звук внутри квартиры отозвался коротким, чистым трезвучием. Хороший звонок, не дребезжит.

Дверь открылась не сразу. Сначала я услышала шаги. Тяжелые, уверенные, с легким акцентом на пятку. Человек, который так ходит, обычно твердо стоит на ногах, но склонен к внезапным остановкам. Папа ходил иначе - его шаги были скользящими, исчезающими, как затухающее эхо.

На пороге стоял он. Мой сосед. В тусклом свете подъезда его лицо казалось высеченным из того же гранита, что и музыка Рахманинова. Он смотрел на меня, и в его взгляде не было ни капли гостеприимства - только сухая, техническая настороженность.

- У меня розетка... того, - я махнула рукой в сторону своей двери, чувствуя, как голос дает предательское дребезжание на верхних обертонах. - Щелкнуло, гарью пахнет. И свет погас.

Он не ответил сразу. Он как будто анализировал тембр моего голоса, деконструировал мою панику на составляющие. Его нижняя челюсть едва заметно дрогнула - микродвижение, которое я зафиксировала скорее интуитивно, чем увидела.

- Автоматы выбило, - сказал он. Голос был коротким, как удар по клавише старого пианино. Сухой, без реверберации. - Ждите здесь.

Он скрылся в недрах своей квартиры и вернулся через се-

кунду с тяжелым металлическим ящиком. Мы прошли ко мне. Я шла сзади, подсвечивая ему дорогу телефоном, и невольно прислушивалась к его дыханию. Он дышал ровно, глубоко, как пловец на длинной дистанции. Никаких лишних шумов, никаких хрипов. Идеальный объем легких.

В моем щитке он разобрался быстро. Его движения были точными, экономными. Никакой суеты. Я стояла рядом, прислонившись к косяку, и чувствовала, как напряжение в моих мышцах начинает понемногу отпускать.

- У вас там коротнуло серьезно, - бросил он, не оборачиваясь. - Провода старые, изоляция поплыла. Надо менять весь узел, иначе в следующий раз вспыхнет по-настоящему.

- Сейчас почините? - спросила я, стараясь, чтобы голос звучал деловито.

- Временно подшаманю. Но вам нужно купить нормальную розетку и колодку. У меня в кладовке вроде были запчасти. Пойдемте, посмотрите, подойдет ли.

Это было странное приглашение. Мой внутренний критик тут же выкрутил ручку подозрительности на максимум. Но любопытство - мой главный порок и мой главный рабочий инструмент - перевесило. Я хотела увидеть, в какой акустической среде живет этот человек-скала.

Мы перешли в его квартиру. Как только за нами захлопнулась дверь, я замерла.

Первое, что я почувствовала - это отсутствие звука. Не та пустота, что была у меня после короткого замыкания, а про-

фессиональная, дорогая тишина. Стены были обтянуты темно-серыми звукопоглощающими панелями. Углы сглажены басовыми ловушками. Это была не просто жилая комната, это была студия. Воздух здесь казался плотным, очищенным от любых отражений. В такой тишине каждое твое слово кажется голым, выставленным на витрину.

- Проходите, не стойте в дверях, - бросил он, направляясь к рабочему столу в углу.

Я сделала несколько шагов по мягкому ковровину, который полностью съедал звук моих шагов. Мое тело тут же отреагировало: плечи опустились, дыхание стало глубже. Это была идеальная среда для сенсорной депривации.

И тут я увидела его рабочее место.

На массивном столе, рядом с двумя огромными мониторами, стоял микрофон. Не какая-нибудь дешевая поделка для стримов, а серьезный конденсаторный Neumann, защищенный массивным пауком и обтянутый профессиональным поп-фильтром. Рядом - аудиоинтерфейс с мягко мерцающими индикаторами уровня.

Мое сердце не "ухнуло вниз" - это слишком дешевая метафора. Оно просто сбилось с ритма, выдав синкопу в пять четвертей. Я замерла, глядя на этот микрофон так, словно это была заряженная пушка.

На столе, прямо под лампой, лежала стопка распечатанных листов. Бумага выглядела усталой - загнутые углы, пятна от кофе, многочисленные пометки на полях. Я сделала

еще шаг, почти не дыша. В бассейне, когда ты уходишь на глубину, наступает момент, когда давление воды становится привычным, и ты начинаешь видеть четче.

Игра теней. Глава 12.

Крупный шрифт заголовка ударил меня по глазам. Это была она. Рукопись, которую я редактировала последние три недели. Голос, который жил в моих наушниках, который стал интимнее любого реального шепота, принадлежал этому человеку с тяжелыми шагами и сухой манерой общения.

Мой сосед - это Мирон.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, словно я резко вышла из теплого душа на мороз. Мышцы спины непроизвольно сократились. Мирон стоял ко мне спиной, копаясь в ящике с инструментами, и его голос - тот самый, настоящий, не пропущенный через фильтры и плагины - прозвучал в этой стерильной тишине:

- Нашел. Вот эта подойдет. Она с защитой от перегрева.

Он обернулся и замер, увидев, куда я смотрю. Его лицо за один миг изменилось. Та самая маска технической отстраненности дала трещину. Он не испугался, нет. Он ошетинился. Это была мгновенная мобилизация, переход в режим обороны.

- Вы читаете чужие бумаги без разрешения? - спросил он. Его темп речи ускорился, фразы стали еще короче, как будто он выстраивал вокруг себя частокор.

Я не могла говорить. В горле пересохло, как после долгого

заплыва в сильно хлорированной воде. Я смотрела на листы и видела свое имя. Александра. Оно было написано на полях несколько раз и обведено жирным черным маркером. Рядом стояли знаки вопроса и какие-то цифры - таймкоды?

- Это... это я, - наконец выдавила я. Голос прозвучал плоско, без обертонов. - Я ваш редактор. Саша. Александра Кольцова.

Тишина, воцарившаяся после моих слов, была такой густой, что ее можно было резать ножом. Индикаторы на аудиоинтерфейсе продолжали мерцать - зеленый, зеленый, желтый. Мирон смотрел на меня так, словно я только что призналась в убийстве. Его интеллектуальная броня, все эти сложные синтаксические конструкции, за которыми он прятался в своих записях, сейчас казались бесполезными.

- Черт, - коротко бросил он. Это было не ругательство, а констатация факта. Крах системы безопасности.

Он положил розетку на стол, прямо поверх рукописи. Его пальцы, длинные и тонкие, как у пианиста, заметно подрагивали. Он тут же спрятал их в карманы джинсов.

- И как давно вы... догадались? - спросил он. Его голос стал тише, в нем появилось то самое дребезжание, которое он так тщательно вырезал при монтаже. Я слышала его уязвимость не ушами - я чувствовала ее солнечным сплетением.

- Только что, - честно ответила я. - Хотя... были звоночки. Ваш голос. Я редактирую его по восемь часов в день. Я знаю каждый ваш вдох, каждую паузу. Я знаю, где вы запинаетесь,

когда тема становится слишком личной. Но я не думала, что вы - это вы. В жизни вы... другой.

- Какой "другой"? - он прищурился. - Слишком обычный? Недостаточно загадочный для автора бестселлеров?

- Более закрытый, - я сделала шаг к столу, несмотря на его защитную позу. - В записях вы звучите как океан. А здесь... как пустой сосуд. Вы специально это делаете? Прячетесь?

Он усмехнулся, но это была невеселая усмешка.

- Открытость - это передача противнику заряженного пистолета, - сказал он, и я узнала эту фразу. Она была в девятой главе. - Вы же профессионал, Саша. Вы должны понимать. Голос - это инструмент. То, что вы слышите в наушниках, - это конструкция. Тщательно выверенная, отредактированная... вами же, кстати.

- Но чувства там настоящие, - возразила я. Мой внутренний профессор замолчал, уступив место той девочке, которая когда-то ловила шаги отца в коридоре. - Искренность невозможно подделать на записи. Частотные характеристики не врут. Когда вы читали кусок про исчезновение матери в "Игре теней", у вас микро-дрожь была на частоте триста герц. Это нельзя симитировать.

Мирон резко отвернулся. Он подошел к окну и уставился на огни города. Его спина была напряжена, как струна, натянутая до предела.

- Вы препарируете меня, - глухо сказал он. - Вы разбираете мою душу на спектрограммы. Это... невыносимо.

- Это моя работа, - я подошла ближе. - Я должна слышать правду. Если я ее не слышу, слушатель тоже не поверит.

- И что вы услышали на полях? - он кивнул на рукопись, где мое имя было обведено в кружок.

Я почувствовала, как краска заливает лицо. Это было физиологическое ощущение тепла, поднимающегося от шеи к щекам.

- Зачем вы это писали? - спросила я, игнорируя его вопрос.

Он молчал долго. В студийной тишине это молчание казалось бесконечным. Я слышала только гул крови в собственных ушах.

- Потому что вы единственный человек, который меня действительно слышит, - наконец сказал он, не оборачиваясь. - Не просто слушает, а слышит. Вы замечаете те мелочи, которые я сам пытаюсь скрыть. Ваши правки... они как удары по живой коже. Вы требуете, чтобы я был честным там, где мне хочется соврать. Это бесит. Это пугает. И это... притягивает.

Я смотрела на его затылок, на коротко стриженные волосы, и мне внезапно захотелось дотронуться до него. Не из романтического порыва, а из профессионального любопытства - проверить, насколько он реален. Мое тело, привыкшее к контролю, сейчас требовало действия.

- Вы боитесь, что я узнаю вас настоящим? - тихо спросила я.

Он резко обернулся. Его глаза сверкали.

- Я боюсь, что вы уже узнали. И что то, что вы узнали, вам не понравится. В наушниках я - герой, мученик, философ. А здесь я просто сосед с паяльником, у которого вечно гремит музыка.

- Музыка была хорошая, - заметила я, пытаюсь разрядить обстановку. - Рахманинов?

- Второй концерт, - буркнул он. - Помогает сосредоточиться.

Он снова взял розетку со стола. Его движения стали резкими, почти грубыми.

- Идемте. Надо починить вашу чертову розетку, пока мы окончательно не утонули в этом психоанализе.

Мы вернулись в мою квартиру. Мирон работал молча, и эта тишина была уже другой - не враждебной, а тяжелой от невысказанных слов. Я стояла рядом, подсвечивая ему, и смотрела на его руки. Теперь, когда я знала, чей это голос, каждое его движение обретало новый смысл. Вот этот палец нажимает на кнопку записи. Эти губы произносят те самые слова, от которых у меня перехватывало дыхание в бассейне.

- Готово, - сказал он, поднимаясь. - Включайте свет.

Я щелкнула выключателем. Комната залилась ярким, безжалостным светом. Копоть вокруг розетки выглядела еще уродливее.

- Спасибо, - сказала я.

Он стоял посреди моей прихожей, большой, неуклюжий в

этой тесной квартире, со своим ящиком инструментов. Он выглядел так, словно хотел что-то сказать, но слова застре-вали у него в горле, натываясь на внутренние фильтры.

- Саша, - начал он. Мое имя в его исполнении прозвучало странно. Не так, как в моих мыслях, и не так, как на полях его рукописи. В нем было больше... веса. - Забудьте о том, что вы видели в моей комнате.

- Как я могу это забыть? - я горько усмехнулась. - Это как просить пловца забыть о том, что вода мокрая.

- Просто... продолжайте работать так, будто ничего не изменилось. Мне нужно закончить эту книгу. И мне нужно, чтобы вы ее отредактировали. Без учета того, что я живу за стеной.

- Это невозможно, Мирон. Теперь я буду слышать не просто голос. Я буду слышать вас.

Он ничего не ответил. Просто кивнул, резко и коротко, и вышел, захлопнув за собой дверь.

Я осталась одна в ярко освещенной квартире. Холодильник снова завел свою нудную ноту си-бемоль. Увлажнитель воздуха выпустил струю пара. Мир вернулся в свое привычное состояние, но для меня он изменился навсегда.

Я подошла к рабочему столу и открыла ноутбук. Экран ожил, высвечивая звуковую дорожку последней главы. Я надела наушники.

- Глава двенадцатая, - произнес голос в моих ушах. - Частотный диапазон.

Я закрыла глаза. Теперь я видела не просто волны на экране. Я видела его руки, его напряженную спину у окна, его исчерпанную рукопись. Его голос больше не был абстрактным потоком данных. Он стал осязаемым.

Я нажала на паузу. Мои пальцы замерли над клавиатурой. Внутренний профессор молчал. На его месте была пустота, которую нечем было заполнить.

Я снова вспомнила свое имя на полях. Оно было обведено несколько раз, с такой силой, что бумага в этих местах истончилась. Это был не просто поиск редактора. Это была фиксация. Он ловил меня в свои сети так же, как я ловила его голос.

Я сделала глубокий вдох. Вода была холодной, глубокой, и я не знала, хватит ли мне дыхания, чтобы доплыть до конца этой дистанции. Но одно я знала точно: я не перестану слушать. Теперь, когда я нашла суть, я не смогу просто выкрутить громкость на минимум.

Мое тело вибрировало. Это не была паника. Это была резонансная частота. Мы оба были настроены на одну волну, и эта волна сейчас грозила разрушить все мосты, которые мы так тщательно строили.

Я снова нажала Play.

- В тишине есть своя музыка, - произнес Мирон в моих наушниках. - Но иногда эта музыка звучит как крик, который никто не слышит.

- Я слышу, - прошептала я в пустоту комнаты. - Я слышу

тебя, Мирон.

Я работала всю ночь. Сон не шел, да я и не пыталась его звать. Каждое слово, каждая интонация теперь проходили через двойной фильтр - профессиональный и личный. Я видела, где он прячется за сложными метафорами, и безжалостно вырезала их, заставляя его голос звучать голым. Я знала, что ему это не понравится. Я знала, что он будет беситься, когда получит мои правки.

Но это был единственный способ общения, который нам остался. Секс на уровне синтаксических конструкций, близость через звуковые волны. Мы препарировали друг друга, оставаясь за закрытыми дверями своих квартир.

Когда рассвет начал окрашивать небо в серый цвет, я закончила главу. Мои глаза горели, пальцы онемели от клавиатуры, но внутри была странная, звенящая ясность. Как после длинного заплыва, когда ты выходишь из воды, и твое тело кажется невероятно легким.

Я встала и подошла к стене, разделяющей наши квартиры. Я приложила к ней ладонь. Бетон был холодным. За стеной была тишина - та самая, профессиональная, дорогая тишина его студии.

Я знала, что он тоже не спит. Я чувствовала его присутствие не ушами, а всем телом. Его частота пульсировала где-то на границе моего восприятия.

- Мы еще не закончили, - тихо сказала я, зная, что он меня не слышит. Или делает вид, что не слышит.

Я вернулась к столу и нажала кнопку "Отправить". Файл с правками улетел в пространство, неся в себе все мои догадки, все мои страхи и все то, что я не решилась сказать ему в лицо.

Это была война. Это была любовь. Это был частотный диапазон, в котором мы оба оказались заперты, и из которого не было выхода, кроме как дойти до конца этой книги.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Закрыла глаза. В голове все еще звучал его голос - настоящий, неочищенный, с той самой дрожью на трехстах герцах, которую я теперь буду узнавать из тысячи.

Тишина внутри меня больше не была оглушительной. Она была наполнена его присутствием. И это было самое пугающее и самое прекрасное, что со мной случилось.

Я заснула только тогда, когда услышала за стеной едва уловимый звук - щелчок выключателя. Он тоже лег. Мы спали по разные стороны одной стены, разделенные бетоном и страхами, но объединенные общим ритмом дыхания.

Мой внутренний профессор наконец-то одобрительно кивнул и замолчал.

Проснулась я от резкого звука. Это был не звонок в дверь и не шум города. Это было уведомление на телефоне. Новое сообщение в мессенджере.

От кого: Мирон.

Текст: - Слишком много вырезали в финале. Вы меня совсем раздели.

Я улыбнулась, чувствуя, как мышцы лица, затекшие за ночь, начинают оживать.

- Вам идет эта нагота, - напечатала я в ответ. - В ней больше музыки, чем во всех ваших метафорах.

Ответ пришел мгновенно.

- Зайдите вечером. Нужно обсудить тринадцатую главу. И розетку проверю.

Я отложила телефон. Мое сердце билось ровно, в ритме идеального кроля. Дистанция продолжалась, и я была готова плыть дальше.

Город за окном просыпался, наполняясь своим многослойным шумом. Но теперь этот шум не пугал меня. Я знала, как вычленишь из него главное. Я знала частоту, на которой звучит правда. И эта частота жила прямо за моей стеной.

Я встала, подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение. Глаза блестели, как после хорошей тренировки. Я больше не была просто редактором, препарирующим чужие голоса. Я была частью этого звука.

В этот день я не слушала музыку. Мне не нужны были чужие мелодии. В моей голове звучал его голос, и этого было достаточно. Я готовилась к вечеру, как к важному выступлению в консерватории. Никакой фальши. Никакого дребезжания. Только чистый звук.

Я знала, что он будет защищаться. Будет строить баррикады из слов, будет иронизировать и закрываться. Но у меня было преимущество. Я знала его частоту. Я знала, как звучит

его искренность, когда он думает, что его никто не видит.

И я собиралась заставить его звучать именно так. Не для записи. Для меня.

Весь день прошел в странном ожидании. Я пыталась работать над другими проектами, но всё казалось пресным, плоским, лишенным объема. Голоса других авторов звучали как заезженные пластинки. В них не было той глубины, той пугающей честности, которую я нашла в "Игре теней".

Я поймала себя на том, что постоянно задерживаю дыхание, прислушиваясь к звукам за стеной. Тишина. Он либо спал, либо работал в наушниках. Эта герметичность его жизни теперь вызывала у меня не раздражение, а вызов. Я хотела взломать этот код.

В шесть вечера я подошла к его двери. На мне были простые джинсы и футболка - моя рабочая броня. Никаких лишних деталей, ничего, что могло бы создать лишний визуальный шум. Только я и мой слух.

Я нажала на звонок. Тот же чистый звук. Тот же ритм шагов за дверью.

Когда дверь открылась, Мирон выглядел уставшим. Под глазами залегли тени, волосы были взъерошены. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его взгляде была странная смесь усталости и любопытства.

- Заходите, Александра, - сказал он. - Розетка ждет. И тринадцатая глава тоже.

Я переступила порог, и профессиональная тишина его

студии снова сомкнулась за моей спиной. Но на этот раз я не чувствовала себя здесь чужой. Я была частью этого частотного диапазона.

- Чай? - спросил он, направляясь на кухню.

- Без сахара, - ответила я. - И без лишних слов, Мирон.

Давайте начнем с рукописи.

Он обернулся и коротко усмехнулся.

- Вы суровый критик.

- Я просто не люблю фальшь, - я прошла к его рабочему столу и села на стул. - Особенно когда она звучит так громко.

Мы провели за обсуждением три часа. Это не было обычным редактированием. Это был поединок. Мы спорили о каждом слове, о каждой паузе. Он защищал свои метафоры, как крепостные стены, а я методично их разрушала, добираясь до сути.

- Здесь вы врете, - говорила я, указывая на абзац о прощении. - Слишком красиво. В жизни так не прощаются. В жизни это звучит как оборванная струна, а не как симфонический оркестр.

Он злился, мерил комнату шагами, хлопал крышкой ноутбука. Но каждый раз возвращался и переписывал. Потому что знал, что я права.

- Вы невыносимы, - сказал он, в очередной раз садясь за стол. - Вы лишаете меня защиты.

- Я возвращаю вам ваш голос, - ответила я. - Тот, который заслуживает записи.

Когда мы закончили, за окном была глубокая ночь. Чай давно остыл. Мы сидели в полумраке студии, освещенные только светом мониторов.

- Почему вы это делаете? - тихо спросил он. Его голос теперь звучал мягко, без защитных фильтров. - Почему вам так важно, чтобы я был честным?

Я посмотрела на него. В этом свете его лицо казалось уязвимым, почти детским.

- Потому что я боюсь тишины, Мирон. Настоящей, пустой тишины, в которой нет правды. Ваш голос - это то, что заполняет эту тишину для меня. И если он будет фальшивым, мне не за что будет держаться.

Он протянул руку и коснулся моих пальцев на столе. Его рука была теплой и твердой. Это было первое физическое касание, и оно отозвалось во мне мощным, чистым звуком, как удар в огромный колокол.

- Я слышу тебя, Саша, - сказал он. Без микрофона. Без записи. Просто в тишине комнаты.

И в этот момент я поняла, что моя потребность быть признанной без слов наконец-то нашла свой ответ. Он слышал мой внутренний гул. Он знал мою частоту.

Мы

ГЛАВА 11

Утро пахнет пыльным солнечным светом и остывшим кофе, который никто не допил. Я стою в дверях его кухни, и мои лопатки сводит привычным спазмом, как перед прыжком в холодную воду. Это профессиональное: когда ты годами занимаешься сведением звука, тишина перестает быть отсутствием шума и становится осязаемой материей. Сейчас эта материя в квартире Мирона кажется натянутой леской. Одно неосторожное движение, и она лопнет, хлестнув по глазам.

Он возится у плиты. Его движения слишком выверенные, слишком правильные для человека, который еще вчера ночью касался моих пальцев с такой отчаянной искренностью, что у меня в ушах стоял звон. Сейчас он другой. На нем чистая серая футболка, волосы мокрые после душа, и он выглядит как ожившая картинка из каталога Икеа. Идеальный сосед. Образцовый горожанин.

- Чай или кофе? - спрашивает он, не оборачиваясь.

Его голос сегодня звучит на октаву выше обычного. В нем появилось странное дребезжание, которое я называю "пластиковым обертоном". Так звучат люди, когда читают по бумажке или очень стараются понравиться на первом свидании. Мое солнечное сплетение тут же реагирует легким толчком. Ложь. Это не Мирон. Это кто-то другой, надевший его

кожу.

- Чай, - отвечаю я, проходя к столу. - Если можно, без сахара.

Я сажусь на жесткий стул и кладу руки на колени. Мышцы бедер напряжены, я контролирую дыхание, делая медленные, глубокие вдохи. Раз-два-три-четыре. Задержка. Пять-шесть-семь-восемь. Выдох. В бассейне это помогало не паниковать, когда легкие начинали гореть от нехватки кислорода. Здесь это помогает не сорваться на крик от того, как сильно он сейчас фальшивит.

- Кстати, мы так и не познакомились толком в нормальной обстановке, - он поворачивается, протягивая мне кружку. - Я Марк.

Марк. Имя падает на кафельный пол и разбивается со звуком дешевой керамики. Я смотрю на него, пытаюсь поймать его взгляд, но он увлеченно рассматривает пар, поднимающийся над своей чашкой. Его зрачки сужены. Он выстраивает дистанцию так умело, будто возводит бетонную стену между нами.

- Приятно познакомится, Марк, - я намеренно выделяю его имя, пробуя его на вкус. Оно плоское. В нем нет той глубины и резонанса, который я слышу в его записях. - А я Саша. Но ты это и так знаешь.

- Да, Саша, - он кивает, присаживаясь напротив. - Прости за вчерашнее. В студии иногда... заносит. Атмосфера располагает к излишней драматизации. На самом деле я довольно

приземленный человек.

Он начинает рассказывать. Это длинная, гладкая история о том, чем он якобы занимается. Он говорит, что он программист в крупном аутсорсинговом агентстве. Рассказывает про бэкенд, про дедлайны, про скучные планерки в Зуме. Его речь течет ровным потоком, но для меня это не рассказ, а гистограмма, на которой я вижу каждый провал частот.

Когда он произносит слово "программирование", его гортань едва заметно дергается. Он не договаривает гласные, проглатывает окончания, словно хочет поскорее избавиться от этих слов. Его голос становится сухим, как осенняя листва под ногами. В нем нет вибрации, которая появляется, когда человек говорит о чем-то, что ему дорого.

Мой внутренний критик, тот самый профессор из консерватории, сейчас просто беснуется в моей голове. "Слишком много фальши, Марк! Убери это дребезжание! Ты не веришь сам себе, так почему я должна верить?"

Я вспоминаю отца. Он тоже так умел. Он мог стоять в коридоре, обутый в туфли, и рассказывать мне, что он просто уходит за сигаретами и вернется через десять минут. Я слушала его шаги и знала: он не вернется. Его шаги были слишком легкими, слишком торопливыми, в них не было веса человека, который планирует вернуться домой. Я научилась расшифровывать уходы по звуку закрывающейся двери еще до того, как научилась завязывать шнурки.

Мирон-Марк продолжает плести свою паутину.

- Работа монотонная, конечно, зато стабильная, - говорит он, и я слышу, как его голос "дает петуха" на слове стабильная. - Сидишь весь день, перекладываешь куски кода. Иногда кажется, что я сам превращаюсь в алгоритм.

Он улыбается. Это механическая улыбка, которая затрагивает только губы, но не глаза. Я чувствую, как у меня начинают ныть зубы. Это физическая реакция на диссонанс. Когда две ноты, которые должны звучать в унисон, расходятся на четверть тона, мое тело воспринимает это как физическую боль.

- И тебе не скучно? - спрашиваю я, наклоняя голову. - Человеку с таким... богатым внутренним миром, как у тебя.

Он замирает на секунду. Его рука, держащая кружку, едва заметно вздрагивает. Совсем чуть-чуть, микро-движение, которое заметит только тот, кто привык следить за темпом.

- Какой там мир, Саша. Обычный мир обычного парня. Кофе по утрам, спортзал по выходным, сериалы по вечерам. Я ничем не отличаюсь от тысяч других.

Он лжет так профессионально, что это вызывает уважение. Это интеллектуальная броня, выкованная годами. Он прячется за образом скучного аййтишника, как за звуконепроницаемым стеклом. Он хочет, чтобы я видела это стекло, а не его. Он боится, что если я услышу его настоящий голос здесь, на этой залитой солнцем кухне, он станет беззащитным.

Я чувствую, как во мне закипает холодная ярость. Это не

та ярость, от которой бьют посуду. Это ярость исследователя, который видит, как подопытный пытается обмануть приборы. Мне хочется сорвать с него эту маску, встряхнуть его, заставить его вибрировать на той частоте, которую я слышала вчера ночью.

Я закрываю глаза на мгновение. В темноте звуки становятся четче. Я слышу гул холодильника - низкое "си" малой октавы. Слышу отдаленный шум машин за окном - хаотичный белый шум. И слышу его дыхание. Оно неровное. Он задерживает вдох, точно так же, как я. Он тоже боится погружения.

- Знаешь, Марк, - говорю я, открывая глаза. - У программистов обычно другая артикуляция. Они привыкают говорить четко, структурировано, как будто пишут код. А ты... ты поешь. Твои фразы строятся по законам мелодики, а не логики. Даже когда ты врешь про свой бэкенд.

Он бледнеет. Совсем немного, но я вижу, как кровь отливает от его скул. Его маска дает трещину.

- Тебе кажется, - бросает он. Его темп речи разгоняется. Он пытается убежать от разговора. - Ты просто слишком много работаешь со звуком. У тебя профессиональная деформация. Везде мерещатся скрытые смыслы и подтексты.

- Профессиональная деформация помогает мне выживать, - парирую я. - Я не слушаю слова, Марк. Слова - это просто мусор, который люди вываливают друг на друга, чтобы заполнить пустоту. Я слушаю тембр. Я слушаю, как на-

прыгаются твои связки, когда ты пытаешься убедить меня, что ты - это не ты.

Он резко встает, берет наши кружки и идет к раковине. Вода ударяет в металл с резким, неприятным звуком. Плеск воды, грохот посуды - он создает шумовую завесу, чтобы я не могла разобрать его реакцию.

- Ты слишком глубоко копаешь, Саша, - говорит он, перекрывая шум воды. - Иногда сигара - это просто сигара. А сосед-программист - это просто сосед-программист. Не ищи драмы там, где ее нет.

Его спина напряжена. Мышцы под футболкой перекатываются, как жгуты. Я смотрю на его затылок и вспоминаю, как в детстве я так же смотрела на спину отца, когда он собирал сумку. Тишина в те моменты была такой плотной, что ее можно было резать ножом.

Мне хочется подойти к нему, положить руку на эту напряженную спину и сказать: "Я знаю, что это ты. Я слышу тебя. Тебе не нужно притворяться". Но я знаю, что это его только оттолкнет. Он воспринимает искренность как угрозу. Для него открыться - это значит передать мне заряженный пистолет и надеяться, что я не выстрелю. А он уже знает, что люди стреляют. Его прошлое - это кладбище разбитых надежд, и он не собирается добавлять туда еще одну.

- Почему ты так боишься быть настоящим? - спрашиваю я тихо. Мой голос звучит чисто, без лишних обертонов. Я не играю.

Он выключает воду. Наступает внезапная, оглушительная тишина. Только капля падает в раковину с мерным, раздражающим ритмом. Кап. Кап. Кап.

- Настоящий я никому не интересен, Саша, - говорит он, не оборачиваясь. - Настоящий я - это куча проблем, страхов и комплексов. Кому это нужно в мире, где все хотят видеть только успешный интерфейс?

В его голосе наконец-то появляется та самая трещина, которую я искала. Он звучит устало. Это звук человека, который долго бежал и наконец понял, что бежать некуда.

Я встаю и подхожу к нему. Останавливаюсь в шаге, чувствуя тепло, исходящее от его тела. Мое тело - этот высокочувствительный резонатор - улавливает его вибрации. Он дрожит. Едва заметно, на грани восприятия, но он дрожит.

- Мне нужно, - говорю я. - Мне не нужен интерфейс. Мне не нужны твои сказки про код. Я слышу твой голос в наушниках по восемь часов в день. Я знаю о тебе больше, чем твои друзья, если они у тебя есть. Я знаю, как ты дышишь, когда тебе больно. Я знаю, как ты делаешь паузу, когда не можешь подобрать слово для своей тоски.

Он оборачивается. Теперь он смотрит мне прямо в глаза. Его взгляд тяжелый, давящий. В нем столько боли, что мне на секунду становится трудно дышать. Я задерживаю вдох, погружаясь в эту пучину вместе с ним.

- Это просто работа, Саша, - шепчет он. - Это просто текст, который я читаю. Не путай автора и персонажа.

- Автор и есть персонаж, когда он пишет сердцем, - я сокращаю расстояние между нами. - Ты можешь называться Марком, Мироном или хоть Папой Римским. Но твой голос не обманешь. Он - твоя истинная сущность. И сейчас он кричит о том, как тебе страшно.

Он делает шаг назад, упираясь поясницей в столешницу. Его интеллектуальная броня рассыпается, обнажая то, что он так тщательно прятал. Он выглядит загнанным в угол. Его дыхание становится рваным, он хватается воздух ртом, как рыба, выброшенная на берег.

- Ты не понимаешь, во что ввязываешься, - говорит он, и его голос срывается. - Ты думаешь, что если ты слышишь мой тембр, то ты меня знаешь? Это иллюзия. Ты влюблена в звук, а не в человека. А человек... он тебя разочарует. Обязательно.

Я чувствую, как в моем солнечном сплетении что-то обрывается. Это не обида, это узнавание. Он говорит моими собственными страхами. Мы оба боимся, что наши настоящие голоса слишком плоские и не заслуживают записи. Мы оба прячемся за профессиональным отчуждением, чтобы не чувствовать боли.

- Давай проверим, - говорю я.

Я протягиваю руку и касаюсь его щеки. Его кожа шероховатая, теплая. Он замирает, как дикий зверь, который не знает, ударят его или приласкают. Мои пальцы чувствуют ритм его пульса под челюстью. Он частый, сбивчивый. Синкопа.

- Перестань играть в имитацию, - шепчу я. - Со мной не надо.

Он закрывает глаза. Его ресницы дрожат. На мгновение мне кажется, что он сейчас сдастся, что он прижмется к моей ладони и позволит этой тишине заполниться правдой. Но потом он резко перехватывает мою руку и отстраняет ее.

Его лицо снова становится непроницаемым. Он надевает свою маску обратно, и я прямо вижу, как защелкиваются замки на его броне.

- Тебе пора, Саша, - говорит он ровным, безликим голосом. - У меня много работы. Те самые скучные алгоритмы, помнишь?

Это удар под дых. Физическая боль в мышцах спины возвращается с новой силой. Я стою посреди его кухни и чувствую себя так, будто меня только что вытолкнули из теплого бассейна на ледяной ветер.

Я молча разворачиваюсь и иду к выходу. Мои шаги звучат тяжело, я не пытаюсь их скрыть. Пусть слышит. Пусть знает, какой вес у моего разочарования.

Уже у самой двери я останавливаюсь. Я не могу уйти просто так. Моя потребность в расшифровке, мой страх быть брошенной без предупреждения требуют сатисфакции. Я должна оставить след, должна показать ему, что его игра раскрыта.

Я поворачиваюсь к нему. Он стоит у окна, глядя на улицу. Его поза выражает абсолютное безразличие, но я вижу, как

напряжена его шея.

- Знаешь, Марк, - говорю я, и мой голос звенит, как натянутая струна. - В твоей последней записи, на сороковой минуте двенадцатой секунде, есть момент, где ты сбиваешься.

Он не шевелится, но я чувствую, как он весь превратился в слух.

- Ты там говоришь про одиночество, которое похоже на гул пустой комнаты, - продолжаю я. - И твой голос там... он не просто дрожит. Он ломается. Ты там сказал фразу, которой нет в сценарии. Ты сказал: "Я так устал притворяться, что меня нет".

Я вижу, как его плечи мелко вздрагивают. Он молчит, но эта тишина теперь другая. Она полна его присутствия, его боли, его настоящего "я", которое он только что пытался похоронить под рассказами о программировании.

- Так вот, - я делаю глубокий вдох, готовясь к последнему погружению. - Ты есть. Я тебя слышу. И никакие маски этого не изменят.

Я выхожу из квартиры, аккуратно прикрыв дверь. Звук замка - четкий, сухой щелчок - ставит точку в этой сцене.

Я иду по коридору к своей двери, и мои ноги кажутся налитыми свинцом. Каждое движение требует усилий, словно я плыву против течения в очень густой воде. Мое дыхание постепенно выравнивается, но внутри всё еще дрожит тот самый колокол, в который он ударил вчера ночью.

Я захожу к себе, бросаю ключи на тумбочку и прислоня-

юсь спиной к двери. Моя квартира встречает меня привычными звуками: тихим тиканьем настенных часов, гудением системного блока в комнате, шелестом занавесок от сквозняка. Но сегодня всё это кажется фальшивым.

Я иду к рабочему столу и надеваю наушники. Это мой способ депривации. Когда мир становится слишком громким, слишком сложным и полным лжи, я ухожу в чистое аудио. Я включаю его последнюю запись.

Его голос заполняет пространство внутри моей головы. Теперь я слушаю его иначе. Я ищу ту самую секунду, тот самый надлом. Я прокручиваю дорожку, всматриваюсь в звуковую волну на мониторе. Вот он, этот всплеск, этот крошечный пик амплитуды, где его голос вышел из-под контроля.

Я слушаю это снова и снова. "Я так устал притворяться, что меня нет".

В этих словах - вся его суть. Всё его недоверие к миру, вся его травма, всё его желание быть признанным и одновременно страх перед этим. Он использует писательство под псевдонимом как крик в пустоту, надеясь, что его никто не услышит, и одновременно умирая от того, что его действительно никто не слышит.

Кроме меня.

Я чувствую, как по моей спине пробегает холодок. Это не страх, это осознание ответственности. Я держу его душу в своих руках, разложенную на частоты и децибелы. Я могу препарировать его, могу вытащить на свет всё, что он пря-

чет. И он это знает. Именно поэтому он так отчаянно пытался выставить меня за дверь, прикрываясь образом "Марка-программиста".

Я снимаю наушники и смотрю на свои руки. Они слегка дрожат. Мое тело - этот высокочувствительный резонатор - всё еще вибрирует от столкновения с ним. Я чувствую фальшь его утреннего спектакля не ушами, а солнечным сплетением, и это чувство не проходит. Оно осело внутри тяжелым осадком.

Я подхожу к окну. Наши окна выходят на одну сторону. Если я сейчас высунусь, я, возможно, увижу его. Но я не двигаюсь. Я просто стою и слушаю город.

Город - это огромная симфония лжи. Тысячи голосов переплетаются, создавая плотную завесу шума. Люди говорят "я люблю тебя", когда хотят сказать "мне страшно быть одному". Они говорят "всё в порядке", когда их внутренний мир рушится. И среди всего этого хаоса есть один голос, который пытается сказать правду, даже когда сам этого боится.

Я знаю, что завтра мы снова встретимся в студии. Он снова наденет маску циника, будет говорить рублеными фразами, будет ерничать и прятаться за сложными синтаксическими конструкциями. А я буду сидеть за пультом, выкручивать громкость его боли и заставлять его переписывать куски, где он слишком сильно спрятался.

Это наша игра. Наша форма близости. Мы не можем коснуться друг друга физически, не разрушив всё, но мы можем

касаться друг друга через звук. Он подбрасывает мне пасхалки в записях, проверяя мою внимательность, а я отвечаю ему профессиональной дотошностью, вытаскивая его из тени.

Я закрываю глаза и представляю его лицо в свете мониторов. Уязвимое, почти детское. И его голос, звучащий без фильтров: "Я слышу тебя, Саша".

В тот момент он не притворялся. В тот момент он был настоящим. И что бы он ни говорил сегодня на своей стерильной кухне, тот звук был истинным. Его невозможно подделать, как невозможно подделать частоту биения сердца.

Я ложусь на диван, сворачиваюсь калачиком и накрываю голову подушкой. Мне нужна абсолютная сенсорная депривация. Мне нужно, чтобы этот гул внутри меня утих, чтобы я могла снова начать слушать других. Но я знаю, что теперь тишина никогда не будет прежней. Она навсегда заполнена его голосом, его правдой, его "я есть".

Я вспоминаю, как в бассейне, когда ты выныриваешь после долгого заплыва под водой, первый глоток воздуха кажется обжигающим. Ты жадно хватаешь его, твои легкие расширяются, и в ушах стоит оглушительный шум возвращающегося мира. Сейчас я чувствую то же самое. Встреча с настоящим Мироном - это мой выход на поверхность. Это больно, это пугающе, но это единственный способ не задохнуться.

Мои мысли прерываются коротким звуком уведомления на телефоне. Я не хочу смотреть, но рука сама тянется к га-

джету.

Сообщение от него.

"Файл загружен. Глава 13. Там много шумов, придется поработать над фильтрами".

Я открываю файл. Название главы на экране: "Исповедь тени".

Я нажимаю "play".

Первые секунды - тишина. Потом его дыхание. Глубокое, ровное. Он готовится. И потом - его голос. Без иронии, без цинизма. Тяжелый, низкий, пробирающий до костей.

- Глава тринадцатая. О том, как легко потеряться в собственных имитациях.

Я закрываю глаза. Работа началась. Мы продолжаем наш танец на краю пропасти, где каждый звук может стать последним, а каждая пауза - признанием в любви.

Я слушаю его и чувствую, как мои мышцы спины расслабляются. Мой внутренний критик замолкает. В этом голосе нет фальши. Только чистая, неприкрытая боль, которая резонирует с моей собственной.

Я понимаю, что он сделал это специально. Он прислал этот файл сразу после того, как выставил меня, чтобы сказать то, что не смог произнести вслух на кухне. Это его ответ на мой выпад. Его способ сказать: "Да, ты меня видишь. И вот тебе еще кусочек меня, попробуй справиться с этим".

Я увеличиваю масштаб звуковой волны. Я вижу каждое колебание, каждый всплеск его эмоций. Это похоже на кар-

диограмму живого существа. И я буду беречь эту запись, как самое ценное, что у меня есть. Потому что в мире, полном имитаций, этот голос - единственное, что звучит по-настоящему.

Я начинаю работать. Двигаю фейдеры, настраиваю эквалайзер. Я убираю фоновый шум города, отсекаю лишние частоты, оставляя только суть. Его суть.

К середине записи я замечаю странную вещь. В паузах между словами слышен какой-то посторонний звук. Очень тихий, почти на грани слышимости. Я выкручиваю громкость на максимум, накладываю фильтр низких частот.

Это стук. Ритмичный, глухой стук.

Я замираю. Это не технический шум. Это его сердце. Микрофон был так близко к его груди, что поймал этот звук.

Я слушаю этот ритм - тук-тук, тук-тук. Он совпадает с моим собственным пульсом. Синхронизация. Мы вибрируем на одной частоте, разделенные стенами, именами и страхами, но соединенные этой тонкой цифровой дорожкой.

Я чувствую, как по щеке катится слеза. Она горячая и соленая. Я не вытираю ее. Я просто сижу в наушниках, посреди своей тихой квартиры, и слушаю, как бьется сердце человека, который боится существовать.

И в этот момент я понимаю, что больше не боюсь тишины. Потому что теперь я знаю: даже в самой глубокой тишине можно услышать чье-то присутствие, если только уметь слушать.

Я нажимаю на паузу. Мне нужно перевести дух. Я иду на кухню, наливаю себе стакан воды. Мои движения теперь тоже стали тихими, плавными. Я больше не жду удара. Я просто существую в этом моменте, здесь и сейчас.

Я смотрю на стену, за которой находится его квартира. Что он делает сейчас? Сидит ли он так же в тишине, глядя в пустоту? Или он снова надел маску и пытается убедить себя, что всё под контролем?

Это неважно. Важно то, что запись существует. Важно то, что я ее слышала.

Я возвращаюсь к компьютеру. У меня впереди еще три часа работы над этой главой. Я должна сделать ее идеальной. Я должна вычистить каждый шорох, чтобы его голос звучал так чисто, как он того заслуживает.

Это мой способ сказать ему "я здесь". Мой способ обнять его, не касаясь.

Я снова надеваю наушники.

- Я слышу тебя, Мирон, - шепчу я в пустую комнату.

И мне кажется, что в ответном шуме записи я слышу едва заметный вздох. Или, может быть, это просто моя фантазия, рожденная слишком долгой работой со звуком. Но в этом мире, где всё - имитация, иногда фантазия - это самое реальное, что у нас остается.

Я нажимаю "record" и начинаю свою собственную запись. Я не буду говорить слов. Я просто запишу тишину своей комнаты. Мое дыхание. Мой ритм. И я отправлю этот файл ему.

Без комментариев. Без объяснений.

Пусть он тоже услышит меня. Пусть он узнает мой внутренний гул, который я так долго прятала.

Я сижу неподвижно две минуты. Раз-два-три-четыре. Вдох. Пять-шесть-семь-восемь. Выдох. Легкие работают как часы. Мое тело - идеальный резонатор.

Я останавливаю запись и нажимаю "отправить".

Теперь мяч на его стороне. Наша игра перешла на новый уровень. И я больше не боюсь проиграть. Потому что в этой игре нет победителей, есть только те, кто наконец-то перестал притворяться, что их нет.

Я откидываюсь на спинку кресла и смотрю, как полоска прогресса загрузки медленно ползет к финишу. 90 процентов. 95. 99. Отправлено.

Всё.

ГЛАВА 12

Я стою в прихожей Марка и чувствую, как в моих легких заканчивается запас кислорода. Это профессиональное. Пловцы знают, что самое опасное - это не когда ты под водой, а когда ты всплываешь слишком быстро. Кессонная болезнь души, если можно так выразиться. Мой внутренний профессор в консерваторской жилетке недовольно морщится: слишком дешевая метафора, Александра, перепишите партитуру. Но я не могу ничего переписать. Я просто стою и слушаю, как гудит холодильник в его кухне. Тональность соль-диез, старая модель, компрессор скоро сдохнет. В этом звуке больше честности, чем во всем, что происходило между нами последние две недели.

Марк не оборачивается. Он стоит спиной ко мне у кухонного острова, зажав в правой руке тяжелую керамическую кружку. Его плечи - широкая, надежная мишень. Я смотрю на его лопатки и вижу там не мужчину, который мне нравится, а сложный график амплитуд. Если бы я сейчас наложила фильтр на реальность, он бы состоял из рваных линий. Его затылок, коротко стриженные волосы, манера чуть наклонять голову влево, когда он о чем-то думает - всё это теперь кажется мне набором аудиодорожек, которые я наконец-то свела в один мастер-трек.

Тишина в комнате становится плотной, как кисель. Я ко-

жей чувствую, как молекулы воздуха замирают. Это не та тишина, которая лечит. Это тишина перед тем, как дирижер поднимет палочку, и оркестр выдаст оглушительное фортиссимо. Я делаю вдох на четыре счета. Раз, два, три, четыре. Моя грудная клетка расширяется, ребра упираются в ткань джемпера. Я привыкла контролировать объем легких. Вода научила меня, что паника - это лишний расход ресурса. Если я сейчас запаникую, я захлебнусь в этом запахе кофе и старой бумаги, которым пропитана его квартира.

Марк медленно, почти демонстративно, ставит кружку на гранитную столешницу. Звук удара керамики о камень резонирует в моем солнечном сплетении. Глухой, низкий тон. Ударный инструмент. Он не оборачивается, но я вижу, как напряглись мышцы его шеи.

- Ты пришла сказать это вслух или просто хочешь, чтобы я сам признался? - его голос звучит тускло.

Это не тот голос, который я слышу в наушниках по восемь часов в день. В наушниках он бог, он демиург, он человек, способный вывернуть твою лимбическую систему назнанку одним правильно поставленным ударением. Здесь, на этой кухне, в свете тусклой лампы, он звучит как человек, который очень устал врать. Но я-то знаю. Я слышу обертоны. Я слышу ту самую частоту в районе двух с половиной килогерц, которая появляется у него только тогда, когда он переходит на шепот в своих записях. Это его акустический отпечаток пальца. Его невозможно стереть или замаскиро-

вать даже самым дорогим плагином.

- Я отправила тебе файл, - говорю я, и мой собственный голос кажется мне чужим. Слишком много верхних частот, слишком много дребезжания. Убери это, Саша, ты же профессионал. Сделай голос ровным, как гладь бассейна в шесть утра. - Ты его прослушал?

Марк наконец поворачивается. Его лицо - маска циника, которую он надевает каждое утро вместе с часами. Глаза холодные, но я смотрю не в глаза. Я смотрю на его губы. Я знаю, как они двигаются, когда он произносит звук "о". У него специфическая дикция, легкая недосказанность в конце фраз, которую я раньше принимала за особенность характера, а теперь понимаю - это технический прием. Он прячет за ним свою уязвимость.

- Прослушал, - он делает шаг ко мне. - Две минуты тишины. Очень авангардно. В духе Джона Кейджа, но с поправкой на женскую истерию. Что это должно было значить?

Он пытается меня задеть. Это его оборонительный ров. Сложный синтаксис, едкие замечания, интеллектуальное превосходство. Он выстраивает баррикаду из слов, чтобы я не заметила, как у него дрожит нижняя челюсть. Но я замечаю. Мои глаза - это микрофоны с гиперкардиоидной направленностью. Я фиксирую каждое микродвижение его лицевых мышц.

- Это не тишина, Марк. Это мое дыхание. И ты это знаешь. Ты услышал там то же самое, что я слышу в твоих ис-

ходниках. Фальшь. Ты так долго прятался за псевдонимом Мирон, что, кажется, сам поверил, будто этот голос тебе не принадлежит. Но я редактор. Моя работа - слышать то, что люди хотят скрыть. И ты скрываешь всё.

Я прохожу вглубь комнаты, не дожидаясь приглашения. Мои кеды бесшумно ступают по ковру. Я чувствую себя как в камере сенсорной депривации. Здесь слишком много вещей, которые поглощают звук: книжные полки до потолка, тяжелые шторы, мягкий диван. Это идеальная студия. Идеальное убежище.

- Знаешь, когда я впервые поняла? - я останавливаюсь у окна. За стеклом город живет на частоте пятьдесят герц. Трамваи, машины, гул толпы. - Не по тембру. И не по манере строить предложения. А по тому, как ты замираешь между абзацами. У тебя есть такая особенность - ты задерживаешь дыхание ровно на три секунды перед тем, как сказать что-то действительно важное. Я вырезала эти паузы сотни раз. Я знаю их ритм лучше, чем ритм собственного сердца. И сегодня утром, когда ты пил чай и читал новость в телефоне, ты замер точно так же. На три секунды. Раз. Два. Три.

Марк молчит. Он стоит, прислонившись к столешнице, и смотрит на свои руки. Его пальцы длинные, нервные. Пальцы человека, который много пишет, но боится, что его слова будут использованы против него. Я вспоминаю свою детскую привычку - слушать шаги отца в коридоре. Если он шел тяжело, наступая на пятку, значит, будет скандал. Если шел

почти на цыпочках, значит, скоро уйдет, и, возможно, надолго. Я научилась расшифровывать мир через вибрации пола. Марк для меня - это та самая вибрация, которую я пытаюсь поймать всю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.